

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ДЛЯ

БЮГРАФИИ ДОМОНОСОВА.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Бабунова, въ С. П. Б.

Г. Шницдорфа, въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

Эфонджина и Коми., въ Тифлисѣ.

Цена 50 коп. сер.

C. H.

52

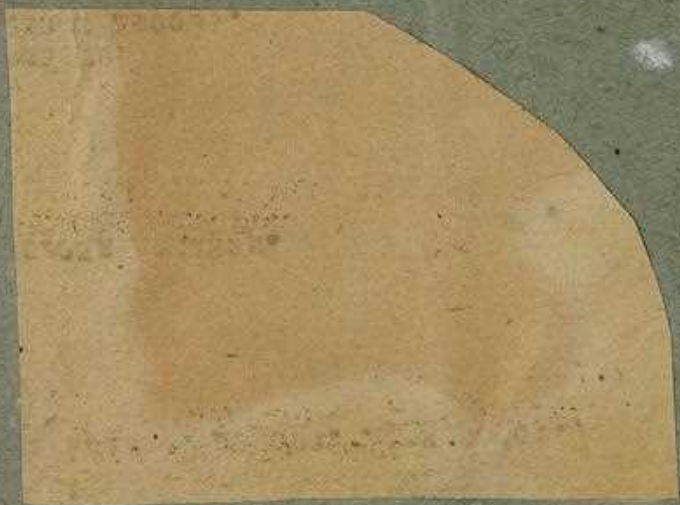
63

60

65

66

2012

001

П-23

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ДЛЯ

БЮГРАФИИ ЛОМОНОСОВА.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

27695
—
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 7.

PROBATION

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Г. Шиндлерфа, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Энфанджянца и Комп., въ Тифлисѣ.

—
Цена 50 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 22 Декабря 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Вессловскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Годы:	Стран.
1720—42. Отношенія Шумахера къ Академіи и академикамъ до Ломоносова	1—17
1742—43. Отношенія Шумахера къ Ломоносову въ первое время по возвращеніи его изъ Германіи	17—20
1745. О намѣреніяхъ Шумахера въ отношеніи доктора Бургаве и Ломоносова	20—22
1747—48. Вызовъ Ломоносова въ сенатъ по дѣлу о доносѣ Крекшина на Миллера	22—24
1748. Объ учрежденіи историческаго департамента и собранія при Академіи наукъ	24—28
1748—49. Отзывы Шумахера о Ломоносовѣ въ письмахъ къ Эйлеру	28—29
1748. О поручительствѣ Ломоносова за академика Гмелина	29—32
1748. Слѣдственная коммиссія надъ Миллеромъ по поводу письма къ нему астронома Делиля	32—34
1749. Сношенія Ломоносова съ Татищевымъ	34—38
1749. Переводъ Ломоносовымъ посвященія къ сочиненію Эйлера <i>Scientia navalis</i>	38—41
1749. Отношенія Шумахера къ Ломоносову и прочимъ академикамъ при графѣ Разумовскомъ	41—53
1752—53. Хлопоты Шумахера о полученіи аренды въ Ливоніи и отзывы его о возвышеніи Ломоносова	54—57
1753—54. Рѣчь Ломоносова о явленіяхъ, происходящихъ отъ электричества	57—60
1754. Сообщеніе Ломоносовымъ Ла-Кондамину русской азбуки	61—60
1753—55. О приглашеніи доктора Сальхова для занятія кафедрой химіи	62—66

Годы:	Стран.	
1755.	О спорѣ Ломоносова съ Тепловымъ при разсмотрѣ- ніи академическаго устава	66—67
1755—65.	Отношенія Ломоносова къ П. И. Рычкову	68—73
1756—50.	Письма Миллера по поводу теоріи Ломоносова о свѣтѣ и цвѣтахъ	73—74
1756—57.	Отношенія Ломоносова къ Румовскому	74—78
1757.	Письмо Миллера къ президенту Академіи о Ломо- носовѣ	78—80
1758.	О гравюрѣ къ русской исторіи Ломоносова	80
1759.	Отзывъ Ломоносова о рѣчи Брауна	81—86
1763.	Письмо Миллера объ увольненіи Ломоносова въ отставку	86—88
1765.	Извѣстія Бюшинга и Тауберта о смерти Ломоносова. О сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова, храня- щемся въ библиотекѣ Академіи наукъ	88—89 89—98
	Мнѣнія Тредьяковскаго и Ломоносова о правопи- саніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ	98—119

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ
ДЛЯ БІОГРАФІИ ЛОМОНОСОВА.

АКАДЕМИКА П. НЕКАРСКАГО.

1.

Отношенія Шумахера къ Академіи и академикамъ
до Ломоносова.

1720 — 1742 годы.

Въ исторіи Академіи наукъ и въ жизнеописаніи Ломоносова особенно часто встрѣчается имя Шумахера: его нельзя здѣсь обойти молчаніемъ, напротивъ, на каждомъ шагу является необходимость прямо или косвенно обращаться къ этой личности. Извѣстно, что для ея біографіи и Ломоносовъ, и Миллеръ оставили не мало свѣдѣній и притомъ всегда представляющихъ въ невыгодномъ свѣтѣ чловѣка, который — хотя не подъ своимъ именемъ, но подъ покровомъ бывшихъ тогда президентовъ — былъ болѣе тридцати лѣтъ полнымъ распорядителемъ судебъ ученаго общества. Но изъ этихъ свѣдѣній, очевидно составившихся и у знаменитаго нашего писателя, и у извѣстнаго своимъ заслугами академика подъ вліяніемъ личнаго нерасположенія, все-таки нельзя въ настоящее время понять причины, почему Шумахеръ успѣлъ приобрести и удержать за собою значеніе въ Академіи и почему всѣ усилія этихъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи русскаго просвѣщенія кончались почти всегда торжествомъ ихъ врага? Между тѣмъ современный изслѣдователь не можетъ и не долженъ

оставлять этихъ обстоятельствъ безъ разысканій, потому что въ противномъ случаѣ, по необходимости, онъ увлечется какою нибудь заранѣ составленною идеею и будетъ уже по ней толковать всё извѣстныя ему событія, разъясненіе истиннаго смысла которыхъ тѣмъ болѣе обязательно, что они на столько удалены отъ насъ, что о нихъ можно судить безстрастно и согласно требованіямъ исторіи, какъ науки. Чѣмъ болѣе извѣстѣи о Шумахерѣ, сохранившихся во враждебномъ ему лагерѣ, чѣмъ болѣе встрѣчается тамъ порицаній ему, тѣмъ настоятельнѣе надобность въ проверкѣ всего этого по матеріаламъ, въ которыхъ говорить и дѣйствуетъ самъ обвиненный, гдѣ, слѣдовательно, онъ является не въ изображеніи со словъ враговъ, но въ собственныхъ своихъ показаніяхъ.

Чтобы познаться съ Шумахеромъ по источникамъ, которые оставилъ онъ самъ о себѣ, необходимо обратиться къ академическому архиву, гдѣ находятся многіе фоліанты переписки, веденной этимъ человекомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятильетъ. Кромѣ этого обширнаго и чрезвычайно богатаго матеріала, тамъ же есть біографія академическаго совѣтника, написанная вскорѣ послѣ его смерти, и съ сохраненіемъ притомъ правила, свято соблюдаемаго въ академическихъ похвальныхъ словахъ: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Судьба какъ будто хотѣла подсмѣяться надъ Миллеромъ, предъопредѣливъ именно его въ офиціозныя авторы такой біографіи Шумахера: въ годъ его кончины ¹⁾, Миллеръ исполнялъ обязанность секретаря академической конференціи и такимъ образомъ вынужденъ былъ писать похвальное слово самому непримиримому, послѣ Ломоносова, врагу своему по Академіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ каждая фраза въ этомъ жизнеописаніи обращаетъ на себя вниманіе, особенно когда знаешь, что говорилъ авторъ о своемъ героѣ въ другое время, при иныхъ обстоятельствахъ и совершенно въ иномъ настроеніи духа ²⁾.

¹⁾ Шумахеръ умеръ 3 іюля 1761 года, на семьдесятъ первомъ году отъ рожденія.

²⁾ И бѣловая біографія, и черновая, писанная рукою Миллера, хранятся въ архивѣ академической конференціи въ портфелѣ, съ надписью: «біографія академикова».

Прежде всего слѣдуетъ напомнить нѣкоторыя подробности о воспитаніи Шумахера. Изъ біографіи его видно, что Іоаннъ Даниль Шумахеръ (род. 5 сентября 1690 г.) сначала учился въ гимназій роднаго своего города, Кольмара, въ Эльзасѣ, а потомъ, въ 1707 г., поступивъ въ стразбургскій университетъ, сталъ преимущественно заниматься словесностью (die schönen Wissenschaften), потому что чувствовалъ въ себѣ особенное призваніе къ поэзіи. Философскія лекціи онъ посѣщалъ неохотно, а математическія науки изучалъ мимоходомъ, такъ какъ главнѣйше обращалъ вниманіе на юриспруденцію и богословіе, въ надеждѣ занять современемъ въ университетѣ кафедру по предмету которой либо изъ этихъ наукъ. Въ 1711 году, Шумахеръ защищалъ представленную имъ на полученіе степени диссертацию De Deo, mundo et anima и удостоился званія магистра и laurea poëtica. Затѣмъ онъ продолжалъ посѣщать юридическія и богословскія лекціи, но вдругъ долженъ былъ покинуть Стразбургъ, вслѣдствіе огорченія за какіе-то стихи, признанные тамъ вольными¹⁾. Шумахеръ поступилъ тогда въ наставники къ дѣтямъ графа Лейнингенъ-Гартенбургъ, а потомъ отправился въ Парижъ. Здѣсь Шумахера пригласилъ на службу въ Россію Лефортъ, племянникъ любимца Петра Великаго, перешедшій впоследствии изъ русской въ саксонскую службу и бывший долгое время потомъ посланникомъ при нашемъ дворѣ²⁾. Въ сентябрѣ 1714 г. Шумахеръ прибылъ въ Петербургъ и поступилъ подъ начальство лейбъ-медика Петра Великаго, завѣдывавшаго также и всею врачебною частью въ Россіи, Арескина въ качествѣ секретаря по иностранной перепискѣ и бібліотекаря книжнаго собранія, приобретеннаго царемъ во время походовъ въ Лифляндію, Курляндію и Польшу, а также небольшого кабинета рѣдкостей. Здѣсь Шумахеръ выказалъ неутомимую дѣятельность, расторопность и ловкость: на его рукахъ было веденіе обширной переписки съ подвѣдом-

¹⁾ Als Ihme etliche freye Verse einigen Verdrusz zugezogen, so hat er Strasburg verlassen.

²⁾ Денеси его часто приводятся въ сочиненіи Германа: Geschichte des Russischen Staates, vierter Band.

ственными Арескину лекарями; онъ представлялъ ему подробные отчеты не только о медицинскихъ, но и хозяйственныхъ его дѣлахъ, а потомъ, когда помянутыя собранія книгъ и рѣдкостей стали увеличиваться отъ новыхъ пріобрѣтеній, усердно хлопоталъ о помѣщеніи и приведеніи ихъ въ порядокъ, объ уплатѣ слѣдующихъ за нихъ суммъ и т. п. При такихъ разнообразныхъ заботахъ, у Шумахера доставало еще времени поддерживать сношенія съ знакомыми Арескина, писать, напримѣръ, о петербургскихъ новостяхъ къ князю Куракину въ Парижъ, къ Биньону о миссіонерахъ въ Китаѣ, къ доктору Шоберу о его путешествіи внутри Россіи и пр. Тогдашній кругъ дѣятельности Шумахера былъ еще не обширенъ, но онъ, какъ видно изъ его писемъ, уже успѣлъ овладѣть расположеніемъ своего начальника, и въ то время попадаютъ черты, предсказывавшія будущаго академическаго совѣтника: онъ не щадилъ ничего для угожденія Арескину при устройствѣ его хозяйства, хлопоталъ даже о его попугаѣ, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ мастеръ, выписанный изъ-за границы для переплета царскихъ книгъ, то Шумахеръ прежде всего велѣлъ ему сдѣлать великолѣпные переплеты на книги лейбъ-медика, а потомъ уже далъ работу въ казенной бібліотекѣ. Любопытно, что онъ самъ съ особенною торжественностью даетъ о томъ отчетъ своему начальнику.

Арескинъ умеръ 29 ноября 1718 года, и Шумахеръ перешелъ подъ начальство преемника его Лаврентія Блюментроста. Вскорѣ потомъ необходимыя распоряженія для осуществленія мысли — учредить въ Петербургѣ Академію наукъ — выдвинули Шумахера изъ ряда обыкновенныхъ дѣльцовъ на болѣе видное мѣсто.

Когда говорится объ учрежденіи нашей Академіи, то вошло въ обыкновеніе связывать съ этимъ событіемъ имя Лейбница († 1716 г.). Дѣйствительно германскій философъ подавалъ въ 1712 году Петру Великому проектъ объ основаніи collegium sapientiae и вообще интересовался событіями, совершавшимися въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка; но этимъ собственно и ограничиваются всѣ фактическія данныя о степени участія его въ дѣлѣ основанія Академіи. Предположеніе, что

мысль о томъ могла быть внушена Петру Великому Лейбницемъ, высказана въ первый разъ Миллеромъ и потомъ, съ его легкой руки, не разъ повторялось и притомъ какъ фактъ, не подлежащій дальнѣйшей повѣрки. Зная лихорадочную поспѣшность государя, когда дѣло заходило о введеніи въ Россію того, что онъ считалъ для нея полезнымъ и что существовало въ другихъ европейскихъ государствахъ, трудно допустить, чтобы онъ могъ откладывать на долго осуществленіе мысли Лейбница и вспомнить о ней лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Замѣчательно, что подробности объ основаніи Академіи оставались неизвѣстными даже и для первыхъ членовъ ея, и не далѣе какъ чрезъ десять лѣтъ существованія ученаго общества, именно въ 1735 г., академикъ Гольдбахъ, собирався писать исторію Академіи, представлялъ, что слѣдуетъ обратиться съ просьбою къ Лаврентію Блюментросту и Шумахеру о доставленіи извѣстій о томъ, на какой конецъ учреждена Академія и чимъ совѣтамъ слѣдовало въ этомъ случаѣ Петръ Великій ¹⁾.

Блюментростъ умеръ (27 марта 1755 года), не оставивъ объ этомъ никакихъ извѣстій. Что же касается до Шумахера, то въ одномъ письмѣ къ камергеру барону Николаю Корфу, 31 марта 1755 года, онъ рассказываетъ слѣдующее: «вы желаете знать, когда покойный дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ Блюментростъ назначенъ былъ Петромъ Первымъ достославныя памяти лейбъ-медикомъ и президентомъ Академіи наукъ... По разысканіямъ и воспоминаніямъ объ этомъ, я тотчасъ отыскалъ, что послѣ смерти архіатера и лейбъ-медика Арескина, именно въ 1718 г., Блюментростъ былъ всемиловѣйше пожалованъ Петромъ Великимъ въ лейбъ-медики и директоры бібліотеки и кунсткамеры, основанныхъ докторомъ Арескинымъ... Послѣ того, покойный дѣйствительный статскій совѣтникъ всеподданнѣйше представлялъ его императорскому величеству, что бібліотека и кунсткамера мало принесутъ пользы, если для нея не будутъ вызваны способные ученые люди, которые бы исключительно занимались науками.

¹⁾ Записки Академіи наукъ. Т. VII, кн. 2, приложение № 4, стр. 28, 29.

Вслѣдствіе того императоръ повелѣлъ сдѣлать таковой вызовъ тѣмъ болѣе, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ, какъ членъ парижской Академіи наукъ, онъ считалъ это въ высшей степени необходимымъ. Между тѣмъ Блюментростъ замѣтилъ, что если по каждой наукѣ будетъ вызванъ особенный ученый, то изъ нихъ можетъ составиться цѣлая Академія, о чемъ и представилъ его императорскому величеству, который приказалъ ему составить проектъ по этому предмету...»¹⁾

Въ дополненіе къ этому извѣстію, дословно вошедшему потомъ въ рукописную біографію Блюментроста²⁾, Миллеръ, въ упомянутомъ выше жизнеописаніи Шумахера, сохранилъ свѣдѣніе, что первый проектъ объ учрежденіи Академіи составляли сообща (gemeinschaftlich) Блюментростъ и Шумахеръ.

Представленіе Блюментроста объ Академіи должно отнести никакъ не позже 1720 года, чему служитъ доказательствомъ письмо Вольфа къ Блюментросту 11 января 1721 года, начинающееся такъ: «его императорское величество имѣетъ намѣреніе учредить Академію наукъ и притомъ другое заведеніе, гдѣ бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ и писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ...»³⁾. Въ февралѣ того же 1721 года, Петръ Великій послалъ Шумахера за-границу съ порученіемъ: «съ учеными корреспонденцію произвести для умноженія художествъ и наукъ... а наипаче для сочиненія соціетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ...»⁴⁾. Кромѣ этого пункта, въ наказѣ Шумахеру было еще двѣнадцать статей, въ которыхъ излагались самые разнообразныя предметы: онъ обязанъ былъ осматривать всѣ бібліотеки и музеи, приглашать въ русскую службу разныхъ ученыхъ и мастеровыхъ, пріобрѣтать физическіе инструменты, анатомическіе препараты, модели, рисунки машинъ и т. п.

¹⁾ Академ. архивъ конференціи, Исходящія письма 1754—1766 гг.

²⁾ Академ. архивъ кон., портфель «Біографіи академикомъ».

³⁾ Briefe von Christian Wolff, Petersburg 1860, стр. 3, 4.

⁴⁾ Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 534.

Въ 1722 году, Шумахеръ возвратился въ Петербургъ и представилъ государю отчетъ о своей поѣздкѣ, который доказываетъ, что составитель его былъ человекъ въ высшей степени дѣльный и ловкій. Все, что было примѣчательнаго въ Парижѣ, Лондонѣ и Германіи по части наукъ, искусствъ и ремеслъ, осмотрѣно имъ внимательно; обо всемъ видѣнномъ сдѣланы имъ основательныя замѣчанія; онъ успѣлъ побывать у всѣхъ современныхъ ученыхъ знаменитостей. Наконецъ, Шумахеръ старался при каждомъ удобномъ случаѣ выказать, что Петръ Великій чрезвычайно уважаетъ ученыхъ и старается о водвореніи наукъ въ своемъ государствѣ.

Послѣ утвержденія Петромъ Великимъ въ 1724 г. проекта академическаго устава, Шумахеръ велъ отъ имени Блюментроста обширную переписку о вызовѣ академикомъ изъ чужихъ краевъ. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ, къ которымъ относились по этому предмету, отвѣчали похвалами монарху за стараніе водворить науки въ своемъ государствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда выражали и сомнѣніе въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Такъ напр. Петръ фонъ-деръ-Аа изъ Лейдена писалъ къ Блюментросту 25 апрѣля 1724 г.: «учрежденіе Академіи его императорскимъ величествомъ есть дѣло образцовое (*chef d'oeuvre*) и достойное осуществленія и исполненія такимъ великимъ государемъ и героемъ — это увѣковѣчится въ памяти людей. Со временемъ его императорское величество, при помощи очень значительнаго жалованія, найдетъ людей знаменитыхъ въ литературной республикѣ, но въ настоящее время, не угодно ли вамъ, милостивый государь, обратить вниманіе на то, что тѣ, которые уже приобрѣли себѣ извѣстность, имѣютъ хорошія мѣста и не покинутъ ихъ для того, чтобы ѣхать такъ далеко. Непріобрѣвшіе же себѣ извѣстности должны поступать весьма осмотрительно, чтобы не быть отосланными назадъ, если не будутъ соответствовать требованіямъ его императорскаго величества относительно искусствъ и наукъ...»¹⁾ Впрочемъ было получено нѣсколько и такихъ отвѣтовъ, въ которыхъ требовались дальнѣйшія разъясненія объ

¹⁾ Акад. архивъ, Входящія письма 1723—1724 годовъ.

условіяхъ. Шумахеръ оказалъ себя знатокомъ человѣческихъ сердець, потому что писалъ къ Блюментросту (30 апрѣля 1724 года): «вотъ нѣсколько отвѣтовъ на наши письма. Изъ нихъ вы увидите, что все идетъ хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что все зависитъ отъ денегъ, а вы знаете, милостивый государь, что щедрость и награды не слишкомъ у насъ извѣстны...»

Съ одной стороны желаніе видѣть во вновь основавшейся Академіи людей, извѣстныхъ учеными заслугами, а съ другой неохота и нерѣшительность отправиться въ далекій, малоизвѣстный еще тогда край, — порождали множество затрудненій при учрежденіи ученаго общества. Надобно было имѣть много силы воли и рѣшимости, чтобы устранять и побѣждать разнородныя препятствія, разрѣшать сомнѣнія, отыскивать новые способы и пути для поправленія разныхъ неудачъ и несбывшихся ожиданій — и все это главнымъ образомъ выпало на долю Шумахера. Онъ, какъ видно это изъ уцѣлѣвшей черновой переписки его съ разными лицами и Блюментростомъ, не унывалъ и велъ все дѣло съ замѣчательною настойчивостью и умѣньемъ. Наконецъ, благодаря содѣйствію графа Александра Головкина, русскаго посланника въ Берлинѣ, Вольфа въ Галле, Менке въ Лейпцигѣ, Академія наукъ получила свое начало, не смотря на то, что Петръ Великій уже скончался: въ 1725 году новые академики въ Петербургѣ стали посѣщать ученія засѣданія.

Во многихъ событіяхъ русской исторіи нельзя не примѣтить особенной характеристической черты — это горячее увлеченіе и юношескій пылъ при началѣ какого бы то ни было новаго дѣла и потомъ быстрое охлажденіе къ нему, когда приходится его продолжать. Эта же самая судьба постигла и нашу Академію. Первые два года ея существованія предсказывали ей блестящую будущность: вновь прибывшіе члены ея были окружаемы всевозможнымъ вниманіемъ; въ лицѣ ихъ и дворъ, и высшее петербургское общество чествовали европейскую науку и старались высказать, что умѣютъ цѣнить ее. Императрица Екатерина I сама подавала въ томъ примѣръ: какъ только ббльшая часть академиковъ пріѣхали въ Петербургъ, она

изъявила желаніе видѣть ихъ; они представлялись ей въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ и были приняты чрезвычайно милостиво. На первыхъ торжественныхъ собраніяхъ Академіи долгомъ считали присутствовать первѣйшіе вельможи — даже свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, извѣстный тогда своимъ высококомѣріемъ, обращался съ учеными любезно и предупредительно. Президентъ Академіи не пропускалъ ни одного академическаго засѣданія, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ и вообще обходился съ академиками не какъ начальникъ, но какъ старшій по своему званію и положенію собрать ихъ.

Кончина Екатерины I и вступленіе на престолъ малолѣтняго Петра II внезапно измѣнили такое положеніе ученаго общества. Быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, разные дворскіе перевороты отвлекли Блюментроста отъ Академіи, и онъ отправился за дворомъ въ Москву, подписавъ составленное на скорую руку распоряженія (4 января 1728 года), чтобы въ отсутствіе его всѣ академическіе дѣла вѣдалъ бібліотекаръ Шумахеръ. Онъ только въ дѣлахъ особенной важности обязывался испрашивать разрѣшеніе президента, а въ помощь ему были назначены на каждые четыре мѣсяца попеременно три академика: Германъ, Бильфингеръ и Бекенштейнъ.

Не долго послѣ этого распоряженія существовало согласіе между бібліотекаремъ и академикомъ. Въ этомъ случаѣ любопытны письма перваго къ президенту, такъ какъ изъ нихъ видна система, которой держался Шумахеръ. Сначала онъ довольствовался тонкими намеками и насмѣшками, которые не могли не повредить академикомъ въ глазахъ президента. Напримѣръ, 4 марта 1728 года, Шумахеръ писалъ къ Блюментросту о приглашеніи Минихомъ на обѣдъ членовъ Академіи: «всѣ эти господа были тамъ, кромѣ Бильфингера, Бекенштейна и Байера, которые — я незнаю почему — не хотѣли воспользоваться этою честью. Могу васъ увѣрить, что г. генералъ всеми способами отличалъ Академію. Онъ часто вспоминалъ о васъ и выпилъ большой бокалъ за ваше здоровье....» Или 6 іюня 1728 года: «статья г. Вейтбрехта, которую имѣю честь представить вамъ въ подлинникѣ, очень разсердила въ

прекрасная конференція? Терпѣніе! вы узнаете еще много другихъ вещей...»

Изъ отвѣта Блюментроста видно, что онъ послѣ письма Шумахера рѣшительно возсталъ противъ Бильфингера. Последний въ это время получилъ приглашеніе вступить на службу къ герцогу виртембергскому и потому писалъ къ президенту, что для него выгодно только тогда остаться при Академіи, когда будетъ увеличено его содержаніе. Блюментростъ переслалъ письмо на обсужденіе Шумахера, и тотъ совѣтовалъ рѣшительно отказать. «Всѣ профессора, писалъ онъ, послѣ предварительнаго изображенія Бильфингера человѣкомъ безпокойнымъ, будутъ просить объ увеличеніи жалованья. Каждый воображаетъ, что онъ этого заслуживаетъ и даже болѣе — такимъ образомъ все ученое собраніе будетъ въ волненіи. Вы знаете, что значить скряга, а они таковы почти всѣ¹⁾. Бильфингеръ не будетъ отъ того болѣе благодарнымъ вамъ, также какъ и не успокоете вы его — онъ всегда будетъ что нибудь выпрашивать, и я, напротивъ, полагаю, что вы его сдѣлаете болѣе несноснымъ...»

Предоставленіе Шумахеру рѣшенія на письмо Бильфингера и совѣты по этому поводу перваго изъ нихъ достаточно показываютъ, какимъ онъ пользовался вліяніемъ въ Академіи не далѣе какъ три года спустя послѣ ея основанія. Учрежденіе ученаго общества въ такомъ государствѣ, гдѣ не только серьезное образованіе, но и самыя поверхностныя научныя свѣдѣнія были большою рѣдкостью, само собою разумѣется не могло бы имѣть мѣста безъ предоставленія въ такомъ дѣлѣ обширной власти одному лицу, которое вначалѣ должно было всѣмъ распорядиться и все рѣшать по личному своему усмотрѣнію. Таково было положеніе Блюментроста, но очевидно, что онъ, какъ человѣкъ, втянувшійся въ водоворотъ придворной жизни, не могъ да вѣроятно не чувствовалъ и охоты отдаться весь Академіи. Понятно поэтому, что Шумахеръ имѣлъ полную возможность распорядиться, какъ было ему угодно: на немъ

¹⁾ Повидимому Шумахеръ любилъ упрекать всѣхъ въ этомъ пороѣкѣ. Увидимъ ниже, что онъ въ томъ обвинялъ и Ломоносова.

собственно лежали все заботы по Академіи, а вместе с тем у него находилась вся власть, которая была предоставлена президенту. Сверх того, Шумахеръ, принимавшій дѣятельное участіе въ судьбѣ ученаго общества съ самаго его зарожденія, приобрѣлъ такой навикъ въ дѣлахъ его, что каждая подробность, которая такъ затрудняетъ неискуившихся въ канцелярскихъ дѣлахъ, была ему извѣстна до мелочей. Притомъ, ловкій и изворотливый бібліотекаръ понималъ вполне современное петербургское общество, зналъ, чѣмъ можно было угодить знатному и чѣмъ заслужить одобреніе временщика. Все это дѣлало его неоцѣненнымъ для президента человѣкомъ и не давало ни малѣйшаго сомнѣнія въ побѣдѣ его надъ академиками, когда они рѣшились вступить въ борьбу съ нимъ. Люди непрактическіе, раздражительные и не безъ значительной дозы самолюбія — что, какъ извѣстно, приписываютъ сидячей и уединенной жизни — ученые считали въ правѣ домогаться для себя наибольшихъ удобствъ и средствъ къ ученымъ занятіямъ, для которыхъ ихъ призывали, и жестоко ошибались въ томъ, такъ какъ это не соответствовало видамъ Шумахера.

Въ іюлѣ 1729 года возникла ученая распря между Бильфингеромъ и Даніиломъ Бернулли. Шумахеръ тогда держалъ сторону послѣдняго противъ перваго и видимо радовался случаю разжечь сильнѣе взаимную вражду двухъ академиковъ. Въ письмѣ отъ 14 іюля 1729 года ¹⁾ онъ внушалъ Блюментросту назначить для разбора распри цѣлую комиссію. При этомъ удобномъ случаѣ не обошлось безъ жалобъ на всехъ академиковъ въ неисполненіи ими своихъ обязанностей. «Я увѣренъ, писалъ Шумахеръ въ заключеніи, что они сдѣлаются болѣе сговорчивыми, когда будутъ съ ними обходиться съ болѣею властію. Дайте инструкцію: надобно, чтобы каждый ей слѣдовалъ — я въ этомъ случаѣ буду первый». Блюментростъ исполнилъ въ точности эти внушенія: назначилъ комиссію о дѣлѣ Бильфингера съ Бернулли и прислалъ строгую инструкцію, которою не могли не обидѣться академики. Торжество Шумахера было полное, и онъ не считалъ нужнымъ скрывать

¹⁾ Акад. арх. конф., Исходящія письма 1728—42 годовъ.

его. Тогда академики: Германъ, Бильфингеръ и Дювернуа обратились къ президенту съ жалобами на высокоуміе и самовольство бібліотекаря. Блюментростъ всѣмъ троимъ даль рѣзко почувствовать, что онъ только ихъ можетъ считать виноватыми¹⁾. Такъ напр., онъ писалъ къ Дювернуа: «могу увѣрить васъ, милостивый государь, что я не находилъ никакихъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію г. Шумахера, такъ какъ все дѣланное имъ согласуется съ данными ему приказаніями. Хотя я вовсе не желаю оправдывать выказываемаго имъ высокоумнаго обращенія, однако не удивляюсь этому, такъ какъ вы вынуждаете его къ тому, надсмѣхаясь надъ властію, которую, какъ вы предполагаете, онъ себѣ присвоиваетъ. Вамъ, милостивый государь, извѣстно, что онъ секретарь и бібліотекарь его императорскаго величества. Слѣдовательно ему достойтъ сообщать повелѣнія его величества и наблюдать за исполненіями ихъ...» Далѣе къ Бильфингеру: ...«позвольте сказать вамъ, что въ мое отсутствіе я могу поручать кому хочу завѣдываніе академическими дѣлами. Сверхъ того, г. Шумахеръ не есть секретарь Академіи, но самый старшій изъ членовъ ея и секретарь его величества по дѣламъ Академіи, назначенный по особому повелѣнію съ самаго начала учрежденія ея. Эта должность не была съ него слагаема, и, слѣдовательно, онъ состоитъ въ ней до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ новыхъ повелѣній, которыя уничтожатъ первое...»

И Германъ, и Бильфингеръ поспѣшили уѣхать изъ Петербурга, какъ только кончился срокъ ихъ контрактовъ. Шумахеръ зналъ, что они пользуются извѣстностью въ ученomъ мірѣ и въ то же время боялся, чтобы они не распространили за границею невыгодныхъ слуховъ объ Академіи, почему въ письмѣ къ Блюментросту, 6 іюля 1730 года, предлагалъ такую мѣру: «пенсіонъ каждому въ 200 талеровъ или рублей былъ бы конечно достаточнымъ для Германа и Бильфингера, чтобы поощрить ихъ къ доставленію сюда статей, а также для удержанія ихъ отъ злословія на Академію (auch sie abhal-

¹⁾ Всѣ три отвѣта президента отъ 25 августа 1729 г. въ I портфелѣ Миллера «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1728 по 1748 г.», въ арх. акад. конференціи.

ten die Academie zu verkleinern)...»¹⁾. Характеристично также коротенькое письмо Шумахера къ президенту отъ 14 января 1731 года: «Les sieurs Herman et Bülfinger partiront demain sans faute. Dieu soit loué et béni!»

По отъздѣ этихъ ученыхъ, первенство въ нашей Академіи несомнѣнно принадлежало Даниилу Бернулли, знаменитѣйшему математику своего времени. Когда Бильфингеръ былъ еще въ Петербургѣ, то Шумахеръ видимо благоволилъ къ Бернулли, писалъ о немъ въ лестныхъ выраженіяхъ къ президенту и дружески называлъ его *notre Daniel*. Но едва Бильфингеръ оставилъ Петербургъ, Шумахеръ измѣнилъ свои отношенія къ его сопернику. 8 февраля 1731 г. онъ уже писалъ къ Блюментросту: «г. профессоръ Бернулли присоединилъ къ подписанному имъ контракту прилагаемое здѣсь заключеніе не по иной какой причинѣ, какъ только изъ желанія жеманничать (*sich précieux ... machen will*), и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ пострадать. Впрочемъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно догадываться, что онъ очень будетъ смущенъ, если нарушить заключенный съ нимъ контрактъ, почему я полагаю, что вы ничѣмъ лучше не накажете неумѣстную бойкость и заносчивость этого господина, какъ приказавъ передать ему въ отвѣтъ на его требованія прилагаемыя здѣсь условія. Этимъ онъ смирится, а другіе, напротивъ, сдѣлаются осторожиѣе и, можетъ быть, признательнѣе. Если имъ (т. е. академикамъ) не показать во-время примѣра, то вы скоро узнаете на опытѣ, что все снова придетъ въ прежнюю безурядицу. Я предсказываю это...»²⁾. 15 февраля того же года: «Касательно Бернулли и Дювернуа прошу васъ не стѣсняться, потому что теперь настало время привести ихъ въ надлежащій порядокъ...»³⁾.

Изъ дальнѣйшей переписки Шумахера видно, что Блюментростъ въ точности исполнилъ и эти совѣты бібліотекаря, который продолжалъ наставлять, что такое обращеніе съ академиками принесетъ несомнѣнную пользу. Извѣстно, что въ

¹⁾ Арх. акад. конф., Исходящія письма 1728—42 годовъ.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

бытность въ Петербургѣ, Бернулли и Ейлеръ жили между собою очень дружно и занимали одну общую квартиру. 3 мая 1731 года, Шумахеръ упоминалъ о нихъ въ такихъ выраженіяхъ: «эти господа бываютъ порою одержимы причудами, которыя можно излечить скорымъ рѣшеніемъ...»¹⁾.

Бернулли, по своему характеру, не имѣлъ никакой охоты вступать въ борьбу съ бібліотекаремъ и потому въ 1735 году, подъ предлогомъ слабаго здоровья, вышелъ изъ Академіи и уѣхалъ изъ Россіи. Другъ его, Ейлеръ, весь погруженный въ свои гениальныя выкладки, держалъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ дразгъ, не приставаая повидимому ни къ которой сторонѣ, но и онъ въ 1741 году, какъ только ему открылась возможность получить въ Берлинѣ мѣсто, обезпечивающее существованіе его съ семействомъ, посѣпшилъ также покинуть Россію.

Извѣстно, что въ первые годы прибытія изъ-за границы Герарда Фридриха Миллера, Шумахеръ былъ къ нему особенно благосклоненъ, но въ 1732 году такое расположеніе перемѣнилось въ непримиримую вражду, о которой самъ Миллеръ рассказывалъ Теплову, въ письмѣ 25 октября 1748 г., слѣдующимъ образомъ: «я такъ давно близко знаю г. Шумахера. Онъ никогда не прощаетъ, если сочтетъ себя оскорбленнымъ, а склонность его характера къ мстительности всегда увлекаетъ его въ крайности. Его ненависть противъ меня началась съ 1732 года, когда сенатъ прислалъ указъ профессорамъ рассмотреть академическіе штаты, составленные г. Шумахеромъ. Я тогда думалъ, что долгъ мой требуетъ присоеди- ниться при этомъ рассмотрѣніи къ прочимъ профессорамъ, моимъ товарищамъ, и такъ какъ въ проектѣ штатовъ нашлось много заслуживающаго порицанія, то и не колебался высказать мое истинное мнѣніе, къ чему меня обязывала и присяга вѣрноподданнаго имперіи. Это привело г. Шумахера въ негодованіе противъ меня... Для избѣжанія его преслѣдованій, я вынужденъ былъ отправиться въ путешествіе по Сибири, чему онъ одинъ благопріятствовалъ, лишь бы удалить меня отъ тѣхъ, которые пользовались тогда моимъ перомъ. Кто бы могъ по-

¹⁾ Ibid.

думать, что въ продолженіе столь долгаго путешествія и тако-го большаго промежутка времени, гдѣ въ его противъ меня не могъ утихнуть?...»¹⁾

Въ 1733 г. на мѣсто Блюментроста президентомъ былъ назначенъ Кейзерлингъ. Онъ носилъ это званіе короткое время, а потому не успѣлъ произвести никакихъ переменъ по Академіи, хотя по оставленной имъ передъ отъѣздомъ своимъ инструкціи можно думать, что Кейзерлингъ намѣревался дать болѣе простора академикамъ по крайней мѣрѣ въ вопросахъ, касающихся наукъ. Въ концѣ 1734 года баронъ Корфъ вступилъ въ должность «главнаго командира» Академіи. Въ первый же разъ присутствія его въ академическомъ засѣданіи, астрономъ Делиль, въ привѣтственной къ нему рѣчи²⁾, рѣшился объяснить довольно обстоятельно весь вредъ для Академіи отъ того, что члены ея были въ полной зависимости отъ канцеляріи и подчинены ей даже по такимъ дѣламъ, по которымъ рѣшеніе могли дать только специалисты и ученые. Изъ дальнѣйшихъ поступковъ барона Корфа легко замѣтить, что онъ не внялъ представленіямъ Делиля. При немъ, какъ и при Блюментростѣ, практическій Шумахеръ одерживалъ верхъ. Это видно особенно изъ того, что разныя мастерскія и заведенія, на которыя такъ жаловались академики, какъ на излишнее бремя для ученаго учрежденія, были размножены, а канцелярія получила новую силу съ назначеніемъ туда въ 1736 году Шумахера въ совѣтники. Делиль, осмѣлившійся открыто воз-стать противъ него, впалъ въ рѣшительную немилость у президента и подъ конецъ вовсе прекратилъ посѣщеніе академическихъ засѣданій.

25 апрѣля 1740 года президентомъ былъ объявленъ тайный совѣтникъ фонъ Бревернъ, а 18 апрѣля слѣдующаго 1741 года онъ уже получилъ увольненіе. Въ апрѣлѣ 1742 г., академикъ Гольдбахъ, прежде имѣвшій вмѣстѣ съ Шумахеромъ участіе въ академическихъ дѣлахъ, перешелъ окончательно на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а управле-

¹⁾ Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1743 по 1751 годы, исторіо-графа Миллера, портфель II, арх. акад. конференціи.

²⁾ Записки Академіи наукъ, Т. VII, кн. 2, приложеніе № 4, стр. 38—43.

ніе Академією, впродъ до назначенія новаго президента (что послѣдовало въ 1746 году), возложено было непосредственно на Шумахера. 17 апрѣля 1742 г., онъ писалъ къ Ейлеру въ Берлинъ: «такъ какъ статскій совѣтникъ Гольдбахъ уволенъ отъ Академіи, и мнѣ приказано завѣдывать со всякимъ прилежаніемъ дѣлами ея до дальнѣйшаго повѣленія, то я постараюсь привести многое въ прежній порядокъ...»¹⁾.

2.

Отношенія Шумахера къ Ломоносову въ первое время по возвращеніи его изъ Германіи.

1742 — 1743 годы.

Изъ предъидущаго не трудно замѣтить, что съ самаго образованія Академіи у Шумахера постоянно существовали неприязненныя отношенія ко всѣмъ членамъ ея, которые, по своимъ дарованіямъ и трудамъ, выходили изъ ряда обыкновенныхъ ученыхъ и потому возбуждали въ ревнивомъ къ своему значенію совѣтникѣ опасеніе, чтобы чрезъ нихъ не умалилась его собственная власть. Ломоносовъ вернулся (8 іюня 1741 года) изъ Германіи въ Петербургъ провинившимся въ грѣхахъ молодости студентомъ, и первое время, какъ можно судить по письмамъ его къ Шумахеру изъ-за границы, былъ къ нему почтителенъ. По крайней мѣрѣ академическій совѣтникъ видимо оказывалъ ему тогда свое покровительство.

Пять дней спустя послѣ прибытія Ломоносова въ Петербургъ, 13 іюня 1741 года Шумахеръ поручилъ академику Амману, своему зятю, преподавать Ломоносову естественную исторію «и руководить его занятіями съ тѣмъ, чтобы съ нимъ поскорѣе можно быто дойти до предположенной цѣли...»²⁾ 10 ноября 1741 г., Амманъ извѣщалъ Шумахера, что имъ просмотрѣны составленные Ломоносовымъ каталоги мине-

¹⁾ Арх. акад. ков., Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

²⁾ Академика Куника «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII ст.», ч. II, стр. 342.

раловъ, «за исключеніемъ каталога янтарей, въ которомъ не нахожу нужнымъ дѣлать измѣненія, тѣмъ болѣе, что онъ уже переписанъ на бѣло»¹⁾. Эта работа Ломоносова нынѣ обстоятельно описана г. Гебелемъ въ статьѣ: «Ueber die von Lomonosoff edirten Cataloge des mineralogischen Museum's der Academie und deren Inhalt»²⁾. Каталогъ былъ начатъ академикомъ Гмелинымъ-старшимъ, продолжаемъ и оконченъ Ломоносовымъ по плану своего предшественника и, наконецъ, напечатанъ въ 1745 году подъ заглавіемъ «Musaei Imperialis Petropolitani vol. I. Pars tertia, qua continentur res naturales ex regno minerali». Изъ всѣхъ каталоговъ и описей, хранящихся въ архивѣ минералогическаго музея Академіи, онъ одинъ только напечатанъ.

24 августа 1741 году поступили въ конференцію на разсмотрѣніе академикомъ диссертациі Григорья Теплова, Ломоносова, Рейзера и Виноградова. Изъ дальнѣйшихъ протоколовъ видно, что онѣ читались потомъ въ засѣданіяхъ до конца 1741 года. 11 ноября, Ломоносовъ, отъ имени своихъ товарищей, просилъ академикомъ высказать ихъ мнѣніе относительно представленныхъ сочиненій. 17 ноября въ протоколѣ записано, что «г. совѣтникъ Шумахеръ снова настаивалъ на томъ, чтобы конференція высказала свое мнѣніе насчетъ представленныхъ и читанныхъ диссертациій студентовъ: Теплова и Ломоносова, такъ какъ это и для него, и для студентовъ очень важно, чтобы сдѣлать загѣмъ свои распоряженія (um ihre Einrichtungen darnach zu machen)»³⁾.

8 января 1742 года, Шумахеръ назначилъ Ломоносова адъюнктомъ Академіи. Вскорѣ послѣ того (16 февраля 1742 г.) академикъ Штелинъ отправился въ Москву для постановки тамъ на сцену, по случаю коронаціи императрицы Елизаветы, итальянской оперы *Clemenza di Tito*, къ которой онъ придѣлалъ прологъ къ прославленію этой государыни, подъ заглаві-

¹⁾ Ibid., стр. 352.

²⁾ Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, T. IX, № 1, стр. 26—35.

³⁾ Академика Куника, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ», часть II, стр. 355—358.

емъ «*La Russia afflita e riconsolata*»¹⁾). Замѣчательно, что тотчасъ послѣ отъѣзда Штелина, въ перепискѣ съ нимъ Шумахера рѣчь идетъ о какомъ-то переводѣ Ломоносовымъ драматическаго сочиненія. Такъ 25 февраля 1742 года Шумахеръ писалъ къ Штелину въ Москву: «послѣ полученія вчера г. Ломоносовымъ французской копіи, онъ тотчасъ же принялся за работу. Онъ не будетъ перелагать въ стихи речитатива, но послѣдуетъ французскому (тексту)». 8 марта: «...Ломоносовъ безподобно подвигается въ своемъ переводѣ; можетъ быть ему удастся успѣть въ томъ. Если бы только не было у него одного недостатка (*Fehler*), то отъ него должно было бы ожидать много хорошаго...» 15 марта: «...Если Ломоносовъ встрѣтитъ одобреніе, то это доставитъ мнѣ удовольствіе, потому что при переводѣ челоуѣкъ не щадилъ ни трудовъ, ни усердія. При этомъ препровождаются итальянскій и нѣмецкій экземпляры...» 5 апрѣля: «...я жалѣю Ломоносо-

¹⁾ Какъ опера, такъ и прологъ напечатаны въ Москвѣ на итальянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ. На послѣднемъ подъ такимъ заглавіемъ: «Милосердіе Титова опера съ прологомъ представленная во время высокотожественнаго дня коронаціи ея императорскаго величества Елисаветы Петровны самодержицы всероссійской въ Москвѣ 1742 года. Печатано въ Москвѣ въ типографіи императорской Академіи наукъ». Въ 4^о, 5 и 48 страницъ. Въ началѣ ея «Россія по печали паки обрадованная прологъ къ оперѣ называемой Милосердіе Титова». Здѣсь Рутенія въ пустынной странѣ, «въ темнотѣ чутъ свѣтлой» вспоминаетъ о Петрѣ Великомъ и сѣтуетъ о печальномъ состояніи своихъ земель. За тѣмъ, занимается заря, восходитъ солнце и является Астрей съ объявленіемъ о востшествіи на престолъ Елизаветы, что возбуждаетъ всеобщую радость. При объясненіи дѣйствующихъ лицъ въ оперѣ замѣчено, что арѣчи переводилъ съ итальянскихъ виршей переводчикъ Иванъ Меркурьевъ». Указаніе, что опера напечатана въ Москвѣ *въ типографіи Академіи наукъ* объясняется тѣмъ, что для печатанія манифестовъ и другихъ правительственныхъ распоряженій по случаю коронаціи, сенатъ предписалъ Академіи послать въ Москву три типографскихъ стана: два для русской и одинъ для нѣмецкой печати. Они и были отправлены вмѣстѣ съ служителями подъ надзоромъ корректора Алексѣя Барсова, который прибылъ въ Москву 22 марта 1742 года. Эта временная типографія помѣщалась въ Китай-городѣ, близъ Ильинскихъ воротъ, на Ипатскомъ подворьѣ. Въ апрѣлѣ и маѣ академическіе типографщики печатали въ Москвѣ сказанную оперу на четырехъ языкахъ, потомъ — разные указы, патенты, билеты для опернаго представленія, и наконецъ продолжали печатаніемъ начатое въ Петербургѣ Собраніе указовъ. Барсовъ съ типографіею возвратился изъ Москвы 27 февраля 1743 года. (Архивъ акад. канцеляріи, книга 1742 г. № 64).

ва и тѣхъ, которые превозносили до небесъ его стихи и переводъ. Можетъ быть на будущее время его переводы заслужатъ болѣе одобренія. Между тѣмъ наша добрая воля видна изъ быстрого исполненія...»

Въ 1743 году ссора, затѣянная Ломоносовымъ съ Виндгеймомъ, была поводомъ къ запрещенію первому являться въ академическія засѣданія; кромѣ того на него подана была жалоба отъ академикова. Во всемъ этомъ Шумахеръ не принималъ никакого участія, такъ какъ въ то время производилось надъ нимъ слѣдствіе и онъ содержался подъ арестомъ. Но за то Миллеръ самъ сознавался впослѣдствіи, что въ дѣлѣ о Ломоносовѣ дѣйствовалъ за одно съ прочими академиками. Такъ въ письмѣ къ Теплову, 25 октября 1748 года, онъ писалъ, между прочимъ: «у меня не менѣе причинъ не довѣрять г. Ломоносову, такъ какъ онъ самъ мнѣ объявилъ однажды, что не можетъ простить мнѣ, что я дѣйствовалъ противъ него вмѣстѣ съ другими профессорами во время его ссоры съ г. Виндгеймомъ, когда онъ былъ еще адъюнктомъ — обида, которую я считалъ достаточно заглаженною послѣ оказанія мною содѣйствія ему, когда онъ былъ предложенъ въ профессора (1745 г.)»¹⁾.

3.

О намѣреніяхъ Шумахера въ отношеніи доктора Бургаве и Ломоносова.

1745 годъ.

Въ «краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» Ломоносовъ говоритъ, что Шумахеръ обѣщалъ доктору Аврааму Каау Бургаве каюдру химіи, которая отдана была ему, Ломоносову, и что потому Бургаве «уже не таюсь, говорилъ, что онъ для печей въ химическую лабораторію выпишетъ глину изъ Голландіи»²⁾.

¹⁾ Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ исторіографа Миллера съ 1743 по 1751 годы, въ архивѣ акад. конференціи.

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Бизирскимъ, стр. 065.

Въ одномъ письмѣ Шумахера къ придворному медику Рибейрѣ Санше (Sanchez), 27 мая 1745 года, есть разъясненіе видовъ академическаго совѣтника касательно приглашенія Бургаве въ Академію, а именно онъ писалъ: «Обдумавъ дѣло г. Каау, я нахожу, что нѣтъ ничего легче какъ доставить ему мѣсто профессора въ Академіи, если пожелаетъ онъ взять на себя анатомію и въ тоже время направлять занятія Ломоносова, который уже сдѣлалъ успѣхи въ химіи и которому назначена кафедра по этой наукѣ съ жалованьемъ по 800 рублей въ годъ. Dies diem docet. Современемъ сыщутся способы сдѣлать ему (т. е. Бургаве) жизнь болѣе пріятною, особенно, когда будетъ упомянуто въ контрактѣ о рукописяхъ, которыя онъ привезетъ съ собою. Если вы на это согласитесь, то прошу васъ увѣдомить меня. Я напишу о немъ представленіе въ Кабинетъ и увѣренъ, что ея величество утвердитъ это»¹⁾.

Дѣйствительно въ іюні 1745 года, Шумахеръ входилъ съ представленіемъ въ Кабинетъ²⁾: «понеже въ Академіи увѣдомлено, что статскаго дѣйствительнаго совѣтника и лейбъ-медика Каанъ Бергаве родной братъ Авраамъ Каанъ, который въ анатоміи, физиологіи и въ химіи весьма искусенъ и многими трудами у ученаго свѣта въ знаемость себя привелъ, а нынѣ мѣсто профессора анатоміи за ежегодную пенсію по 800 рублей въ Академіи принять; притомъ же російскихъ учениковъ не только анатоміи, но химіи и физиологіи обучать желаетъ, того ради я за потребно разсудилъ Кабинету ея императорскаго величества симъ низайше представить, не соизволитъ ли высокій Кабинетъ повелѣть... реченнаго Авраама Кана профессоромъ анатоміи въ Академію принять. Академія чрезъ то много узнаетъ и другую половину манускриптовъ славнаго въ Голландіи бывшаго Бергава³⁾, которые между обоими братьями раздѣлены, можетъ современемъ получить....»

¹⁾ Арх. акад. конѣ., Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

²⁾ Дѣла по внутреннему управленію Кабинета, карт. 11, № 15, въ госуд. архивѣ.

³⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о Германѣ Бургаве (Boerhave), знаменитомъ въ свое время медику, которому находившіеся въ русской службѣ братья Каау приходились племянниками; они были наслѣдниками и имени его, и рукописей.

Представленіе это оставалось безъ послѣдствій до 1747 г., а въ декабрѣ этого года Бургаве вступилъ въ Академію профессоромъ анатоміи.

4.

Вызовъ Ломоносова въ сенатъ по дѣлу о доносѣ Крекшина на Миллера.

1747 — 1748 годы.

Въ 1746 году извѣстный собиратель свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, комиссаръ Петръ Крекшинъ подалъ въ сенатъ составленное имъ «родословіе великихъ князей, царей и императоровъ всероссійскихъ». Оно было отослано въ Академію наукъ, которая разсмотрѣніе его поручила Миллеру. Это обстоятельство было поводомъ, что онъ вошелъ въ сношенія съ Крекшинымъ: послѣдній сообщалъ ему имѣвшіяся у него рѣдкія рукописи и въ свою очередь получилъ отъ академика выписки его изъ иностранныхъ сочинителей о Россіи. Выписки эти были сдѣланы для собственнаго употребленія Миллера на иностранныхъ языкахъ, которыхъ Крекшинъ не зналъ. Шумахеръ велѣлъ перевести для него всю книгу. Когда Крекшинъ узналъ, что Миллеръ неблагопріятно отозвался о его родословіи, то вздумалъ обвинить его передъ сенатомъ въ государственномъ преступленіи, а именно, что «въ данной ему отъ профессора Миллера книгѣ, писанныхъ рукою его историческихъ запискахъ усмотрѣлъ онъ, Крекшинъ, многія непотребныя записки, каковыя ему не только писать, и сообщать, и у себя держать, но и на иностранныхъ языкахъ не должно читать....» Въ подтвержденіе тому, Крекшинъ сослался на рассказъ одного польскаго писателя объ унижительномъ для русскихъ обхожденіи татарскихъ пословъ съ великими князьями. По требованію сената, Академія, 25 іюля 1747 года, сообщила въ сенатъ всю переписку о родословіи, составленномъ Крекшинымъ, и выписки Миллера, носившія такое заглавіе: «*Annotata ad Historiam Russicae facientia ex scriptoribus exoticis qui de rebus russicis tantum incidenter egerunt*».

4 августа 1747 года, сенатъ между прочимъ постановилъ: «понеже во взятой противъ того Крекшина показанія изъ канцеляріи Академіи наукъ книгѣ явилось въ ней письмо латинскаго языка, того ради въ правительствующій сенатъ призвать изъ оной Академіи профессора Ломоносова и велѣть ему въ означенной книгѣ противъ вышписаннаго Крекшина показанія сыскать и учинить тому переводъ, а по переводѣ доложить немедленно...»

Затѣмъ въ дѣлѣ слѣдуетъ являть съ такимъ переводомъ:

«Примѣчанія, надлежащія до російской исторіи, выписанныя изъ иностранныхъ писателей, которые вкратцѣ писали о приключеніяхъ, бывшихъ въ Россіи. Переведено изъ книги, писанной рукою профессора Миллера.

Изъ польской исторіи Іоганна Длугосса.

«Бѣдственно, трудно и отвращенія достойно было, что посламъ, присланнымъ къ великому князю отъ татарскихъ царей и не токмо посламъ, но и весьма подлымъ посланнымъ для взятія небольшой дани, или для какова другаго дѣла, самъ великій князь московскій выходилъ пѣшъ на встрѣчу, когда они на лошадахъ сидѣли, и подносилъ имъ съ уничиженіемъ стаканъ кобыляго молока и лизалъ съ гривы капли, которыя на нее падали. И татарину, который читалъ грамоту царя татарскаго, на російской языкѣ переведенную, подстизалъ подъ ноги самую лучшую соболью шубу. И какъ самъ великій князь, такъ и меншіе князи и бояре и знатные господа принуждены были стоять на колѣнахъ слушать грамоту царя татарскаго и обѣщаться съ татарами итти противъ всѣхъ правовѣрныхъ.

(Подпись рукою Ломоносова): «Изъ вышеозначенной книги съ латинскаго языка перевелъ Академіи наукъ профессоръ Михайла Ломоносовъ. Августа четвертаго числа 1747 года».

Дѣло это видимо затрудняло сенатъ, и онъ не постановлялъ никакого рѣшенія; но Крекшинъ, который, по свидѣтельству Миллера, былъ извѣстенъ своимъ сутяжничествомъ, не унимался. 4 декабря 1747 года, въ новомъ прошеніи онъ упоминалъ сенату о своемъ родословіи, гдѣ царствующій домъ по-

казанъ по прямой линіи отъ «великаго князя Гостомысла и великаго царя Владиміра Святославича. А что въ лѣта царствованія царя Бориса Ѳедоровича высочайшая ея императорскаго величества фамилія, слѣдующая по мужескому колѣну отъ царя Владиміра, дѣйствомъ его, царя Бориса Ѳедоровича, пресѣчена, и ложно написано начало отъ прусскихъ королей, и во многихъ родословныхъ книгахъ высочайшая ея императорскаго величества фамилія приписана ложно къ разнымъ родамъ Кобылицынымъ и прочимъ. Которыми лжами умножены многія книги, въ которыхъ профессоръ Миллеръ, не зная истины, заблудилъ и высочайшую фамилію неправо простою дворянскою дерзнулъ писать, и профессора Ломоносовъ, Тредіакъ и Штрубе въ невѣдѣніи же сію лжу за истину признавали...» По этимъ основаціямъ Крекшинъ просилъ, чтобы ему было дозволено изобличить названныхъ ученыхъ, а книги, въ которыхъ писаны такія лжи, сжечь. Крекшинъ хотѣлъ привлечь къ дѣлу Ломоносова и его двухъ товарищей потому, что прежде подачи довеса въ сенатъ онъ просилъ на Миллера въ Академіи, и тамъ по этому поводу была составлена изъ трехъ названныхъ академиковъ комиссія. Отзывъ ея, которымъ остался недоволенъ безпокойный комиссаръ, писанъ вчернѣ Ломоносовымъ ¹⁾.

Сенатъ снова постановилъ доложить дѣло въ общемъ собраніи, а Крекшина обязать подпискою, впредь до окончанія дѣла, отнюдь объ немъ не разглашать. На этомъ и кончается вся переписка о Миллерѣ въ сенатѣ ²⁾.

5.

Объ учрежденіи историческаго департамента и собранія при Академіи наукъ.

1748 годъ.

Ломоносовъ, прося объ увольненіи его отъ присутствованія въ историческомъ собраніи (17 сентября 1751 года), го-

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Биларскимъ, стр. 99—93.

²⁾ Въ портфель Миллера (арх. акад. кон.), неточно озаглавленномъ «Жалобы Академіи на канцелярію въ сенатъ съ 1744 по 1746», тетрадь подъ № 6:

ворилъ, что онъ это исполнялъ до 1749 года¹⁾. Въ слѣдующей черновой бумагѣ, писанной рукою Миллера, сохранились подробности какъ объ учрежденіи историческаго департамента, такъ и о причинѣ назначенія туда Ломоносова.

«Понеже резолюціею отъ ноября 10 числа 1747 года опредѣлено въ канцеляріи принять въ службу г. Миллера исторіографомъ и ректоромъ университета, при которомъ опредѣленъ въ силѣ контракта, съ нимъ заключеннаго, онъ, Миллеръ, обязался достовѣрное описаніе положенія всей Сибири географическаго, вѣры, языковъ тамошнихъ народовъ и древностей сибирскихъ сочинять, а когда окончается сибирская исторія, тогда онъ обязался къ сочиненію исторіи всероссійской имперіи по плану, который имъ будетъ представленъ и апробованъ отъ канцеляріи».

«А января 27 дня сего 1748 году требовалъ онъ своимъ представленіемъ, якобы (чтобы) для исторіи и географіи учрежденъ былъ особый департаментъ, и люди бы, ему потребныя, даны были въ помощь, что все не только по его представленію учинено, но и въ помощь ему данъ профессоръ исторіи г. Фишеръ для сочиненія сибирской исторіи, да и резолюціею отъ 27 дня января сего 1748 года въ канцеляріи опредѣлено: имъ сочиненія свои такимъ образомъ производить, дабы они между собою приватно согласяся кому какую изъ нихъ часть къ сочиненію взять на себя и чтобъ все то, что ими сочинено будетъ особно отъ всякаго прочтено было ими по согласію и принесено при репортѣ за руками обоихъ въ канцелярію для напечатанія, о чемъ къ нимъ того-жъ времени и указы изъ канцеляріи даны. Но понеже по всѣмъ симъ резолюціямъ отъ того времени усмотрѣно между ими партикулярное несогласіе, и отъ того не только по сіе время въ дѣлѣ, на нихъ положенномъ, чинится совершенная остановка, но и впредь уповательно время будетъ проходить напрасно и интересъ ея императорскаго величества знатный пропадать будетъ вотще. При томъ же многія такія сочиненія какъ на латынскомъ, такъ на росій-

«Händel mit Kregschin, 1746 sqq»; также въ дѣлахъ госуд. архива есть переписка, по этому предмету производившаяся въ сенатѣ.

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Биларскаго, стр. 155.

скомъ и другихъ языкахъ производятся въ печать отъ профессоровъ университета, которыя надобно чтобъ къмъ нибудь или обще всѣмъ были просмотрѣны и апробованы. Того ради, по указу ея императорскаго величества, въ канцеляріи Академіи наукъ опредѣлено быть для сихъ необходимыхъ нуждъ особливому профессорскому собранію, которое называться должно собраніе историческое. Въ ономъ все то прочтено и пересмотрѣно быть имѣеть, что въ департаментѣ историческомъ сочинено будетъ, такожде и сочиненія философскія, стихотворенія, критическія и всѣ гуманіора, а притомъ и расположенія, касающіяся до университета и гимназій. А потому общимъ согласіемъ представлено въ канцелярію для исполненія: оное собраніе быть должно всякую недѣлю по одиножды до полудни отъ осьмагаго до двѣнадцатаго часовъ въ такой день, въ который въ университетѣ не читаются лекціи, то есть въ среду, и отправляться въ той же полатѣ и за тѣмъ же столомъ, въ которой бываееть собраніе академическое, и сіе продолжать во весь годъ безпрерывно, выключая праздничные дни, въ календарѣ предписанные. Въ сіе собраніе приходитъ и голосъ свой имѣть нижеслѣдующимъ персонамъ: Миллеру, Лероу, Штрубе, Штелину, ассессору Тауберту, Тредіаковскому, Ломоносову, Крусіусу, Фишеру, Брауну. Секретарскую же должность отправлять долженъ при семъ собраніи г. профессоръ Тредіаковскій. Ежели же пожелають войти въ сіе собраніе или прошены будутъ кто ни есть изъ членовъ Академіи наукъ, тѣмъ брать мѣста по ихъ старшинству въ собраніи академическомъ. Марта 24 дня 1748 году. Подлинный за подписаніемъ канцеляріи Академіи наукъ господъ присутствующихъ».

Въ маѣ 1748 года послѣдовало распоряженіе академической канцеляріи о запискѣ времени прихода и выхода членовъ историческаго собранія. Противъ этого протестовали Миллеръ, Тредіаковскій и прочіе члены. Бумага втораго изъ нихъ помѣщается здѣсь съ соблюденіемъ его ороографіи.

Въ Канцелярію Академіи наукъ.

Покорнѣйше доносятъ нижеподписавшіися профессоры, а о чемъ, тому пункты.

1.

Сего 1748 Года, маія 24 дня, указомъ изъ Канцеляріи Академіи наукъ опредѣлено, чтобъ всѣмъ академическимъ служителямъ, также і профессорамъ быть неотмѣнно при своихъ дѣлахъ въ надлежащее время, а за небытность, у каждаго вычесть изъ жалованья производиться будетъ по силѣ генеральнаго регламента, буде кто о себѣ не дастъ знать канцеляріи въ тотъ же день прежде указаго часа писменно, что онъ того дня при своемъ дѣлѣ быть не имѣетъ для нѣкоторыхъ законныхъ причинъ: ибо на другой день по небытіи такое писменное о себѣ объявление за дѣйствительное принято быть не имѣетъ.

2.

А сего ноября 16 дня (sic), указомъ же изъ канцеляріи Академіи наукъ объявлено, что нѣкоторымъ изъ профессоровъ, именно тамъ прописаннымъ, который не-были по нѣсколько кратъ у своихъ дѣлъ, не давъ о себѣ знать предписаннымъ образомъ Канцеляріи, упущается оное нынѣ первое для того, что такое пренебреженіе впервые отъ нихъ учинено, а другое, что они не довольно еще свѣдомы, какъ чужестранный, о силѣ правъ Россійскія Имперіи; но впредь со всѣми будетъ безъ изъятія і упущенія по генеральному регламенту въ рассужденіи вычета.

3.

И понеже могутъ приключиться многіе внезапно причины, а именно, нечаянная болѣзнь, пушчаніе крови, пріѣздъ знатныхъ особы, смерть кому нибудь изъ домашнихъ, пожарный, отъ чего Боже сохрани, случай, несчастіе какое на дорогѣ, неимѣніе слуги, і другіе подобныя, такъ что не будетъ тотъ имѣть ні времени, ні мѣста, ні способности, дать знать о своей нуждѣ, ілі препятствіи, хотя бѣ кто і хотѣлъ всеконечно по указу исполнить.

4.

Того ради покорнѣйше просимъ Канцелярію Академіи наукъ, опредѣлить, і приказать, чтобъ такія отъ насъ писменныя извѣстія пріимать і на другой день послѣ небытія у дѣла, а буде невозможно быть имѣетъ объявить въ тотже самый день: а ежели тотъ другой день будетъ такой, что въ оный засѣданія не бываетъ въ канцеляріи, тобъ дѣйствительнымъ быть нашимъ

письменнымъ извѣстіямъ въ самый первый день, ка* начнется пакі засѣданіе: дабы намъ не претерпѣвать совершеннаго убытка, находясь иногда въ такомъ состояніи, что невозможно точнаго исполненія учинить по силѣ вышеупомянутаго указа отъ 24 дня маія.

На этой бумагѣ рукою Миллера отмѣчено: *ist nicht abgegeben.*

Въ другомъ протестѣ, оригиналь котораго писанъ по нѣмецки и притомъ русскій переводъ, профессора доказываютъ, что подчиненіе ихъ правиламъ генеральнаго регламента несправедливо: «Настоящія профессорскія упражненія и труды должны отправляться въ домѣ и въ библіотекѣ его: тутъ-то ему дѣло, чтобы не только чему молодыхъ людей обучать, прилежно изыскивать, въ порядокъ привести и много въ томъ поправляя, новое выдумать, но притомъ продолжавшееся по нынѣ въ наукахъ несовершенство награда пріобрѣтеніемъ у всѣхъ публичнаго въ томъ согласія, а похвалою у чужестранныхъ славу Академіи утвердить. На сіе жъ-то дней у него не довольно, и для того часто попеченія о своемъ тѣлѣ не имѣя, при слабомъ здоровьѣ, по ночамъ трудится. А куда бъ уже бѣда его конечно неслышимою и неизречимою становится, буде бы въ награжденіе трудовъ за малократное его по причинѣ нечаянныхъ случаевъ небытіе, или за несоблюденіе по нуждѣ ненотребной канцелярской церемоніи и формалин (обряда) онаго, и такъ уже едва къ содержанію недостаточнаго жалованья лишить?...»¹⁾

6.

Отзывы Шумахера о Ломоносовѣ въ письмахъ къ Ейлеру.

1748 — 1749 годы.

Въ январѣ 1748 года, Ейлеръ предлагалъ Ломоносову чрезъ Шумахера, не желаетъ ли онъ писать на рѣшеніе задачи берлинской академіи наукъ о селитрѣ. Этотъ вызовъ подалъ Ломоносову поводъ сообщить Ейлеру, 5 іюля 1748 г.,

¹⁾ Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ, исторіографа Миллера, портфель II, 1743—1751 годы, архивъ акад. конференціи.

свою теорію de vi aëris elastica¹⁾. Препровождая письмо о томъ академика, Шумахеръ (12 іюля) писалъ къ Ейлеру: «я совѣтовалъ г. Ломоносову дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ осторожно, и это-то имѣло послѣдствіемъ настоящее письмо. Онъ выказываетъ, что у него настоящій академическій духъ. Для поощренія его, г. президентъ приказалъ привести лабораторію въ такое состояніе, чтобы онъ могъ тамъ удобно и съ пользою производить всѣ опыты, какіе только случаются въ химіи...»²⁾.

Въ слѣдующемъ однако году, именно 8 апрѣля, Шумахеръ долгомъ счелъ сдѣлать такое предупрежденіе Ейлеру: «г. Ломоносовъ сказывалъ мнѣ, что онъ отослалъ свою статью о селитрѣ. Когда я имѣлъ честь говорить объ этомъ предметѣ съ г. президентомъ, то онъ далъ мнѣ понять, что желаетъ въ настоящемъ случаѣ сохранить безпристрастіе: если заслуживаетъ статья г. Ломоносова быть увѣчанною — хорошо; если нѣтъ, то нисколько этимъ не обидѣтся...»³⁾.

На это письмо Ейлеръ и отвѣчалъ Шумахеру: «я не мѣшаю нисколько въ настоящую задачу на премію, но слышалъ отъ нашихъ гг. химиковъ, что между присланными статьями есть одна, превосходная и основательная... Я бы желалъ, чтобы авторомъ ея былъ г. Ломоносовъ...»⁴⁾.

7.

О поручительствѣ Ломоносова за академика Гмелина.

1748 годъ.

По возвращеніи изъ сибирскаго путешествія (1743 года), академикъ Гмелинъ-старшій неоднократно просилъ объ увольненіи его въ Германію, но эти просьбы были оставляемы безъ вниманія. Въ 1747 году онъ заключилъ новый контрактъ, въ силу котораго обязывался продолжать службу въ Академіи и

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Визарскаго, стр. 96, 109.

²⁾ Архивъ акад. конф., Исходящія письма 1748 г.

³⁾ Архивъ акад. конф., Исходящія письма 1749—51 годовъ.

⁴⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Визарскаго, стр. 127; срани тамъ же въ дополненіяхъ письмо по этому предмету Ломоносова къ Ейлеру, стр. 753—755.

издать собранные имъ во время сибирскаго путешествія матеріалы. Въ томъ же году ему была разрѣшена поѣздка въ Германію за поручительствомъ Ломоносова и Миллера. Въ слѣдующемъ году дошелъ до Шумахера слухъ, что Гмелинъ не намѣренъ болѣе возвращаться въ Россію. 26 августа 1748 г. тюбингенскій профессоръ Крафтъ, сообщая о томъ академическому совѣтнику, прибавлялъ: «когда спрашиваютъ г. Гмелина, для чего онъ заключилъ въ Россіи новый контрактъ, то онъ отвѣчаетъ, что иначе nulla alia via не могъ оттуда выѣхать, и что въ противномъ случаѣ его бы насильно удержали въ Россіи, почему и принужденъ былъ *volens volens* заключить такой контрактъ...»¹⁾.

«Важнѣйшая изъ академическихъ новостей, писалъ, 27 сентября 1748 года, Шумахеръ къ Тауберту, бывшему тогда за границую, касается доктора Гмелина. Въ письмѣ отъ 30 августа онъ увѣдомилъ г. президента, что по предложенію великокняжеской свѣтлости (герцога виртембергскаго) онъ принялъ мѣсто умершаго профессора ботаники и, слѣдовательно, не можетъ возвратиться назадъ. Но нашъ президентъ вызываетъ его обратно строжайшимъ указомъ, а г. профессору Крафту поручилъ объявить ему, Гмелину, что если онъ останется при своемъ злостномъ намѣреніи, то сдѣлаетъ тѣмъ несчастливими и себя, и своихъ друзей. Между тѣмъ приказано его поручителемъ, гг. профессорамъ Миллера и Ломоносова, смѣстить на половинное жалованье. Какія это дѣла повлечетъ за собою послѣдствія, покажетъ время...»²⁾.

Поступокъ Гмелина разсердилъ графа Разумовскаго, по крайней мѣрѣ такъ увѣрили и Тепловъ, и Шумахеръ, хотя можно сомнѣваться, чтобы на дѣлѣ это было такъ, потому что президентъ самъ по себѣ былъ извѣстенъ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему чтò ни касалось Академіи. Какъ бы то ни было, однако объ означенномъ отказѣ Гмелина велась долгое время переписка съ Эйлеромъ и Крафтомъ. Въ бумагахъ

¹⁾ Арх. акад. копѣ., Входящія письма 1748—1749 годовъ.

²⁾ Арх. акад. копѣ., Исходящія письма 1748 года.

Миллера ¹⁾ сохраняется письмо къ нему отъ Гмелина въ современномъ русскомъ переводѣ, гдѣ между прочимъ изложено слѣдующее:

«Ежели въ канцеляріи дни вѣрно записаны, то явственно есть, что контрактъ начали со мною заключать еще въ мѣсяцѣ іюнѣ, а къ подписанію былъ изготовленъ въ срединѣ іюля. О порукахъ же мнѣ стали говорить уже тогда, когда контрактъ былъ подписанъ. И какъ я г. совѣтнику Шумахеру представилъ, не изволитъ ли онъ по мнѣ взять поруку, то въ канцеляріи предложено было мнѣ о васъ и о г. профессорѣ Ломоносовѣ. Вы, по прошенію моему, порукою быть не отrekliсь, а г. профессоръ Ломоносовъ, какъ я съ нимъ о семъ, будучи у него въ домѣ, говорилъ, по мнѣ поручиться также не отказался съ такимъ уговоромъ, ежели вы изволите подписаться, то и онъ тотчасъ подпишется. Мнѣ неизвѣстно, что вы о томъ между собою совѣтовали, но каждый мнѣ самъ обѣщалъ. Я не могу понять, для чего было вамъ по мнѣ не ручаться, когда вы оба чрезъ многіе годы знаками моего къ вамъ чистосердечія удостовѣрены быть могли. Мнѣ весьма было странно, какъ я получилъ писанное отъ г. профессора Ломоносова октября отъ 1 дня бѣшевое письмо, въ которомъ онъ не постыдился описать меня плутомъ и вѣроломнымъ человѣкомъ. Онъ поступилъ въ семъ хотя чрезвычайно грубо, однако я отъ того и природной моей кротости не лишился; а я его угрозы ставлю не за велико, такъ какъ я немного скорблю о ругательныхъ словахъ, на меня изблеваемыхъ. Онъ попрекаетъ меня своими благодѣяніями и дружествомъ, токмо я думаю, что ежели просить тѣхъ людей, которые знаютъ г. Ломоносова и меня, то не сыщется ни одного такого безсовѣтнаго, который бы не сказалъ, что я его какъ благодѣніемъ, такъ и дружественнымъ обходительствомъ много превышалъ. Однакожъ я для васъ и для г. профессора Ломоносова все то сдѣлаю, что въ разсужденіе старой дружбы за должность мою почитаю. Не извольте опасаться, чтобъ я безъ позволенія Академіи что въ печать издалъ, но будьте благонадежны, что я по полученіи

¹⁾ Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ, исторіографа Миллера съ 1743 по 1757 годы, портфель II, въ архивѣ акад. кон.

указа тотчасъ всё порученные мнѣ письма и рисунки пришлю... Я и не думалъ о побѣгѣ, чѣмъ дорогой мой другъ, россійскій Ньютонъ, г. профессоръ Ломоносовъ въ вышепомянутомъ своемъ письмѣ меня угрожаетъ, и остаются въ покоѣ его угрозы, въ самомъ дѣлѣ такъ страшныя, якобы знаменіе тѣхъ заключеній, которыя не задолго предъ страшнымъ судомъ быть имѣютъ. Да и подлинно онѣ такъ жестоки, что ихъ уже и испугаться не можно...»¹⁾

8.

Слѣдственная комиссія надъ Миллеромъ по поводу письма къ нему астронома Делиля.

1748 годъ.

Ломоносовъ, въ запискѣ своей²⁾ «для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ», говоритъ: «что позволенные переписки Миллеръ производитъ съ чужестранными, то довольно утверждаетъ бывшая надъ нимъ вторая комиссія для слова *phanatique* (sic)». Эти строки заключаютъ въ себѣ намекъ на событіе, случившееся съ Миллеромъ въ 1748 г.

9 сентября этого года, Григорій Тепловъ, правившій тогда съ Шумахеромъ судьбами Академіи, сообщилъ Миллеру, что президентъ требуетъ отъ него письма Делиля, въ которомъ тотъ писалъ о возвращеніи ему портфеля съ бумагами, касающимися исторіи Академіи, съ тѣмъ, «чтобы сдѣлать изъ нихъ за границею употребленіе, какъ уговорились они о томъ между собою при прощаніи». Въ концѣ того же письма Делиль обѣщаль сообщить французскимъ миссіонерамъ въ Китаѣ *de ce corps phantasque*, разумѣя подъ этимъ названіемъ Академію. Миллеръ отвѣчалъ, что онъ затерялъ письмо Делиля, какъ не важное, и что не имѣлъ никакого уговора съ Делилемъ обнародовать что нибудь за границею противъ Академіи. Далѣе онъ увѣрялъ, что Делиль, по возвращеніи своемъ

¹⁾ Ср. Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскаго, стр. 93, 121, 753.

²⁾ *Ibid.*, стр. 489.

во Францію, намѣревался написать объ управленіи Академіею къ нѣкоторымъ знатымъ русскимъ, и Миллеръ не оуждалъ этого. Можетъ быть, по словамъ послѣдняго, Делиль и считалъ это за соглашеніе между ними, но Миллеръ никогда не хотѣлъ въ томъ участвовать и въ подтвержденіе ссылаясь на свое усердіе къ Академіи и пр. Эти оправданія, однако, не были признаны уважительными, и Шумахеръ, 6 ноября 1748 года, писалъ къ Тауберту: «я не знаю, что побудило президента сдѣлать распоряженіе объ учиненіи въ канцеляріи допроса г. Миллеру касательно письма г. Делиля. Его спрашивали въ присутствіи assessора Теплова, надворнаго совѣтника Штелина, гг. Виндгейма, Струбе, Тредіаковскаго, Ломоносова и меня, но онъ отвѣчалъ плохо. Рапорты по этому дѣлу идутъ прямо къ г. президенту...»¹⁾

Весь ходъ слѣдствія ясно показываетъ, что оно было начато по наущенію Теплова, къ которому Миллеръ и посылалъ длинныя оправдательныя письма. Розыскъ о письмѣ Делиля всего лучше рисуесть положеніе тогдашнихъ академикомъ: академическая канцелярія или Тепловъ успѣли добыть конію съ частнаго письма бывшаго при Академіи астронома къ старому своему товарищу, который оставался въ Петербургѣ. Тамъ Академія названа была *corps phantasque* и притомъ было высказано намѣреніе писать что-то о ея управленіи. Это частное сообщеніе было поводомъ къ обвиненію получившаго письмо въ важномъ преступленіи: у Миллера отобрали всѣ его бумаги; просматривали ихъ по листамъ, а самого его обязали не выходить изъ квартиры и ни подъ какимъ видомъ не являться къ президенту. Миллеръ въ помянутыхъ письмахъ къ Теплову подробно объяснялъ причины неудовольствія противъ него Шумахера и Ломоносова, изъ которыхъ главные приведены выше на стр. 15 и 20. Напрасно Миллеръ увѣрялъ въ своей невинности и указывалъ, что нѣкоторые изъ членовъ комиссіи выраженіе *phantasque* невѣрно переводятъ словомъ глупый, тогда какъ оно значитъ — воображаемый — всѣ подробныя показанія не

¹⁾ Арх. акад. конв., «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ исторіографа Миллера, съ 1743 по 1751 годъ», портфель II, и Исходящія письма 1748 года, тамъ же.

помогали, и 28 октября 1748 г. комиссією было поставлено: «хотя г. профессор Миллеръ и далъ изъясненія чрезъ партикулярныя письма къ г. ассессору Теплову о предпріятіи, которое онъ имѣлъ съ профессоромъ Делилемъ тайно, однакожь потому что оное такимъ образомъ сочинено, (что) почти подлиннаго изъ того заключить невозможно, а притомъ на французскомъ языкѣ; да и много посторонняго дѣла вмѣшаль, которое никоимъ образомъ къ дѣлу не подлежитъ, — того ради въ собраніи опредѣлено требовать отъ него, Миллера, завтра вкратцѣ изъясненія на русскомъ языкѣ, ибо онъ, по мнѣнію всего собранія, больше разумѣть русской языкъ, нежели французскій, и чтобы оное было сочинено позитивно и не было бы столь сумнительно, чтобъ двоякое изъ онаго заключить разумѣніе было можно». На другой день Миллеръ отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ по русски «учрежденной комиссіи для слѣдствія о перепискѣ съ профессоромъ Делилемъ» тоже, что на многихъ листахъ изъяснялъ Теплову. Этимъ отзывомъ и кончается въ матеріалахъ Миллера черновая переписка о письмѣ Делиля¹⁾.

9.

Сношенія Ломоносова съ Татищевымъ.

1749 годъ.

Выше было уже замѣчено, что съ самаго учрежденія Академіи Шумахеръ старательно поддерживалъ переписку со многими лицами, входившими въ соприкосновеніе съ ученымъ обществомъ. Онъ не ограничивался одними иностранными сношеніями, но сумѣлъ войти въ любопытную переписку съ тѣми изъ русскихъ людей, которыхъ интересовали науки, и своею ловкостію и угодливостію пріобрѣталъ Академіи почитателей изъ среды русскаго общества. При этомъ справедливость требуетъ замѣтить, что Шумахеръ, до возвращенія Миллера изъ Сибири, — быть можетъ изъ личныхъ расчетовъ, чтѣ,

¹⁾ Арх. акад. конф., «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ историографа Миллера, порт. II, съ 1743 по 1751 годъ». Здѣсь же есть писанное Миллеромъ: «Relation de ce qui se passoit au sujet de la correspondance entre M. De l'Isle et moi».

впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ нисколько не умаляетъ заслуги, о которой идетъ здѣсь рѣчь — одинъ изъ всей Академіи обращалъ вниманіе на сношенія съ русскими. Можно безъ преувеличенія сказать, что только благодаря Шумахеру, переписка такихъ людей какъ Кириловъ, Татищевъ, Рычковъ хранится въ академическомъ архивѣ и представляетъ теперь едва ли не единственный матеріалъ для оцѣнки лучшихъ представителей русскаго общества XVIII столѣтія.

В. Н. Татищевъ до самой кончины своей переписывался съ Шумахеромъ обо всемъ, что занимало пытливыи духъ перваго русскаго историка. Академическій совѣтникъ, по просьбѣ его, предложилъ Ломоносову написать къ составленной Татищевымъ русской исторіи посвященіе великому князю Петру Федоровичу. «Я, писалъ Шумахеръ къ Татищеву, 30 января 1749 года, не хотѣлъ задерживать прилагаемое при семъ письмо г. Ломоносова, сейчасъ мнѣ переданное имъ для отсылки, чтобы ваше превосходительство могли убѣдиться въ нетерпѣливомъ желаніи нашемъ видѣть появленіе въ свѣтъ, на пользу общества, вашего превосходнаго труда...»¹⁾

Вотъ письмо Ломоносова и сочиненное имъ посвященіе²⁾:

Милостивѣйшій государь Василій Никитичь.

Письмо, чрезъ которое ваше превосходительство изволили мнѣ объявить о удостоеніи меня вашего снисходительства, принесло мнѣ немалую радость: ибо кромѣ того, что особою вашего превосходительства къ почтенію всякъ побужденъ быть долженъ, имѣлъ я издавна желаніе изыскать случай, какъ бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что объ охотѣ вашей къ россійскому языку слыхалъ довольно, къ которому я трудъ свой по силѣ прилагаю. Сіе желаніе паче моего чаянія нынѣ исполнилось, и сообщенное мнѣ отъ вашего превосходительства предъизвѣщеніе о россійской исторіи и прочія ваши примѣчанія, отъ господина совѣтника Шумахера мнѣ сообщенныя, прочиталъ съ великою охотою и радостію о успѣхахъ, которые ваше превосходительство въ рос-

¹⁾ Арх. акад. кон., Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

²⁾ Спечено съ копій изъ тѣхъ же Исходящихъ писемъ 1749—1751 годовъ.

сійской исторіи имѣете. По требованію вашего превосходительства приношеніе его высочеству, сочиненное мною, при семъ прислать честь имѣю и отдаю на ваше разсужденіе. Что до предъизвѣщенія надлежитъ, то оное весьма изрядно и во всемъ достаточно и поправленія никакого не требуетъ, развѣ только о слѣдующемъ подумать можно: ваше превосходительство изволили показать въ причинѣ для чего не соблагволили къ сочиненной вами исторіи присовокупить жизни государя императора Петра Великаго, что упоминая худыя дѣла знатныхъ нѣкоторыхъ людей, не досадить бы ихъ фамиліи. То сіе правило надлежитъ по моему мнѣнію наблюдать и въ самомъ предъизвѣщеніи. Однако оному противное находится при отвѣтѣ князя Долгорукова, о чемъ ваше превосходительство сами больше разсудить можете. Совѣтъ вашего превосходительства о предложеніи псалмовъ мнѣ весьма пріятенъ, и самъ я давно къ тому охоту имѣю, однако двѣ вещи препятствуютъ: первое недосути, ибо главное мое дѣло есть горная наука, для которой я былъ нарочно въ Саксонію посыланъ, также химія и физика много времени требуютъ, кромѣ текущихъ дѣлъ въ академическихъ собраніяхъ. Второе — опасеніе, ибо я не смѣю дать въ предложеніи другаго разума, нежели какой псаломскіе стихи въ переводѣ имѣютъ. Такъ принявшись перелагать на стихи прекрасной псаломъ 103, для того покинулъ, что многія нашель въ переводѣ погрѣшности, напримѣръ: *зміи сей, его же воздалъ еси ругатися ему*, вмѣсто: *се китъ, его создалъ еси презирать оное* (то есть море, его пространство). Псалма, предложеннаго Теофаномъ архіепископомъ при письмѣ вашего превосходительства не нашлось. Я думаю, что онъ ошибкою остался. При семъ имѣю честь прислать вашему превосходительству всѣ оды, мною сочиненныя и въ печать изданныя, и впредь моими сочиненіями(ми) съ охотою вашему превосходительству служить готовъ, какъ и нынѣ пребываю съ глубокимъ почтеніемъ

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

М. Л.

Генваря 27

1749 году.

Пресвѣтлѣйшій Государь Великій Князь
Милостивѣйшій Князь

Дѣла вышнихъ въ Россіи владѣтелей, а особливо самодержавныхъ Вашего Императорскаго Величества предковъ, коль велики, ясно показываютъ широко распространенные предѣлы сего государства, но какъ оное возрастало, и умноженіе его могущества и славы, коль тяжкимъ затрудненіямъ подвержено было и какъ оныя преодолены, о томъ весьма не многіе знаніе имѣють, лишаясь достовѣрнаго описанія дѣяній Россійскихъ: чрезъ что похвала Государей заслугами своими Россію одолжившихъ, равно какъ и древняго Россійскаго народа славное имя затмѣвается и добрые примѣры мужественныхъ поступковъ и премудрыхъ поведеній остаются въ закрытіи. Искренняя моя любовь и горячее усердіе къ отечеству побудили меня по моей возможности пособить сему недостатку: и для того еще при жизни блаженныя и безсмертныя памяти Государя Императора Петра Великаго началъ я прилагать крайнее мое стараніе къ собранію и приведенію въ порядокъ Россійской Имперіи исторіи изъ разныхъ книгъ рукописныхъ Россійскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ. Плодъ сего моего многихъ лѣтъ труда есть настоящая книга, которую приношу въ честь Вашему Высочеству и уповаю, что, подражая Петру Великому, который воспоминаніемъ славныхъ дѣлъ предковъ своихъ часто увеселялся и описаніе оныхъ охотно читать изволилъ, Ваше Высочество сей мой трудъ милостивѣйше принять изволите въ немъ найдете не мало такихъ примѣровъ, которые природную добродѣтель къ достохвальнымъ дѣламъ побуждать могутъ.

Вашего Императорскаго Высочества превосходныя достоинства подають безсомнѣнную надежду, что во время определенное отъ Бога ревностнаго подражателя безсмертнымъ къ себѣ заслугамъ вѣнчаныхъ въ Вашемъ Высочествѣ увидитъ Россія, съ которою купно приношу къ Всевышнему усердныя желанія да благословитъ и укрѣпитъ Ваше Высочество силою своею къ общему нашему благополучію и ежели судьба его такой предѣлъ положила, что несравненныхъ дѣлъ Петра Велика-

го человѣческой силѣ превысить невозможно, то да присовокупить къ дражайшей жизни Вашего Высочества оныя лѣта, которыхъ вѣрные сынове отечества Его Величеству, по смерти желали.

Пресвѣтлѣйшій Государь, Великій Князь, Милостивѣйшій Государь Вашего Императорскаго Высочества.

11 марта 1749 г. Шумахеръ сообщалъ Татищеву: «по приказанію вашего превосходительства, г. профессору Ломоносову сдѣланъ подарокъ въ 10 рублей. Онъ имъ очень доволенъ и въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ самъ благодарить за то. Препровожденная къ нему глава изъ русской исторіи возвращается при семъ обратно къ вашему превосходительству...»¹⁾

10.

Переводъ Ломоносовымъ посвященія къ сочиненію Ейлера *Scientia navalis.*

1749 годъ.

Въ 1748 году, въ Академію наукъ былъ приглашаемъ, при посредничествѣ Ейлера, математикъ Эхлицъ, но онъ не поѣхалъ въ Петербургъ, о чемъ первый въ собственноручномъ русскомъ письмѣ къ графу Разумовскому сообщалъ: «Г. Эхлицъ виноватъ, что я присылкою моеи книги о корабельномъ управленіи такъ долго медлялъ, понеже я хотѣлъ ему разныя къ напечатанію пужныя вещи изъяснить, а теперь, что Эхлицъ отказался, а сію книгу состоящую въ двухъ томахъ съвчерашною тяжелою почтою къ Императорской Академіи наукъ отправлялъ, и уповаю что она подъ надзираемъ или Г. Рихмана или Г. Брауна исправно напечатана быть можетъ. А Ваше Высокографское сіятельство покорнѣе прошу дабы изволили о посѣщеніи печати сеи книги указы давать»²⁾.

6 мая 1749 года, Ейлеръ, получивъ полный экземпляръ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Входящія письма 1748—1749 годовъ, въ арх. акад. конф. Письмо Ейлера сообщено съ соблюденіемъ орфографіи подлинника.

отпечатаннаго сочиненія, писалъ къ Шумахеру: «бумага и печать дѣйствительно превосходны, и я не нашелъ еще ни одной значительной опечатки, кромѣ того, что въ самомъ заглавіи стоитъ слово *Scentia* вмѣсто *Scientia*. Такъ какъ эта ошибка всякому кинется въ глаза, то она будетъ причиною, что заглавный листъ придется перепечатать. Потомъ въ рукописи я подчеркнулъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы, какъ напр. *t*, *u*, которыя слѣдовало набрать курсивомъ, и всѣ наборщики уже знаютъ, что этимъ способомъ обозначается курсивъ. Теперь же я вижу, что въ сочиненіи тѣ буквы хотя и набраны курсивомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставлены и подчеркнутыя линіи, что стоило много бесполезной работы наборщикамъ, а для самага дѣла нисколько не нужно...»¹⁾

10 сентября того же года Эйлеръ благодарилъ Шумахера за быстрое печатаніе *Scientia navalis*, которая вышла въ свѣтъ въ 1749 году подъ заглавіемъ: «*Scientia navalis seu tractatus de constrvendis ac dirigendis navibus pars prior complectens theoriam unversam de situ ac motu corporum aquae innatantium. Auctore Leonhardo Eulero prof. honorario academiae imper. scient. et directore acad. reg. scient. borvssicae.*», въ 4°, 51, 44 и 444 съ XXXVII таблицами чертежей.

Въ началѣ этого сочиненія есть посвященіе отъ Ейлера графу Разумовскому, о которомъ первый, 25 января 1749 года, писалъ къ Шумахеру: «въслѣдствіе приказанія его сіятельства г. президента, беру смѣлость приложить при семъ подъ открытою печатью латинское письмо къ нему, въ которомъ я старался не только дать ясное понятіе о *Scientia navalis*, но также по возможности основательно изложить содержаніе и важность ея. Я написалъ по латини, чтобы это, въ случаѣ надобности, какъ было угодно сообщить вамъ, могло быть напечатано въ началѣ книги вмѣсто предисловія, а такъ какъ письмо въ то же время должно быть переведено по русски, то я счелъ пужнымъ послать его незапечатаннымъ къ вамъ, чтобы переводъ могъ быть сдѣланъ въ наискорѣйшемъ времени...»²⁾

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

«Корабельные мастера чрезъ долгое искусство, говорить Эйлеръ въ посвященіи, такъ строить корабли научились, что оныя довольно количество устойчивости по большой части имѣють, хотя въ томъ самомъ иногда не мало ошибаются; однакожь искусствомъ того показать и точно опредѣлить не могутъ, отчего кораблю придается устойчивость. Сей недостатокъ въ корабельномъ строеніи весьма важной точнѣе усмотрѣлъ сперва, какъ кажется, нѣкто французъ, въ корабельномъ художествѣ человекъ весьма искусной, господинъ де-ла Кроа, которой въ двухъ книжкахъ сообщенныхъ въ Императорскую Академію наукъ въ концѣ 1735 года *о механическомъ движеніи тѣлъ въ водѣ*, не токмо сей недостатокъ ясно показалъ, но и исправить по возможности старался, хотя рассужденія его о томъ предложенныя не со всѣмъ совершенными тотчасъ показали: однако достоинство сея матеріи такъ ясно доказалъ, что я съ того времени всѣми силами началъ стараться въ рѣшеніи оныя...» Въ концѣ при упоминаніи о сочиненіи Буге, также касающемся постройки судовъ, сдѣлана такая оговорка: «При семъ необходимо упомянуть должно, что я въ сей моей книгѣ чужихъ трудовъ за свои не почитаю, ибо многіе статьи, которыя мы оба сочинили такъ согласно, что не безъ причины показаться можетъ, якобы я выписалъ ихъ изъ того сочиненія, которое почти четырьмя годами прежде моей книги вышло. Однако всей Императорской Академіи наукъ, по которой приказанію я началъ сію книгу сочинять еще съ 1737 года, предовольно извѣстно, что первая часть ея уже при отъѣздѣ моемъ изъ Санктпетербурга въ 1740 году ¹⁾, вся совершена была, и другая книга сдѣлана была до половины, которую докончалъ я уже здѣсь въ Берлинѣ скоро послѣ моего приѣзду, такъ что всѣ части въ слѣдующемъ потѣмъ году, въ народъ изданы быть могли бы. Также во свидѣтельство того могъ бы я привести многихъ пріятелей, которымъ я еще съ того времени сообщилъ знатнѣйшія главы моихъ размышленій; только довольно мнѣ Академіи наукъ къ моему оправданію....»

¹⁾ Здѣсь Эйлеръ ошибся: онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ 1741 году, см. Записки Академіи наукъ, 1864 г., т. VI, кн. 1, стр. 77.

Обширное сочиненіе Ейлера *Scientia navalis*, а равно и посвященіе графу Разумовскому написаны на латинскомъ языкѣ, но кромѣ того въ началѣ книги есть русскій переводъ этого посвященія. Онъ отличается правильностью и тщательностью языка и сдѣланъ Ломоносовымъ. 26 января 1749 г. Шумахеръ писалъ къ нему: «его сіятельство г. президентъ рѣшилъ, чтобы письмо г. Ейлера, которое будетъ предпослано въ его *Scientia navalis* вмѣсто предисловія, было также напечатано по русски. А такъ какъ я увѣренъ, что вы съ удовольствіемъ исполните все, что послужитъ къ угожденію его сіятельству, то, не колеблясь, посылаю это письмо для перевода на русскій языкъ въ возможной скорости...» О переводѣ Ломоносовымъ посвященія Шумахеръ увѣдомилъ Ейлера въ письмѣ 14 марта 1749 года ¹⁾.

11.

Отношенія Шумахера къ Ломоносову и прочимъ академикамъ при графѣ Разумовскомъ.

1749 годъ.

Положеніе Шумахера, со вступленіемъ въ президенты Академіи наукъ графа Кирила Григорьевича Разумовскаго²⁾, казалось должно было измѣниться къ невыгодѣ совѣтника: къ управленію академическими дѣлами былъ приобщенъ человекъ умный, вкрадчивый, не менѣе Шумахера властолюбивый и, что главное, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ на своего начальника, братъ котораго такъ высоко поставленъ былъ при дворѣ императрицы Елизаветы. Григорій Тепловъ, вскорѣ по вступленіи графа Разумовскаго въ президенты, именно 1 июля 1746 года, получилъ мѣсто ассессора академической канцеляріи. Зная молодость и равнодушіе къ наукѣ молодого гра-

¹⁾ Арх. акад. конф., Исходящія письма 1749—1751 годовъ.

²⁾ Указъ сенату о назначеніи графа Разумовскаго въ президенты состоялся 21 мая 1746 года.

фа, не трудно было догадаться, что его недавній наставникъ будетъ играть видную роль въ Академіи.

Отношенія академическаго совѣтника къ ассессору станоятся особенно ясными изъ переписки, возникшей между ними въ 1749 году ¹⁾. Въ концѣ 1748 года, графъ Разумовскій отправился за Дворомъ въ Москву, взявъ съ собою и Теплова. Шумахеръ началъ писать къ нему льстивыя письма, послалъ подарокъ Тепловоу, разрѣшившейся отъ бремени, и вообще видимо заискивалъ въ ассессорѣ. Послѣдній, однако, не сдавался и тотчасъ же по прїѣздѣ въ Москву возбудилъ вопросъ: должна-ли Академія быть управляема президентомъ и въ бытность его въ Москвѣ? Понятно, что здѣсь дѣло шло о подчиненіи Тепловоу петербургской академической канцеляріи, въ которой, при отлучкѣ президента, совѣтникъ оставался старшимъ.

«По истинѣ я, писалъ Шумахеръ 12 января 1749 г., незнаю, какой дать вамъ отвѣтъ на письмо, которымъ вы меня почтили отъ 5 января, касательно названія мѣста, откуда я посылаю академическія бумаги. Когда я разсматриваю уставъ Академіи, то мнѣ кажется, что канцелярія должна быть при учрежденіи, потому что во всѣхъ статьяхъ, гдѣ говорится объ управленіи, стоитъ: «а въ отсутствіе президента канцелярія». Мнѣ кажется, что вы всегда были того же мнѣнія. Но съ другой стороны, когда обращаю вниманіе, что президентъ имѣеть полную власть управлять Академіею, какъ ему угодно, и что въ сущности мы ничто иное какъ совѣтники помощники, я не вижу, почему бы его сіятельство не могъ перенести канцелярію въ Москву, оставивъ здѣсь контору, или раздѣливъ ее на двѣ. Если рѣчь идетъ только о порядкѣ веденія переписки, то это ничего не значитъ: президенту стоитъ только приказать опредѣленіемъ, что на будущее время петербургская канцелярія должна входить съ рапортами въ московскую, которая волю ея императорскаго величества будетъ сообщать чрезъ указы. Вотъ мы и контора безъ всякой перемѣны, потому что для зміненія вдругъ порядка, введеннаго уже столько лѣтъ, и къ

¹⁾ Арх. акад. конт., Исходящія письма 1748 (sic) года.

которому публика и даже академики привыкли, нужны мѣры, стоящія въ зависимости отъ времени и зрѣлаго обсужденія. Я работаю подъ начальствомъ его сіятельства по склонности и охотно, стало быть эта переѣна, на сколько касается она меня лично, мнѣ совершенно ничего не значить. Я буду работать въ конторѣ съ тѣмъ же усердіемъ и готовностью, съ какими я работала прежде въ канцеляріи, но не съ такимъ удобствомъ и пользою...»

Предложеніе Шумахера было принято, и затѣмъ онъ началъ въ своихъ письмахъ къ Теплову систематически преслѣдовать всѣхъ академиковъ, часто не гнушаясь при томъ ни извѣтомъ, ни сплетнею. Какъ ни любопытенъ этотъ матеріалъ для уясненія, въ какое печальное положеніе поставлены были всѣ безъ изытія члены ученаго общества во времена Разумовскаго и Теплова, я ограничусь однако въ настоящей статьѣ нѣкоторыми выписками, изъ которыхъ видны отношенія Шумахера къ академикамъ, и потомъ мнѣнія и образъ его дѣйствій по дѣлу о диссертаци Миллера—событіи, какъ извѣстно, надѣлавшемъ много шума и касающемся также Ломоносова.

23 января 1749 года Шумахеръ писалъ къ Теплову: «пошляю къ его сіятельству огромное дѣло объ университетскомъ уставѣ. Гг. профессора работали надъ нимъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и я сообщаю его въ томъ видѣ, въ какомъ г. профессоръ Тредіаковскій представилъ его канцеляріи съ присоединеніемъ русскаго перевода. Какое ничтожество (*quelle raucvreté!*)! Вы подивитесь, милостивый государь, чувствую гордости и заносчивости этихъ педантовъ, которые отъ души одобряютъ вздоры г. Крузе: *Haec clarissimi Crusii omnium unanimes consensu sunt approbata. Asinus asinum fricat...* Вы хорошо дѣлаете, милостивый государь, работая съ жаромъ для Академіи. Вы, подобно мнѣ, современемъ пожнете плоды своихъ трудовъ: они будутъ заключаться не въ богатствахъ, но въ спокойствіи души — плодъ чистой совѣсти...»

9 февраля 1749 года: «очень бы желать, чтобы кто нибудь другой, а не г. Ломоносовъ произнесъ рѣчь въ будущее торжественное засѣданіе, но я не знаю такого между нашими ака-

демками. Вы сами, милостивый государь, знаете, что ни голосъ, ни наружность, гг. Винцгейма и Рихмана, которыхъ бы слѣдовало предпочесть силу, не дозволяютъ довѣрить имъ первую публичную рѣчь, къ которой критики непременно придерутся. Ораторъ долженъ быть смѣлъ и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ (*impudent*), чтобы имѣть силу для пораженія безжалостныхъ насмѣшниковъ. Развѣ у васъ, милостивый государь, есть ктонибудь другой въ Академіи, который бы превзошелъ его (конечно Ломоносова) въ этихъ качествахъ? Если бы г. Миллеръ былъ въ числѣ академикомъ¹⁾, то такъ какъ онъ довольно хорошо произносить по русски, обладаетъ громкимъ голосомъ и присутствіемъ духа, которое очень смахиваетъ на нахальство (*une présence qui approche beaucoup à l'impudence*), то мнѣ бы хотѣлось предложить его. Г. Бургаве, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю любовнаго процесса, который не кончится пока онъ не удовлетворитъ плута и пьяницу отца, не будетъ имѣть смѣлости произносить публично рѣчь, также какъ и г. Кратценштейнъ, влюбленный, какъ говорятъ въ городѣ, въ женщину низкаго происхожденія. Я примѣтилъ, что во всѣ времена гг. наши профессора эманципировались въ дѣлахъ любви и брака...

11 февраля 1749 года: «какъ я доволенъ, что начинаютъ понимать истинныя чувства гг. профессоровъ! Имъ не я, Шумахеръ, отвратителенъ, а мое званіе. Они хотятъ быть господами, въ знатныхъ чинахъ, съ огромнымъ жалованьемъ, безъ всякой заботы обо всемъ остальномъ!...»

16 марта 1749 года: «такъ какъ мы не получаемъ никакого отвѣта на донесеніе наше касательно академика, который долженъ произносить рѣчь въ торжественномъ засѣданіи, то я боюсь, что вы въ нерѣшимости въ выборѣ лица, которое должно выполнить это. Дѣйствительно, милостивый государь, я и самъ былъ бы въ затрудненіи на вашемъ мѣстѣ...»

30 марта 1749 года: «все, что вы сдѣлали мнѣ честь сообщить относительно торжественнаго засѣданія, которое должно

¹⁾ По тогдашнему академическому уставу, члены Академіи историческаго класса не принадлежали къ числу академикомъ, но числились при университетѣ и назывались профессорами. Между ними былъ Миллеръ.

быть 5 сентября, будетъ исполнено въ точности. Я не считъ нужнымъ говорить о томъ г. Ломоносову: у него голова еще полна разнородныхъ паровъ (*qui a encore la tête remplie des vapeurs hétérogènes*), которые его сильно беспокоятъ, ни г. Миллеру, чтобы не возбудить зависти въ г. Ломоносовѣ. Но на будущей недѣлѣ все устроится...»

17 апрѣля 1749 года: «Письмо г. Крузе забавно. Теперь, когда онъ разсорился скандальнымъ образомъ съ г. Миллеромъ, то спрашиваетъ васъ: находите ли вы кстати примиреніе его со мною? Прекрасный вопросъ! Какъ будто бы его дружба приноситъ мнѣ честь! Я не хочу имѣть дѣла ни съ намъ, ни съ его товарищами, которые не имѣютъ чести заслуживать моего одобренія...»

Въ послѣдующихъ письмахъ попадаютъ сильныя выходки противъ Миллера, а 10 іюля не пощажень и Эйлеръ, который рѣшилъ напомнить о должныхъ ему канцелярію деньгахъ: «прошу васъ прислать скорое рѣшеніе на нынѣшнее представленіе. Г. Эйлеру слѣдуетъ вознагражденіе, соотвѣтствующее его расположенію: *point d'argent, point de suisse!*»¹⁾

Въ письмѣ 31 іюля 1749 года Шумахеръ спрашиваетъ, зачѣмъ президентъ продолжилъ вакаціонное время до 5 сентября, такъ какъ академики нисколько не затруднены конференціями. Шумахеръ догадывался, что такое распоряженіе послѣдовало влѣдствіе просьбы ихъ, помимо его, а потому доказывалъ Теплову, что академикамъ слѣдуетъ сдѣлать выговоръ за то, что они въ этомъ случаѣ прямо обратились въ Москву, миновавъ петербургскую канцелярію: «если вы, милостивый государь, прибавлялъ онъ, допустите ихъ поступать такимъ образомъ, то дѣла Академіи непременно впадутъ въ прежнюю безурядицу, въ которой находились до вступленія его сіятельства въ президенты Академіи...»

3 августа 1749 года: «не только переводъ статьи № 57 гадокъ, но и вся газета наполнена такихъ промаховъ. Скольکو разъ я говорилъ г. Штелину составлять Вѣдомости съ бѣльшимъ вниманіемъ, а г. Ломоносову — исправлять переводъ

¹⁾ Извѣстно, что Эйлеръ былъ родомъ швейцарець.

не на дому, а въ Академіи, согласно данному отъ президента приказанію! Ни тотъ, ни другой не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на дѣлаемые имъ выговоры и продолжаютъ работать небрежно...»

7 августа 1749 года, говоря о назначеніи отъ Академіи конкурса на преміи по указанію Эйлера, Шумахеръ упрасивалъ Теплова, чтобы задачи были адресуемы именно въ академическую канцелярію, «потому что всѣ статьи и письма, касающіяся академическихъ дѣлъ, какого бы ни были они свойства, адресуются въ канцелярію... Г. Миллеръ представилъ мнѣ свою рѣчь на латинскомъ языкѣ, чтобы переслать ее въ Москву. Вотъ она. Прошу васъ, прочтите ее внимательно. Онъ излагаетъ предметъ съ большою ерудиціею, но по моему мнѣнію съ малымъ благоразуміемъ, ибо, во имя Госнода, зачѣмъ разрушать, при помощи шведскихъ и датскихъ писателей, мнѣніе, столько стоявшее сочинителямъ, работавшимъ для прославленія нація? Я не говорю болѣе. Покрайней мѣрѣ, прежде напечатанія ея, не забудьте, милостивый гесударь, напомнить его сіятельству, чтобы онъ приказалъ прочесть эту рѣчь *in pleno*, вотому что академики, также какъ и профессора, принимаютъ въ томъ участіе, почему я желалъ бы, чтобы тамъ не упоминалось о совѣтниках...»

10 августа 1749 года: «г. президентъ приказалъ Миллеру четыре мѣсяца тому назадъ приготовить рѣчь для торжественнаго собранія, предоставивъ на его волю избрать какой угодно ему предметъ. До сихъ поръ онъ ее не кончилъ и выбралъ предметъ самый скользкій (*scabreux*), который не принесетъ чести Академіи, напротивъ не преминетъ навлечь на нее упреки и породить ей непріятелей. Всему причиною тутъ гордость. Такъ какъ эта рѣчь академическая, то автору ея очень хорошо извѣстно, что ее необходимо прочитать въ конференціи и разсмотрѣть профессорамъ, но онъ также знаетъ, что многіе не одобряютъ его разглагольствій, и потому-то онъ такъ долго медлитъ съ своею рѣчью, чтобы не оставалось времени на разсмотрѣніе ея. Пусть только его сіятельство прикажетъ прочитать ее въ конференціи и напечатать послѣ разсмотрѣнія ея тамъ....»

17 августа 1749 года: «очень радъ, что вы нашли столь превосходнымъ панегирикъ г. Ломоносова и желаю, чтобы рѣчь г. Миллера заслужила такое же одобреніе. Такъ какъ времени очень мало, чтобы разжевывать заключающееся въ ней содержаніе, то было бы хорошо, когда бы его сіятельство соблаговолило приказать г. Миллеру высказаться гадательно, чтобы не обижать никого. По истинѣ это самый вѣрный и пріятный способъ, потому что тогда рѣшеніе предоставляется публикѣ, которая желаетъ быть главою, и не смотря на то авторъ, если онъ искусенъ, силою своихъ доказательствъ нечувствительно увлечетъ на сторону своихъ воззрѣній. И самое главное въ этомъ случаѣ есть то, что президентъ не рискуетъ ничего своимъ одобреніемъ, а профессора могутъ быть тѣмъ только довольны...»

Когда въ Академіи въ первый разъ рѣшено было объявить конкурсъ на рѣшеніе задачъ, то эти послѣднія были составлены Эйлеромъ, который и прислалъ ихъ изъ Берлина. Шумахеръ рассказываетъ о томъ Теплову въ письмѣ 21 августа 1749 года:

«Какъ только господа профессора прочитали задачи, то закричали, что ихъ составилъ г. Эйлеръ. Они утвердились въ своемъ мнѣніи, потому что г. Браунъ щедро расточалъ похвалы задачамъ. Однако я поколебалъ эту мысль, когда сказалъ, что вы были въ перепискѣ съ кавалеромъ Сакрамоса и что быть можетъ президентъ получитъ ихъ этимъ путемъ¹⁾».

¹⁾ Академики не ошиблись: дѣйствительно авторомъ задачъ, предложенныхъ на рѣшеніе, былъ Эйлеръ. Въ письмѣ къ Шумахеру 15 июля 1749 г. онъ сообщаетъ: «Въ приложеніи къ г. Теплову, я предложилъ нѣсколько задачъ на премію, какъ онъ просилъ меня о томъ по приказанію г. президента». 29 декабря того же года: «Въ эту минуту я получилъ благосклонно сообщенное вами описаніе торжественнаго собранія при императорской Академіи наукъ. Я чрезвычайно радъ счастливому окончанію его и приношу вамъ почтѣннѣйшую признательность за сообщеніе. Предложенная публично при этомъ же случаѣ задача есть величайшей важности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что на нее поступятъ превосходныя статьи. Я буду очень наблюдать, чтобы меня никто не считалъ первоначальнымъ сочинителемъ этой задачи (für den Urheber dieser Frage), хотя трудно будетъ избѣгнуть у многихъ всякаго подозрѣнія, потому что многимъ болѣе, чѣмъ достаточно, извѣстно, что съ давняго времени этотъ вопросъ сильно меня занимаетъ...» (Исходящія письма 1748, 1749

А, о, говорили они, задачи безъ сомнѣнія написаны Альгаротти! Остальное вы найдете, милостивый государь, въ моемъ русскомъ письмѣ. Скажу вамъ только, что замѣтивъ, что г. Ломоносовъ казался разсерженнымъ присылкою задачъ, такъ какъ онъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ надлежало положить на академикомъ, я ему говорилъ, что отъ него зависить предложить задачи, какія считаетъ онъ нужными, и что ихъ также пошлютъ къ его сіятельству. На это онъ согласился. Господи въ этотъ показываетъ себя ужаснымъ гордецомъ (*cet homme là fait terriblement le fier*). Программа будетъ напечатана въ извѣщеніи (о торжественномъ собраніи) и на отдѣльныхъ листахъ. Его сіятельство прекрасно поступилъ, передавъ диссертацию г. Миллера на судъ гг. профессоромъ. Они уже работаютъ надъ нею и сдѣлаютъ такъ, что всѣ останутся тѣмъ довольны, какъ равно и г. Миллеръ. Если бы напечатать его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, то всѣ профессора согласны, что это было бы уничиженіемъ для Академіи (*ç'auroit été une prostitution pour l'Académie...*).

24 августа 1749 года: ...«завтра окончатъ дѣло о торжественномъ собраніи, и тогда о послѣдствіяхъ будетъ представлено въ Москву. Г. Миллеръ не хочетъ уступить, а другіе профессора не хотятъ принять ни его мнѣнія, ни его способа изложенія....»

28 августа 1749 года: «изъ нынѣшняго донесенія вы увидите, что мы ничего не упустили для исполненія приказанія его сіятельства. У меня еще нѣтъ латинскаго перевода ломоносовскаго панегирика. Его помѣстятъ въ латинскій экземпляръ, если онъ будетъ готовъ къ назначенному времени; если нѣтъ, то экземпляры будутъ посланы безъ него. *Ultra posse, nemo obligatur*. Если бы г. Ломоносовъ захотѣлъ послѣдовать

годовъ арх. акад.). Задача, которая была предложена на конкурсъ въ торжественномъ собраніи нашей Академіи 26 ноября 1749 года состояла въ изслѣдованіи теоріи Ньютона о движеніи луны. Премію получилъ извѣстный французскій математикъ Клеро, и изслѣдованіе его по этому предмету напечатано въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: *Théorie de la lune déduite du seul principe de l'attraction reciproquement proportionnelle aux quarrés des distances. Pièce qui a remporté le prix de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pét. proposé en 1750. 1752, in 4°, 92 pag.*

моему совѣту, заключающемуся въ томъ, чтобы переводъ былъ сдѣланъ г. профессоромъ Фишеромъ, то теперь было бы готово. Но г. Ломоносовъ изъ тщеславія ли, или же по самонадѣянности имѣеть притязаніе сдѣлать это также хорошо, какъ г. Фишеръ. Мы это увидимъ. Въ настоящую минуту онъ велѣлъ мнѣ сказать, что представить свой панегирикъ въ канцелярію на латинскомъ языкѣ въ четвергъ. Фишеръ сказывалъ мнѣ, что г. Ломоносовъ пишетъ по-латини несравненно лучше Миллера. Такъ какъ рѣчь послѣдняго была наполнена ошибками противъ грамматики и исторіи и выраженіями грубыми и обидными, то это все откинули, на сколько позволяли время и уступчивость г. Миллера... Я ничего не имѣю прибавить къ тому, что я вамъ много разъ писалъ касательно состоянія сердца г. Миллера. Этотъ плутъ и великій лжець (fourbe et grand menteur), видя, что онъ поступилъ неуважительно противъ своего начальника, нарушилъ вѣрность къ своему другу (Гмелину) и теперь, опасаясь справедливыхъ упрековъ, смѣшиваетъ меня съ грязью, въ надеждѣ свалить на меня свою вину. Я говорю вамъ, милостивый государь, какъ передъ Богомъ, что Миллеръ только тогда сказалъ мнѣ о своей рѣчи, когда представилъ ее въ канцелярію для отсылки въ Москву. Правда, что, прочитавъ ее, я ему сказала въ лицо, что не думаю, чтобы его сіятельство одобрилъ когда нибудь его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, и что было бы лучше изложить этотъ предметъ съ большею осторожностью, чтобы не обидѣть никого....»

4 сентября 1749 года: «я замѣтилъ по числу вашего письма, что мы оба были очень заняты въ одно и тоже время торжественнымъ собраніемъ, но весьма различно: вы — для уничтоженія, а я для осуществленія его, потому что 31 августа вы отправили курьера, а я отсюда въ тотъ же день послалъ всѣ книги, чтобы онѣ прибыли въ Москву 5 сентября, согласно приказанію его сіятельства. Изъ этого дѣла вы, милостивый государь, убѣдитесь, что мы считаемъ обязанностью исполнять съ точностью приказанія его сіятельства. Курьеръ пріѣхалъ вчера въ воскресенье, 3 сентября, въ полдень, а сегодня, 4, мы предупредили коллегіи, канцеляріи и конторы, уже пригла-

шенныя на 2 сентября, что назначеннаго 6 сентября торжественнаго собранія не будетъ. Такъ какъ его сїятельство находилъ полезнымъ отложить это собраніе, то это будетъ самою лучшею причиною, которую можно сказать. Всѣ значительныя особы и любители наукъ были приглашены за-день до прибытія курьера; картины для иллюминаціи были поставлены, рѣчи напечатаны и переплетены, а потому никто не повѣритъ, еслибы даже я и сталъ увѣрять, что мы не были готовы. Во всякомъ случаѣ будетъ вѣрнѣе отвѣчать, что у его сїятельства были свои причины измѣнить рѣшеніе, но не приводить притомъ ни одной...»

6 сентября 1749 года: «Весь городъ въ волненіи отъ внезапной перемѣны касательно торжественнаго собранія, и каждый занятъ отысканіемъ причинъ тому. Нѣкоторые даже предполагаютъ, что собраніе отиѣнено по представленію комиссара Крекшина, котораго мнѣнія противны миллеровскимъ относительно происхожденія господъ русскихъ¹⁾. Что до меня, то я говорю, что г. президентъ имѣлъ свои причины отложить собраніе до другаго времени. Но, оставимъ все это и станемъ думать только объ исправленіи панегирика, предисловія, начала и конца рѣчи г. Миллера».

7 сентября 1749 года: «вы угадали: нѣтъ ни одного профессора, который бы вѣрилъ, что не злосчастная рѣчь г. Миллера была причиною разстройства торжественнаго собранія. Гг. профессора: Струбе, Ломоносовъ, Тредіаковскій, Фишеръ и два адъюкта: Крашенинниковъ и Поповъ думаютъ, что въ состояніи судить о предметѣ...²⁾ Все готовятъ къ

¹⁾ Такъ думалъ и самъ Миллеръ, который притомъ былъ увѣренъ, что Крекшинъ привлекъ на свою сторону Шумахера и Ломоносова: *Probeque gnatus, quantum calumniis suis emolumento futurum sit, si Schumacherum et Lomonosovium utrumque male mihi cupientem in suas partes traheret, hunc, qui cavillationes suas fuco aliquo induceret atque falsis argumentis confirmaret, illum qui Mosquam eas ad Praesidem transcriberet, utrumque ex voto consequutus est*. См. г. Соловьева «Герардъ Фридрихъ Мюллеръ» въ Современникѣ 1854 г., Т. XLVII, Отд. II, стр. 136, 137.

²⁾ Т. е. о рѣчи Миллера. Названныя здѣсь академики были въ комиссіи, въ которой судилось произведеніе исторіографа. Письмо Шумахера отъ 7 сентября 1749 г. сохранилось съ пропусками, которые вѣроятно въ бѣловомъ онъ наполнялъ собственноручными приписками.

27 ноября. Восшествіе на престолъ ея величества будетъ 25, слѣдовательно 26 воскресенье — день неудобный для торжественнаго собранія, но все будетъ зависѣть отъ его сіятельства».

11 сентября 1749 года: «гг. профессора и адъюнкты трудятся надъ рѣчью г. Миллера, и вы, милостивый государь, увидите, что мнѣніе каждаго изъ нихъ, поданное особливо, будетъ весьма различествовать отъ того, которое онъ подавалъ съ товарищами, будучи въ засѣданіи. Гг. ученые, изъ опасенія, изъ зависти-ли, очень рѣдко высказываются о томъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Когда хочешь знать истину о предметѣ, надобно непременно говорить съ каждымъ отдѣльно. Такъ я и сдѣлалъ».

16 сентября 1749 года: «если когда нибудь меня затрудняло и подвергало хлопотамъ академическое дѣло, такъ это будущее торжественное собраніе. Съ самаго начала диссертация г. Миллера не имѣла чести мнѣ понравиться, но я не находилъ ее столь ошибочною, какъ описываютъ гг. профессора и адъюнкты. Чтобы не ставить себя между двухъ огней, я думалъ найти самый вѣрный путь послать въ подлинникѣ къ его сіятельству мнѣнія членовъ комиссіи и ожидать его окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу. Любезный мой другъ и собратъ по невзгодамъ! не найдете ли вы удобнымъ предложить его сіятельству приказать лучше на этотъ разъ выбрать предметъ изъ физики по математическому классу и отложить рѣчь г. Миллера до другаго времени, потому что невозможно согласить мнѣнія гг. профессоровъ съ авторскими, да если бы и возможно было, то надобно было бы переводить снова. И кто захочетъ взять это на себя? Никто, такъ какъ авторъ, увѣренный, что знаетъ по-русски лучше всякаго переводчика, всегда испортитъ переводъ своими пустѣйшими поправками... Но, если вы изберете научную тему, я полагаю, что все останутся довольны....»

Предложеніе Шумахера было принято Тепловымъ, и Рихманъ сталъ готовить рѣчь къ предстоящему собранію.

19 октября 1749 года: «гг. профессора и адъюнкты теперь трудятся надъ диссертациею г. Миллера и въ понедѣльникъ

начнуть битву. Я предвижу, что она будетъ очень жестока, такъ какъ ни тотъ, ни другіе не захотятъ отступить отъ своего мнѣнія. Не знаю, помните ли вы еще, милостивый государь, то, что я имѣлъ честь писать къ вамъ о диссертациі г. Миллера. Помню, что я утверждалъ, что она написана съ большою ученостью, но съ малымъ благоразуміемъ. Это оправдывается. Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академическихъ комментаріяхъ, излагалъ свои мнѣнія съ большимъ благоразуміемъ, потому что употреблялъ всѣ возможныя старанія отыскать для русскаго народа благородное и блистательное происхожденіе, тогда какъ г. Миллеръ, по увѣренію русскихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаго народа. И они правы. Если бы я былъ на мѣстѣ автора, то далъ бы совсѣмъ другой оборотъ своей рѣчи. Я бы изложилъ такимъ образомъ: происхожденіе народовъ весьма неизвѣстно. Каждый производитъ ихъ то отъ боговъ, то отъ героевъ. Такъ какъ я буду говорить теперь о происхожденіи русскаго народа, то изложу вамъ, милостивые государи, различныя мнѣнія писателей по этому предмету и потомъ выскажу мое собственное мнѣніе, поддерживая его доказательствами, довольно — по крайней мѣрѣ по моему разсужденію — убѣдительными. Такой-то и проч. Я же, основываясь на свидѣтельствахъ, сохраненныхъ шведскими писателями, представляю себѣ, что русская нація ведетъ свое начало отъ скандинавскихъ народовъ. Но откуда бы ни производили русскій народъ, онъ былъ всегда народомъ храбрымъ, отличавшимся геройскими подвигами, которымъ слѣдуетъ сохраниться въ потомствѣ. По краткости времени, мы коснемся только замѣчательнѣйшихъ, отложивъ прочіе до другаго случая. Здѣсь бы онъ могъ говорить о подвигахъ князей, великихъ князей, царей, императоровъ и императрицъ. Но онъ хотѣлъ умничать! *Nabeat sibi* — дорого онъ заплатитъ за свое тщеславіе!»

30 октября 1749 года: «профессоръ Миллеръ теперь видитъ, что промахнулся съ своею диссертациею *De origine gentis russicae*, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать. Мнѣ сказывали, что когда Поповъ гово-

рилъ Миллеру: *tu, clarissime autor, nostram gentem infamia afficis*, то тотъ почти лишился чувствъ (*tomboit presque en défaillance!*). Теперь онъ сказывается больнымъ и не хочетъ болѣе ходить въ конференцію. Мѣсто на страницахъ 18 и 19 диссертациа Рихмана: *Et nos feliciter incidimus etc.* приносить болѣе чести Академіи, чѣмъ вся галиматія г. Миллера, которую онъ хочетъ разрушить все, что другіе созидали съ такимъ трудомъ...»

Наковецъ 26 ноября происходило торжественное собраніе въ Академіи, а 4 декабря 1749 года, Шумахеръ писалъ къ Теплову: «И такъ похвальное слово (Ломоносова) было принято при Дворѣ съ одобреніемъ. Хорошо, но я увѣрю васъ, милостивый государь, что физическая диссертациа (Рихмана) будетъ такимъ же образомъ принята отъ ученыхъ, а премія тѣми, кто ее получитъ. И такъ всѣ будутъ довольны. Прусакки и шведы также, когда вы имъ покажете прилагаемое при семъ писаніе, потому что они устыдятся своихъ жалобъ противъ г. Ломоносова ¹⁾, когда прочтутъ болѣе жесткія и болѣе рѣзкія выраженія, которыя употребилъ король прусскій въ статьѣ Дарже. Надобно вамъ знать, что король есть настоящій авторъ ея...» ²⁾.

¹⁾ Въ похвальномъ словѣ императрицы Елизаветы, произнесенномъ Ломоносовымъ 26 ноября 1749 года, есть дѣйствительно нѣсколько мѣстъ, гдѣ говорится о побѣдахъ русскихъ надъ шведами, о великодушій къ нимъ императрицы и т. д. О прусакахъ же въ словѣ нѣтъ прямыхъ упоминаній. Правда, что въ то время отношенія петербургскаго двора къ Фридриху II не отличались дружелюбіемъ, и быть можетъ для современниковъ были ясны намеки Ломоносова въ родѣ слѣдующихъ: «если кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое монархическое наше сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый ея промыселъ...» и т. д.

²⁾ Etienne Darget, французъ, исполнявшій должность секретаря, тѣща и корректора при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II; онъ также читалъ въ берлинской академіи статьи, которыя писалъ этотъ государь (Abbé Denina—*La Prusse littéraire sous Frédéric II*, I, 352). Въ 1748 году Дарже читалъ между прочимъ въ Академіи сочиненіе короля: *La vie de Frédéric I, roi de Prusse*, при которомъ были приложены статьи его же: *Des mœurs, des coutumes, de l'industrie, des progrès de l'esprit humain dans les arts et dans les sciences, et de la superstition et de la religion* (Friedrich der Grosse als Schriftsteller, von Preusz, Berlin, 1837, стр. 49).

12.

Хлопоты Шумахера о полученіи аренды въ Ливоніи и отзы- вы его о возвышеніи Ломоносова.

1752 — 1753 годы.

Шумахеръ былъ женатъ на дочери придворнаго повара Петра Великаго, Фельтена, женѣ котораго было пожаловано въ аренду имѣніе въ Ливоніи. Теща Шумахера въ 1752—54 годахъ была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и онъ сильно хлопоталъ въ это время, чтобы означенная аренда осталась въ его семействѣ и въ случаѣ кончины вдовы Фельтенъ. Въ мартѣ 1753 года, Шумахеръ получилъ у графа Разумовскаго разрѣшеніе Тауберту, своему зятю, пріѣхать въ Москву для подачи императрицѣ просьбы о семейномъ дѣлѣ, а къ графу Воронцову (9 апрѣля 1753 года) сообщалъ, что Таубертъ ѣдетъ въ Москву по приказанію президента для академическихъ дѣлъ. «Моя теща, присовокупляя Шумахеръ, такъ плоха, что мы каждую минуту ожидаемъ ея смерти. Г. Таубертъ... намѣренъ... представить ея величеству просьбу въ пользу мою и моего семейства...»¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ ходатайство о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ.

Для успѣха своего домогательства, Шумахеръ придумалъ представить императрицѣ чрезъ Тауберта выгравированный при Академіи наукъ планъ Петербурга. Исполненіе этой работы Шумахеръ приписывалъ себѣ съ Таубертомъ, причемъ, чтобы понравиться императрицѣ, не забыто было упоминаніе, что планъ работанъ исключительно одними русскими учениками²⁾.

¹⁾ Арх. акад. конф., Исходящія письма 1752—1753 годовъ.

²⁾ 8 іюня 1753 года Шумахеръ писалъ къ своему другу Ивану Штегеліну въ Базель, при посылкѣ плана: «г. гетманъ вызвалъ г. Тауберта въ Москву, чтобы имѣть честь представить планъ ея величеству, отъ имени Академіи наукъ. Трудъ этотъ очень понравился ея величеству, и я думаю потому что его исполнили русскіе академическіе ученики, за что они и удостоились милостиваго благоволенія. Г. Таубертъ и я приняли это также на свой счетъ — вы знаете, что лестное слово, исходящее отъ трона, стоитъ сокровища...» (Исход. письма 1752—1753 годовъ).

Не смотря на эту выдумку, дѣло объ арендѣ не подвигалось. «То, что вы сообщили мнѣ, писалъ Шумахеръ къ Тауберту 22 апрѣля 1753 года, въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, я уже давно предчувствовалъ и почти убѣжденъ, что планъ очень мало поможетъ для нашей цѣли (dasz der Plan gar wenig zu unserm Endzweck helfen werde), такъ какъ каждый заботится только о себѣ. И такъ я вамъ совѣтую, немедля, возвратиться сюда и выждать болѣе удобнаго времени. Купите въ Москвѣ хорошую дорожную коляску (Schlafwagen). Академія всегда имѣетъ въ таковой нужду (!) и уплатитъ вамъ за то деньги...»¹⁾.

Въ то самое время, когда Таубертъ вотще хлопоталъ въ Москвѣ о ливонской арендѣ, Ломоносовъ также отправился туда и также по частному дѣлу, именно съ просьбою о пособіи ему отъ казны для устройства мозаичнаго завода. «Для сего Ломоносовъ, пишетъ онъ самъ про себя²⁾, просилъ изъ канцеляріи отвускаго письма, но Шумахеръ отказалъ, что безъ президентскаго позволенія дать не смѣетъ. Но какъ зимній путь уже сталъ худѣть, и Ломоносовъ думалъ, что можетъ ему также отъ президента отказъ будетъ, и дѣло его весьма продлится, то испросилъ онъ позволенія изъ сенатской конторы отъ адмирала князя Голицына пашиортъ и въ Москву пріѣхалъ прямо къ президенту, извиняясь своею законною нуждою. Его сіятельство принялъ ласково и во всю бытность оказывалъ къ нему любленіе. Всемилостивѣйшая же государыня благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшаго благоволенія и пожаловала по желанію его деревни. Возвратясь въ Санктпетербургъ, Ломоносовъ увидѣлъ въ профессорскомъ собраніи отъ президента оному на общее лицо репримандъ въ ослушаніи. А покойникъ адмиралъ князь Голицынъ показалъ Ломоносову также вѣжливый репримандъ отъ президента въ формѣ письма отъ совѣтника Теплова, что онъ въ чужую должность вступился, отпустилъ въ Москву реченнаго Ломоносова. Такъ противны были Шумахеру его успѣхи».

По случаю пребыванія Ломоносова въ Москвѣ, о немъ

¹⁾ Арх. акад. конф., Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Бизярскимъ, стр. 066.

не разъ заходила рѣчь у Шумахера въ письмахъ къ Тауберту.

«Я, писалъ Шумахеръ 11 марта 1753 года, совершенно равнодушень у кого г. Ломоносовъ въ милости и какія пріобрѣтаетъ онъ противъ другихъ выгоды; также не могу проникнуть ни къ кому въ сердце и стало быть не могу знать, какъ одинъ расположенъ къ другому. Равнымъ образомъ не таковъ я отъ природы, чтобы сталъ завидовать полученнымъ имъ выгодамъ. Не все то золото, что блеститъ. Многіе такого мнѣнія, что чрезвычайныя преимущества, которыхъ онъ достигъ, умножая его счастье, послужатъ также и къ гибели его. Правда, что боязливый и скромный пойдетъ далеко, но за то онъ идетъ тверже. Напротивъ отважный и гордый быстрѣе стремится къ цѣли, однако часто, при смѣлыхъ скачкахъ, падаетъ въ пропасть, гдѣ и погибаетъ. Я въ этомъ случаѣ ссылаюсь на Соломона ¹⁾, который мудро говоритъ: въ бѣгѣ не помогаетъ быстрота, въ борьбѣ — сила; для пропитанія недостаточно быть способнымъ, а для богатства благоразумнымъ. Быть приятнымъ не помогаетъ уснѣху въ дѣлахъ, но все это зависитъ отъ времени и счастья».

«Если извѣстное дѣло (т. е. объ арендѣ), какъ видно, не подвинется, а между тѣмъ у меня плохая надежда на представленіе министерства, не смотря на всѣ обѣщанія и чрезвычайное уваженіе, то я бы совѣтовалъ вамъ предпринять, послѣ 25 апрѣля, возвратный путь...».

15 марта 1753 года: «г. совѣтникъ Ломоносовъ весьма несправедливъ, когда на меня жалуется: не я съ нимъ, а онъ со мною поступилъ невѣжливо. Если онъ подъ невѣжливымъ обхожденіемъ разумѣетъ то, что не все дѣлается по его волѣ, въ нарушеніе права и справедливости, въ такомъ случаѣ я долженъ согласиться, что поступилъ съ нимъ невѣжливо. Его лабораторъ подалъ въ канцелярію доношеніе съ просьбою объ отпускѣ его въ Москву, по своимъ дѣламъ, на 29 дней. Канцелярія разрѣшила его отпустить. День спустя, является въ канцелярію г. совѣтникъ Ломоносовъ и передаетъ мнѣ на

¹⁾ Экклес. 9, 11.

словахъ, чтобъ я выдалъ лаборатору прогоны на двѣ лошади, такъ-какъ онъ посылаетъ его въ Москву по своимъ мозаическимъ работамъ. Я возразилъ ему, что этого не можетъ быть сдѣлано, потому что лабораторъ въ своемъ доношеніи объяснилъ, что отправляется въ Москву по собственнымъ домашнимъ дѣламъ. «Это должно сдѣлать, отвѣчалъ г. совѣтникъ Ломоносовъ, и вы узнаете, какъ это будетъ сдѣлано!» А я говорилъ, что этого не будетъ. «Не очень гордитесь (nicht so hoch), сказалъ Ломоносовъ, я самъ такой же полковникъ, какъ и вы!» Я возразилъ, что я не полковникъ, а совѣтникъ канцеляріи, гдѣ онъ ничѣмъ не можетъ повелѣвать. Затѣмъ онъ виѣ себя вышелъ вонъ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не говорилъ, а лабораторъ поѣхалъ на своихъ лошадяхъ. Г. Ломоносовъ можетъ дѣйствовать противъ меня, какъ онъ хочетъ, но я всегда скажу, что у него былъ бы хорошій умъ (gutes Genie) и что онъ высоко стоялъ бы по своей наукѣ (dasz er es in denen Wissenschaften würde hoch gebracht haben), когда бы притомъ оставался вѣжливымъ. Надменность, скупость и пьянство такіе пороки, которые многихъ довели до несчастія. Его шуранъ сказывалъ мнѣ сегодня, что г. совѣтникъ скоро прибудетъ сюда. Это извѣстіе очень разнствуетъ съ вашимъ....»¹⁾

13.

Рѣчь Ломоносова о явленіяхъ, происходящихъ отъ электричества.

1753 — 1754 годы.

5 августа 1753 г., Шумахеръ постановилъ въ академической канцеляріи представить президенту объ отмѣнѣ торжественнаго собранія въ Академіи, назначеннаго 5 сентября, по случаю внезапной смерти Рихмана, который долженъ былъ читать тамъ о своихъ наблюденіяхъ надъ электричествомъ²⁾.

¹⁾ Арх. акад. конв., Исходящія письма 1752, 1753 годовъ.

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 215, 216.

Между тѣмъ академики ничего не знали о томъ, и въ ихъ за-сѣданіяхъ продолжались разсужденія, кто и какъ будетъ отвѣчать въ предстоящемъ торжественномъ собраніи на рѣчь Ломоносова о явленіяхъ, происходящихъ отъ электричества. Шумахеръ, съ своей стороны, не подавалъ ни малѣйшаго намека о своемъ представленіи и 18 августа писалъ къ Ломоносову:

«Когда я вчера имѣлъ честь, въ присутствіи вашего высокоблагородія, высказать мое мнѣніе касательно статьи умершаго профессора Рихмана, что она должна быть отмѣнена на этотъ разъ, то ваше высокоблагородіе одни предлагали, не будетъ ли признано за лучшее изложить наблюденія покойнаго въ извлеченіи. Въ настоящую минуту имѣю честь высказать мое мнѣніе на ваше письмо. Справедливо, чтобы статья вашего высокоблагородія была главною и, чтобы г. профессоръ Гришовъ, отвѣчая на нее отъ имени Академіи, объяснилъ причины, почему поступившія статьи на задачу объ отдѣленіи золота отъ серебра не увѣнчаны и, наконецъ, предложилъ новыя. Только объ этомъ надобно рѣшить въ конференціи. Я опасаюсь, чтобы г. профессоръ Гришовъ ¹⁾ не уклонился отъ того за краткостью времени или—Богъ знаетъ—по какимъ причинамъ. Неудобно ли будетъ вашему высокоблагородію переговорить съ нимъ объ этомъ до конференціи, чтобы расположить его къ тому. Его сіятельству г. президенту это будетъ очень пріятно, а я съ своей стороны ничего не имѣю сказать противъ того...» ²⁾.

Согласно представленію Шумахера, графъ Разумовскій отмѣнилъ торжественное собраніе, но Ломоносовъ въ этомъ распоряженіи видѣлъ происки Шумахера и писалъ о томъ къ президенту, который 11 октября предписалъ назначить для чтенія рѣчи Ломоносова торжественное собраніе 25 ноября 1753 года, а 4 ноября подтвердилъ, чтобы академическая канцелярія не дѣлала затрудненій по поводу преній академиковъ

¹⁾ Горячій сторонникъ Шумахера, который долженъ былъ очень хорошо знать мысли Гришова.

²⁾ Архивъ акад. конф., Исходныя письма 1752—1753 годовъ.

о рѣчи Ломоносова и вообще «не вступалась бы въ сіе ихъ дѣло» ¹⁾).

10 ноября Шумахеръ писалъ къ Ломоносову: «согласно приказанію его сіятельства г. гетмана, рѣчь вашего высокоблагородія должна быть произнесена въ торжественномъ собраніи 26 числа (sic), напечатана, переплетена и къ сроку доставлена въ Москву, а между тѣмъ время для того очень коротко, поэтому дружески прошу васъ поспѣшить корректурою, или же вы заблагоразсудите рѣчь, которую слѣдуетъ послать къ его сіятельству, оставить ненапечатанною. Такъ какъ его сіятельству угодно было еще приказать, чтобы о задачахъ было рѣшено въ конференціи, то положено завтра утромъ около 11 часовъ быть засѣданію, въ которое и ваше высокоблагородіе будете приглашены...» ²⁾).

Рѣчь была напечатана къ сроку, и Шумахеръ поспѣшилъ послать ее къ заграничнымъ ученымъ, бывшимъ нашимъ академикамъ: Эйлеру, Гейнзию и Крафту. Первый отвѣчалъ прежде всѣхъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ сочиненіе Ломоносова и что его гипотезы глубокомысленны и вѣроятны ³⁾. Шумахеръ въ отвѣтъ на это писалъ, 1 января 1754 года:

«что у г. совѣтника и профессора Ломоносова замѣчательный умъ (eins besonders gutes Genie) и что у него особенное предъ прочими дарованіе, того не отвергаютъ и здѣшніе профессора и академики. Только они не могутъ сносить его высокоумія и тщеславія, что будто бы высказанныя имъ въ разсужденіи мысли новы и принадлежать ему. Въ этомъ они не хотятъ ему уступить, но полагаютъ, что означенныя мысли были высказаны другими прежде его. Въ особенности не намѣрены они простить ему, что въ своихъ примѣчаніяхъ онъ дерзнулъ нападать на мужей, прославившихся въ области наукъ. Однимъ словомъ, какъ здѣшніе, такъ и иноземцы вовсе недо-

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Билярскимъ, стр. 223, 237.

²⁾ Архивъ акад. конф., Исходящія письма 1752—53 годовъ.

³⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярскимъ, стр. 248.

вольны поведеніемъ автора...»¹⁾). На это-то письмо и возразилъ Эйлеръ, что онъ въ рѣчи Ломоносова нигдѣ не встрѣтилъ презрительныхъ отзывовъ о великихъ людяхъ и пр.²⁾.

Въ мнѣніяхъ Гейнзия и Крафта были высказаны приговоры, далеко не столь снисходительные какъ Ейлера. 22 января 1754 года, Шумахеръ писалъ къ первому изъ нихъ: «мнѣніе ваше касательно препровожденной статьи я велѣлъ перевести и послать въ Москву къ его сіятельству г. президенту. Оно сходится съ тѣмъ, что говорили здѣшніе профессора. Они соглашаются, что мысль г. автора хороша, но вовсе, вовсе не нова (*nicht gar und gar neu*), такъ какъ г. Эйлеръ, а равно и г. Франклинъ высказывали ее. Гипотеза не есть еще доказанная истина, но г. авторъ хочетъ утверждать, что онъ первый ее высказалъ и что его система (теорія?) справедлива. При такихъ противорѣчіяхъ его сіятельство охотно желаетъ знать, кто изъ нихъ правъ. Что авторъ владѣетъ большими способностями, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но опасаются, чтобы ему не повредило его чрезвычайное тщеславіе...»³⁾.

31 января 1754 года, Шумахеръ къ Фелькнеру, который занимался письмоводствомъ при графѣ Разумовскомъ въ Москвѣ: «мнѣ пріятно, что рѣшеніе химическихъ проблемъ хорошо удалось въ переводѣ. Въ конференціи тогда (?) довольно говорили г. Ломоносову, что конечно никто не будетъ такъ глупъ, чтобы агасиш, если онъ таковымъ владѣетъ, былъ открытъ за 100 червонцевъ. Однако какъ только онъ при томъ употребилъ имя г. тайнаго совѣтника Чернышева, то всѣ замолчали...»

Къ тому же 3 февраля 1754 года: «Когда бы хотѣли поступать со мною справедливо и сообщили бы то, что г. Ломоносовъ передалъ противъ меня, то я бы могъ помочь ему во многихъ предметахъ, потому что *dann man klopft den Mühl sack und meint den Esel...*»⁴⁾.

¹⁾ Арх. акад. конф., Исходящія письма 1754—1766 годовъ.

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Билярекимъ, стр. 259.

³⁾ Архивъ академ. конференцій, Исходящія письма 1754—1766 гг.

⁴⁾ Ibid. Приведенная Шумахеромъ нѣмецкая пословица соответствуетъ русской: кошку бьютъ, невѣстки навѣтки даютъ.

14.

Сообщеніе Ломоносовымъ Ла-Кондамину русской азбуки.

1754 годъ.

Въ I портфелѣ «Писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ съ 1754 по 1756 годъ» (арх. акад. конф.) есть копія съ французскаго письма отъ $\frac{8}{10}$ февраля 1754 года, безъ подписи, написаннаго, какъ видно изъ нижеприведеннаго письма Ла-Кондамина, нашимъ академикомъ Гришовымъ. Здѣсь послѣ разсужденій, касающихся астрономіи, слѣдуетъ:

«Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь препроводить къ вамъ, милостивый государь, русскую азбуку, которую вы у меня просили. Я обращался о томъ къ г. совѣтнику Ломоносову, безспорно самому свѣдущему по этой части. Онъ чрезвычайно радъ этому случаю, чтобы выразить, милостивый государь, свое уваженіе къ вамъ и вашимъ достоинствомъ, и всегда будетъ очень доволенъ пользоваться вашимъ знакомствомъ. По недостатку времени, мы не могли распространиться о той азбукѣ болѣе; но можетъ быть я еще буду имѣть случай доставить вамъ болѣе примѣровъ звуковъ, употребительныхъ въ русскомъ языкѣ. Между тѣмъ я въ состояніи сказать вамъ, милостивый государь, что русскіе не могутъ никонимъ образомъ выразить на своемъ языкѣ звукъ *ei*, какъ на примѣръ въ словѣ Dieu, ни звукъ *u*, какъ на примѣръ въ *vertu*.

Вы видите, милостивый государь, что русскіе вовсе не могутъ выразить своими буквами всѣ звуки европейскихъ языковъ. Случается даже, что они лишены возможности выражать звуки, встрѣчающіеся въ ихъ собственномъ языкѣ. Такъ, на примѣръ, у нихъ есть звукъ французской доегласной *oe*, но прежде у нихъ не было буквы для обозначенія его, почему недавно въ Академіи изобрѣли новую букву, которая должна выражать звукъ *oe...*¹⁾

¹⁾ Гришовъ вѣроятно здѣсь имѣетъ въ виду *ю*, которое некоторое время у насъ употребляемо было въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нынѣ иногда ставятъ *ё*, напр. село, съезда и т. п.

Ла-Кондаминъ отвѣчалъ на это Гришову 4 іюня 1754 года: «Нѣсколько дней спустя, какъ написалъ мое послѣднее письмо, я получилъ 19 марта ваше, милостивый государь, которымъ вы меня удостоили отъ $\frac{8}{13}$ февраля, вмѣстѣ съ письмомъ отъ г. Ломоносова. Я сообщилъ Академіи все доставленныя вами наблюденія. Г. Ле-Монье взялъ на себя наблюденія г. Попова, о которыхъ не отдалъ еще отчета. Я прилагаю здѣсь статью по части наблюдений г. Красильниковъ и приобщенныя къ нимъ объясненія ваши... (слѣдуютъ подробности о болѣзни Ла-Кондамина). Эта причина, совершенно законная, мѣшала мнѣ до сихъ поръ принести мою благодарность г. Ломоносову за объясненія, которыя угодно было ему сообщить мнѣ по поводу русской азбуки. Я прошу васъ извинить меня передъ нимъ. Я не привыкъ писать по-латыни, хотя понимаю этотъ языкъ также хорошо, какъ и французскій, и мнѣ запрещено заниматься, но въ скоромъ времени надѣюсь загладить это опущеніе...» ¹⁾.

15.

О приглашеніи доктора Сальхова для занятія кафедры химіи.

1753 — 1755 годы.

Въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» Ломоносовъ пишетъ: «При случаѣ платы въ награжденіе по задачѣ ста червонцовъ за химическую диссертацию, Ломоносовъ сказалъ въ собраніи профессорскомъ, что-де онъ имѣя работу сочиненія Россійской имперіи не чаеъ такъ свободно упражняться въ химіи, и ежели въ такомъ случаѣ химикъ понадобится, то онъ рекомендуетъ ландмедика Дахрица. Сіе подхвати, Миллеръ записалъ въ протоколъ и согласясь съ Шумахеромъ, безъ дальняго изъясненія съ Ломоносовымъ,

¹⁾ Арх. акад. конф., Входящія письма 1750 — 1755 годовъ. Небольшой отрывокъ изъ этого же письма въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собр. г. Биларскимъ, стр. 259.

скоропостижно выписали доктора Залхова, а не того, что рекомендовал Ломоносовъ, который внезапно увидѣлъ, что новой химикъ прѣхалъ и ему отдана лабораторія и квартира. Помянутый Залховъ былъ послѣ весьма жалокъ...»¹⁾

Въ портфель Миллера (арх. акад. конф.), подъ заглавіемъ «Извѣстіе, касающееся до профессора Салхова» сохранились собственноручная записка Ломоносова и нѣсколько извѣстій, показывающихъ ходъ дѣла, о которомъ рассказано въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи».

Въ 1753 году, Академія предложила на рѣшеніе задачу: объяснить причины отдѣленія золота отъ серебра посредствомъ крѣпкой водки и показать притомъ лучшей и дешевой способъ отдѣленія этихъ металловъ. Доставленные на конкурсъ сочиненія не были признаны удовлетворительными, почему задача была повторена и въ 1754 году. Одна изъ присланныхъ въ этомъ году диссертаций съ девизомъ *Igneus est solis vigor et coelestis origo* обратила на себя вниманіе Ломоносова. На листкѣ безъ года и числа онъ сдѣлалъ слѣдующій собственноручно написанный отзывъ:

«Диссертация нынѣшняя лутче всѣхъ; жаль что коротка, и пропущены доказательства, которыя онъ за извѣстныя полагаетъ у насъ и по справедливости. Однако для порядка быть имъ въ диссертации должно. Притомъ и не въ формѣ диссертаций, но какъ писма. Ежели еще лутче не будетъ то едвали награжденія не достойна. Я бы хотѣлъ знать авктора; неради частныя обстоятельство, но ради чести Академіи, у меня нѣтъ въ Германіи ни единого знакомаго химика».

Затѣмъ слѣдуютъ чисто переписанныя копія:

«Въ протоколѣ академическаго собранія августа 18 дня 1754 года, въ 7-мъ пунктѣ написано:

Господинъ совѣтникъ Ломоносовъ возвратилъ диссертацию химическую, у которой надпись *Igneus etc.*, оную весьма хвалилъ и объявилъ, что по его мнѣнію полезно будетъ для

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Биларскимъ, стр. 067.

²⁾ Этотъ листокъ, а равно и слѣдующія за нимъ копія хранятся въ портфель Миллера (архивъ акад. конф.): «Извѣстіе, касающееся до профессора Салхова».

Академіи сочинителя оной диссертациі опредѣлить профессоромъ химіи, ежели склонить его возможно, чтобъ въ Россію поѣхалъ, ибо онъ самъ (т. е. Ломоносовъ), другими дѣлами будучи обязанъ, въ оной наукѣ болѣе трудиться не можетъ. Подлинный протоколъ за подписью гг. присутствующихъ тако: Ger. Fr. Müller. Михайло Ломоносовъ. A. N. Grischow. Никита Поповъ. M. Kleinfeld. Съ подлиннымъ переведено исправно: архивариусъ Иванъ Стафенгагенъ.

Ея императорскаго величества ясневельможному гетману, дѣйствительному камергеру, Академіи наукъ г. президенту, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка подполковнику и разныхъ орденовъ кавалеру, его сіятельству графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому

Докладъ.

Сего августа 18 дня въ ординарномъ академическомъ собраніи, г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ объявилъ, что за другими дѣлами профессію химіи отправить болѣе не въ состояніи и что надлежитъ на его мѣсто выписать изъ-за-моря другаго химика, къ чему онъ представилъ, яко достойнаго, автора диссертациі, для преміи въ Академію присланной подъ знакомъ *Igneus etc.*, и требовалъ, чтобъ то записано было въ протоколъ, что и учинено. Того ради вашему высокографскому сіятельству низжайше о семъ объявляю и прошу объ указѣ, что чинить повелѣно будетъ.

Съ чернымъ докладомъ сходенъ: архивариусъ Иванъ Стафенгагенъ. Августа дня 1754 году.

Послѣдовало ли на этотъ докладъ какое рѣшеніе президента, неизвѣстно, только совѣтникъ монетной канцеляріи Шлаттеръ, также разсматривавшій, вмѣстѣ съ другими, представленныя на конкурсѣ сочиненія, 12 августа 1755 года, далъ весьма неблагопріятный отзывъ о диссертациі съ девизомъ: *Igneus etc.*

«Что же надлежитъ, писалъ онъ, до диссертациі подъ стихомъ *Igneus est solis vigor et coelestis origo*, то понять я не могу, какъ осмѣлился авторъ выписанное отъ слова до слова изъ Глаубера и уже давно вѣдомое дѣло прислать ученому

собранію, притомъ же и съ фигурныхъ листовъ у онаго Глаубера снять копіи. Сверхъ сего онъ всеконечно не дѣлалъ ни раздѣленія и ниже того, что въ диссертациі написано.... По моему мнѣнію не присуждаю я никому изъ господъ сочинителей помянутыхъ диссертациій давать награжденія, для того-что не дошли они еще далеко до истиннаго и прибыльнаго способа. Никакое въ Европѣ мѣсто не можетъ похвалиться приведеніемъ искусства раздѣленія до высокой степени, кромѣ Россіи. На что сего короче, когда на всякой годъ до 600 пудъ или 48.000 маркъ золотнаго серебра, сколь бы мало ни было въ немъ золота, съ превеликою прибылью, весьма скоро, а притомъ и способно раздѣлять можно, и когда фунтъ со всѣми расходами и угаромъ обходится не выше 64 копѣекъ? Напротивъ же того въ нѣмецкой землѣ вездѣ (какъ сіе засвидѣтельствуется послѣднею диссертациею) за раздѣленіе съ фунта по 2 ефимка берется....»

Диссертациа съ девизомъ *Igneus etc.* хранится до нынѣ въ архивѣ академической конференціи. Имя автора ея написано на заглавномъ листѣ и потомъ закрыто лоскуткомъ бумаги, съ приложеніемъ по бокамъ печатей. Ихъ слѣдовало вскрыть, если бы разсужденіе удостоилось преміи; но этого не случилось, почему печати до нынѣ остаются нетронутыми. Впрочемъ бумага, покрывающая имя, такъ прозрачна, что можно безъ труда прочесть, что авторомъ диссертациі былъ *Carolus Dachritz.*

Въ 1755 году отъ Академіи наукъ было объявлено, что на основаніи устава, въ 1752 и 1753 предлагалась отъ нея рѣшеніе задача «изяснить изъ физическихъ и химическихъ основаній причины раздѣленія золота отъ серебра посредствомъ крѣпкой водки, и притомъ показать способъ, какъ бы легче и дешевле раздѣлить сіи два метала», но что изъ присланныхъ диссертациій «не найдено такой, въ которой бы оная задача совершенно была рѣшена, однако для убѣжденія всякаго подозрѣнія будто бы Академія не исполняетъ того, что обѣщаетъ, и для удовольствованія ученаго свѣта, желающаго видѣть лучшую изъ присланныхъ о семъ дѣлѣ диссертациій, опредѣлила награжденіе ста червонныхъ дать за ту, при которой находится подпись: *Dant vulnera Christi salutem...*» По вскрытіи пакета съ именемъ автора, она оказалась написанною Ульрихомъ Хри-

стофоромъ Сальховымъ. Тогда Миллеръ, какъ конферэнцъ-секретарь, просилъ Ейлера удостовѣриться положительно о живущемъ въ Берлинѣ докторѣ Сальховѣ, чтобы знать, точно ли онъ авторъ увѣчаннаго сочиненія и ему ли слѣдуетъ выдать 100 червонцевъ? Ейлеръ, въ письмѣ отъ 7 октября 1755 года, отвѣчалъ, что этотъ самый Сальховъ долженъ получить присужденную премію, прибавилъ: «г. докторъ Сальховъ кажется не только способнымъ, но и образованнымъ человекомъ. Онъ родомъ съ острова Рюгена и будетъ лѣтъ около сорока. Предложеніе, не имѣетъ ли охоты отправиться въ Петербургъ, онъ выслушалъ съ радостью, потому что у него здѣсь мало надежды на полученіе мѣста по своей наукѣ химіи, и живетъ онъ безъ службы. Такъ какъ искусные химики чрезвычайно рѣдки, то я едва вѣрю, чтобы можно было найти способнаго человѣка. У него только жена, и его бы можно было приобрести на недорогихъ условіяхъ...»¹⁾ Миллеръ отвѣчалъ, 31 октября 1755 года, что онъ говорилъ о Сальховѣ президенту и что для него готово мѣсто профессора химіи съ жалованьемъ въ 600 руб.²⁾ 7 декабря 1755 года, Ейлеръ, препровождая окончательно подписанный контрактъ Сальхова, писалъ: «этотъ человѣкъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе мнѣ нравится, и я надѣюсь, что императорская Академія будетъ вполне довольна этимъ приглашеніемъ...»³⁾

16.

О ссорѣ Ломоносова съ Тепловымъ при разсмотрѣніи академическаго устава.

1755 годъ.

Протоколы засѣданій, бывшихъ въ Академіи въ февралѣ 1755 года по случаю пересмотра ея устава, помѣщены въ брошюрѣ г. В. Ламанскаго «Ломоносовъ и петербургская

¹⁾ Eingekom. Briefe von A. 1750 bis 1755 (арх. акад. конф.)

²⁾ I портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ (арх. акад. конф.)

³⁾ Eingekom. Briefe von A. 1750 bis 1755.

Академія наукъ» (Москва 1865 года), стр. 90 и слѣд. Подробности о томъ, что происходило тамъ, сохранились въ письмахъ Ломоносова къ И. И. Шувалову въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова», собр. г. Билярскимъ, стр. 288—291. Въ архивѣ акад. конференціи въ III портфель Миллера «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1751 по 1764 годъ», есть собственноручное его донесеніе графу Разумовскому. Въ началѣ повторенія протокола 23 февраля, но заключительная просьба принадлежитъ одному Миллеру:

Его сіятельству господину президенту . . . (полный титулъ).

Репортъ.

По присланному отъ вашего высокографскаго сіятельства въ собраніе Академіи наукъ ордеру были сего февраля 17, 18, 21 и 23 чиселъ въ Академіи экстраординарныя собранія, въ которыхъ присутствующіи, въ томъ ордерѣ назначенные члены стали разсуждать о поданномъ господиномъ ассесоромъ Таубертомъ предложеніяхъ; что происходило въ первые три дня съ надлежащимъ порядкомъ, а въ четвертый день, т. е. сего февраля 23 дня, учинился споръ отъ г. совѣтника Ломоносова противъ г. совѣтника Теплова съ такими словами, изъ которыхъ г. совѣтникъ Тепловъ объявилъ къ протоколу, что за учиненнымъ ему отъ г. совѣтника Ломоносова безчестіемъ присутствовать съ нимъ въ академическихъ собраніяхъ не можетъ. Такожъ и г. статскій совѣтникъ Шумахеръ говорилъ, что свое присутвіе впредь за излишнее признаваетъ. И такъ всѣ члены разошлись. Того ради вашему высокографскому сіятельству о семъ репортую и прошу объ указѣ, продолжать ли сіи экстраординарныя собранія безъ именованныхъ двухъ старшихъ членовъ. И я также прошу, чтобъ меня отъ оныхъ уволить, потому что не менее я господина совѣтника Ломоносова опасуюсь, имѣя уже толь много примѣровъ его ко мнѣ досады, что впредь съ нимъ ни о какомъ дѣлѣ говорить не осмѣливаюсь, и напротивъ того и могу я время свое полезнѣе употребить на сочиненіе піесовъ для Ежемѣсячнаго журнала. 25 февраля 1755 году¹⁾.

¹⁾ Арх. акад. конв. III портфель Миллера: «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1751 по 1764 годъ».

17.

Отношенія Ломоносова къ П. П. Рычкову.

1755—1765 годы.

Петръ Ивановичъ Рычковъ сочиненіе свое, напечатанное впоследствии подъ заглавіемъ «Оренбургская топографія», послалъ въ рукописи къ Ломоносову при слѣдующемъ письмѣ¹⁾:

«Милостивый государь мой Михайль Васильевичъ

«Уповаю на благость и милость вашу, которою я отъ васъ, милостиваго государя моего, удостоенъ былъ въ бытность мою въ Санктпетербургѣ, посылаю при семъ на ваше благосклонное разсмотрѣніе книжицу, въ которой описано внутреннее и пограничное состояніе Оренбургской губерніи.

Изъ оной изволите усмотрѣть, что я ее собиралъ и сочинилъ для того наипаче, дабы сочиняемымъ здѣсь у географическихъ дѣлъ для употребленія по губернской канцеляріи ландкартамъ, кои вообще и порознь оную губернію представляютъ, придавъ нѣкоторое изъясненіе, къ познанію здѣшнихъ мѣстъ требующееся, а особливо въ разсужденіи правленія здѣшней губерніи. Будучи здѣсь съ самаго начала оренбургской комиссіи и почти у всѣхъ происходившихъ дѣлъ, за должность мою почелъ вѣдомое мнѣ изъ канцелярскихъ дѣлъ и по другимъ окрестностямъ описать, а затѣмъ все оное предать въ разсмотрѣніе и поправленіе искуснѣйшимъ, чего ради нарочно списавъ съ нея нѣсколько экземпляровъ, намѣренъ раздать и разослать въ такія руки, отъ которыхъ, по свѣдѣнію ихъ здѣшнихъ мѣстъ, надѣюсь дополненія получить, вѣдая коль много въ свѣтѣ первыхъ и новыхъ недостаточныхъ и погрѣшительныхъ сочиненій такими поправленіями и дополненіями не только въ надлежащій порядокъ, но и самое совершенство приведено.

Въ томъ моемъ намѣреніи, по предвоспринятому отъ меня плану, сочиня первую часть, призналъ я не токмо за сходно,

¹⁾ «Письма къ историографу Миллеру отъ разныхъ особъ» XXIV портфель въ архивѣ акад. конференціи.

но и за должно послать ее на ваше, милостиваго государя моего, просвѣщенное разсмотрѣніе, надѣясь, что вы, означенное мое намѣреніе почтя за справедливое по имѣющемуся въ васъ о общихъ пользахъ раченію, сего труда не отречетесь.

Милостивый государь мой! покорно низжайше прошу пожаловать ее высмотрѣть, и ежели я въ порядкѣ примѣчаніевъ погрѣшилъ, или въ разсужденіи древностей внесъ тутъ такія обстоятельства, которыя къ матеріямъ не весьма сходственны или недовольно вѣроятны, то все оное поправить и удостоить меня вашимъ наставленіемъ, какъ впредь въ продолженіи сей первой и при сочиненіи второй части поступать, чему я по возможности слѣдовать не премину. А буде оное мое хотя и несовершенное, но яко новое и первое сочиненіе не вовсе тщетнымъ покажется, и вы для побужденія меня и другихъ къ таковымъ описаніямъ сообщите его въ императорскую Академію наукъ съ благосклоннымъ вашимъ засвидѣтельствованіемъ и одобреніемъ, чтобъ мнѣ удостоиться милостивой ея аппробаціи, то я, здѣсь и вездѣ будучи, не только въ сочиненіи второй и третьей части, но и во всѣхъ ея повелѣніяхъ по крайней моей возможности трудиться, а вамъ, милостивому государю моему, благодарить и заслуживать потщусь. Между тѣмъ же съ моимъ должнѣйшимъ почитаніемъ остаюсь

вашего высокоблагородія

милостиваго государя моего

покорнѣйшій слуга

Петръ Рычковъ.

Изъ Оренбурга

февраля 2 числа 1755.

P.S. Читая книжицу, изволите усмотрѣть многія неисправности въ орографіи, а иногда и въ рѣчахъ описки: низжайше прошу не поставить мнѣ въ вину, что я не выправя послалъ. Вы сами изволите знать, коль рѣдко исправные писцы находятся, а выправить истинно недопустили меня недосужности канцелярскія».

4 іюля 1755 года, Шумахеръ писалъ къ Ломоносову: «два доношенія коллежскаго совѣтника Рычкова изъ Оренбурга — одно въ формѣ письма для Ежемѣсячныхъ сочиненій, касающееся русской торговли, и другое, относящееся до исправ-

лений Атласа, могут по моему мнѣнію, быть оставлены до возвращенія вашего высокоблагородія, тѣмъ паче, что г. президента здѣсь нѣтъ, а дѣло само по себѣ не спѣшное. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда почти каждый дорожить свѣжимъ воздухомъ, особеннаго ничего не происходило. Но если что нибудь подобное случится, а людей вашихъ здѣсь не будетъ, то къ вамъ будетъ посланъ нарочный, бывавшій уже въ вашемъ имѣніи. Впрочемъ . . .»¹⁾

Миллеръ, издававшій въ то время «Ежемесячныя сочиненія», и всегда нуждавшійся въ дѣльныхъ сотрудникахъ, употребляя всѣ усилія, чтобы сблизиться съ Рычковымъ, вель съ нимъ переписку, охотно помѣщалъ его статьи и, наконецъ, въ 1759 году успѣлъ настоять на избраніе Рычкова въ члены корреспонденты Академіи.

Неудовольствія между Миллеромъ и Ломоносовымъ не могли не отразиться на Рычковѣ, который сдѣлался пріателемъ перваго. Такимъ образомъ въ запискѣ Ломоносова, озаглавленной «Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ»²⁾, первымъ обвиненіемъ противъ Миллера написанъ слѣдующій пунктъ: «г. Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ, напр. Рычкова представлялъ почетнымъ членомъ. А какъ его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно, коль несправедливы бываютъ протоколы конференцкіе, кои онъ одинъ подписываетъ» . . .

До Рычкова дошелъ слухъ объ этомъ, и 17 мая 1760 года онъ писалъ къ Миллеру:

«Я не признаю никакой дифференціи въ томъ, чтобъ именовать корреспондентомъ или членомъ корреспонденціи. Миѣ кажется первое еще и преимущественнѣе, развѣ въ вашихъ академическихъ поведеніяхъ инаково. Но и послѣднее въ вашихъ изданіяхъ, а именно въ Краткомъ содержаніи вашихъ ком-

¹⁾ Арх. акад. конф., Исходящія письма 1754—1766 годовъ.

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Биларскимъ, стр. 488.

ментаріевъ и въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ уже есть. Чрезъ что и то, и другое явно, а я никакихъ высшихъ преимуществъ не требую, но еще и прошу, дабы для избѣжанія критики и всякихъ споровъ при сочиненіяхъ моихъ имени не ставить.»

«Михайло Васильевичъ Ломоносовъ персонально меня знаетъ. Онъ, получа первую часть моей топографіи письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія апробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди. Но когда я увидѣлъ, что двѣ первыя мои піесы о коммерціи — незнаю, отколь и чрезъ кого — въ Академію вошли и напечатаны, тогда писалъ я къ нему, уповаю, что мѣсячныя изданія ему вѣдомы¹⁾. Онъ отозвался ко мнѣ, оказывая свое неудовольствіе объ этихъ книжкахъ, и что оныя мои піесы подлежатъ нѣкоторой критики (хотя я ихъ, да и всѣ мои сочиненія дѣлалъ не ради того, чтобъ имъ въ печати быть, но для разсмотрѣнія отъ искуснѣйшихъ); совѣтовалъ мнѣ трудиться и его увѣдомлять о принадлежащемъ къ исторіи натуральной. Съ того времени прекратилъ я мою съ нимъ переписку. Я примѣтилъ, что онъ мѣсячныя изданія порочилъ напрасно, а отъ меня требовалъ того, что мнѣ по незнанію моему исполнить было трудно. Не сіе-ль приводитъ его въ движеніе, когда мое имя упоминается, но можетъ быть я и ошибаюсь?»

20 декабря 1763 года было напечатано приглашеніе къ заводчикамъ о доставленіи разныхъ рудъ и минераловъ къ Ломоносову, который намѣревался сочинить описаніе рудъ и минераловъ, встрѣчаемыхъ въ Россіи. По этому поводу, Рычковъ, 18 апрѣля 1764 года, писалъ къ Миллеру: «вчера съ получень въ заводскую мою контору указъ изъ горнаго начальства, чтобъ, по требованію Михайла Васильевича Ломоносова, всѣмъ заводчикамъ сообщать къ нему руды и минералы со описаніемъ. И я намѣренъ о моихъ рудахъ послать къ нему описаніе и пробы» . . . 1 мая 1764 года: . . . «прилагаю при семъ

¹⁾ См. «Матеріалы для біографіи Ломоносова», собр. г. Биларскимъ, стр. 299.

наветъ къ Михайлѣ Васильевичу Ломоносову, въ который я включилъ описаніе изысканныхъ къ заводу моему мѣдныхъ рудъ съ нѣкоторыми моими примѣчаніями. Все сіе учивено мною по силѣ указа, присланнаго въ контору мою изъ оренбургскаго горнаго начальства. Я нарочно приложилъ къ нему открытую печать, дабы вы, ежели вамъ угодно, просмотрѣть, а потомъ, привечатавъ ту печать, вручить или отослать къ нему изволили... 27 ноября 1764 года: «незнаю я, каково показалось Михайлѣ Васильевичу Ломоносову описаніе мое о рудахъ. Нынѣ пріѣхали ко мнѣ съ уральскихъ моихъ рудниковъ люди. Я изъ разговоровъ съ ними примѣтилъ о положеніи тамошнихъ рудъ такое обстоятельство, которое, какъ мнѣ помнится, недовольно я изъяснилъ въ моемъ описаніи. Оно состоитъ въ томъ, что въ самыхъ уральскихъ горахъ и въ близости отъ оныхъ на скатныхъ мѣстахъ всѣ рудныя положенія идутъ весьма круто въ глубь, съ тою токмо разностью, что по сию сторону оныхъ горъ склоняются на Западъ и къ Сѣверу, а по ту сторону склоняются на Востокъ и Полдень. Но лучшія и надежнѣйшія руды на той сторонѣ горъ. Потому, что далѣе отъ оныхъ горъ, то отложѣе, а наконецъ уже и совсѣмъ ровное или плоское ихъ положеніе выходитъ. Кажется сіе достойно особливаго примѣчанія и разсужденія. Мнѣ мнится, что всему тому, а можетъ быть и происшествію тѣхъ самыхъ горъ причина когда нибудь бывшее великое землетрясеніе, либо наводненіе. Не разсудитель вы сіе при случаѣ Михайлѣ Васильевичу сообщить»...

Миллеръ отвѣчалъ на это, 24 декабря 1764 года: «сегодня все наше академическое общество обѣдало у его сіятельства графа Григорья Григорьевича Орлова. При этомъ случаѣ я видѣлся также съ г. Ломоносовымъ и показывалъ ему ваше извѣстіе о рудахъ на уралѣ. Оно было ему пріятно, и онъ общался письменно благодарить, какъ за это такъ и за прежнія свѣдѣнія...¹⁾

15 января 1765 года: «я радъ, что Михайлѣ Васильевичу Ломоносову повразилось сочиненіе мое о рудахъ и минералахъ. Я въ нынѣшней почтовой картѣ видѣлъ, что въ орен-

¹⁾ «Письма историографа Миллера къ разнымъ особамъ», портфель V, въ арх. акад. конференціи.

бургской сумѣ есть письмо, адресованное на мое имя. Можетъ быть оно отъ него и то, о коемъ вы означить мнѣ изволили, по полученіе его сюда можетъ продолжиться еще съ недѣлю, ибо изъ Оренбурга почта (Рычковъ писалъ изъ своего села Спасскаго) по четвергамъ опредѣляется, а сюда въ субботу приходитъ»...

28 іюля 1766 года: «нынѣ въ собраніе Экономическаго общества послалъ я представленіе о здѣшнихъ мѣдныхъ рудахъ и минералахъ на томъ основаніи, какъ я къ покойному Ломоносову писалъ. Онъ отзывался мнѣ весьма имъ довольнымъ, согласуя моимъ мнѣніямъ. Незнаю, какъ приметъ наше собраніе»...¹⁾

18.

Письма Миллера по поводу теоріи Ломоносова о свѣтѣ и цвѣтахъ.

1756, 1758 годы.

1 іюля 1756 года, Ломоносовъ читалъ въ торжественномъ собраніи Академіи рѣчь свою о свѣтѣ и цвѣтахъ, а на другой день Миллеръ писалъ къ Ейлеру:

«Что касается нашего вчерашняго собранія, то г. совѣтникъ Ломоносовъ прочиталъ на русскомъ языкѣ статью о свѣтѣ и цвѣтахъ, въ которой предлагается утвердить новую теорію. Въ справедливости ея онъ обѣщалъ убѣдить прочихъ членовъ Академіи потомъ, когда его трудъ будетъ переведенъ на латинскій языкъ, о чемъ, посредствомъ печати, можетъ также сдѣлаться извѣстнымъ иностраннымъ ученымъ»...²⁾

30 мая 1758 года, Миллеръ же писалъ съ замѣтною провіею къ бывшему академику Кратценштейну: «если ваша система физики еще не готова, то нынѣ можете ее обогатить

¹⁾ Письма къ историографу Миллеру, портфель XXIV, въ архивѣ академической конференціи.

²⁾ Арх. акад. ковѣ., I портфель Писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ 1754—1756 годовъ.

новою теорією г. совѣтника Ломоносова о цвѣтахъ. О ней было бы сообщено ранѣе, если бы только не въ недавнее время статья о томъ появилась въ латинской одеждѣ. Въ то время, какъ она была произнесена въ торжественномъ собраніи и напечатана порусски, никто не зналъ о ней изъ нашихъ академикъ-иноземцовъ и, слѣдовательно, не могъ высказаться о ней»...¹⁾

19.

Отношенія Ломоносова къ Румовскому.

1756, 1757 годы.

Извѣстно, что въ бумагахъ Ломоносова попадаются не однажды отзывы о Степанѣ Румовскомъ, показывающіе, что они не были въ ладахъ между собою. Послѣдній нѣсколько лѣтъ провелъ за-границею, именно въ Берлинѣ въ домѣ Ейлера, и возвратился въ Россію въ августѣ 1756 года²⁾. Помѣщаемыя здѣсь два письма его³⁾ обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ нихъ высказаны сужденія молодаго Румовскаго объ открытіяхъ Ломоносова не въ похвалу ему, вскорѣ по возвращеніи адъюнкта изъ-за границы и притомъ къ Эйлеру, который, по крайней мѣрѣ въ письмахъ, отзывался съ одобреніемъ о многихъ сочиненіяхъ Ломоносова.

Monsieur

La coutume reçue de tout le monde de feliciter ses bienfaiteurs sur le nouvel an m'a rendu hardi de vous adresser ces lignes. Permettés donc Monsieur que je la suive et daignés ré-

¹⁾ Арх. акад. конф., II портфель Писемъ исторіог. Миллера къ разнымъ особамъ, 1757—1759 годовъ.

²⁾ Чтò Румовскій, а съ нимъ и Котельниковъ тогда прибыли въ Петербургъ, о томъ видно изъ письма Миллера къ Эйлеру 24 августа 1756 г., см. I портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ 1754—1756 годовъ.

³⁾ Euler's Briefwechsel въ Euleriana архива акад. конференціи. Письма эти помѣщены здѣсь въ подлинникъ, а притомъ безъ поправокъ правописанія и ошибокъ противъ языка, для избѣжанія погрѣшностей, въ которыя можетъ впасть переводчикъ не специалистъ въ математическихъ наукахъ.

cevoir mes vœux qui partent d'un cœur pénétré de respect, pour une sincère reconnaissance. En vous félicitant Monsieur sur le nouvel an je souhaite que le bon Dieu prolonge Vos jours et ceux de Votre famille, et que tous Vos desirs aient un parfait accomplissement. Dans ma lettre précédente je vous ai promis de faire savoir les raisons, pour lesquelles on a tardé le payement pour l'impression de Votre calcul, mais jusques ici je n'en pus rien découvrir. A la première occasion que je vu Monsieur le conseiller Schumacher, nous en avons parlé et a toutes mes demandes j'ai eu pour la réponse, que c'étoit la faute du secrétaire, mais que peut-on tirer de vrai d'un homme aussi rusé que Monsieur le conseiller Schumacher? Monsieur le professeur Heinsius dans une lettre dernièrement reçue a recommandé quelqu'un pour remplir ici la place de professeur en mathématiques, c'est un homme, dit-il, dans sa lettre qui fut congédié de la maison du Comte Bruhl, et qui a enseigné bien de temps la mathématique toute la noblesse de Dresde. Il ajoute encore qu'il a pris des leçons pendant trois ans de Monsieur Weidler, enfin pour prouver son habilité et pour disposer notre Académie a le recevoir, il dit qu'il est fort bon verrier, c'est a dire, qu'il travaille bien les verres optiques.

Monsieur le conseiller Lomonosoff va proposer aux savants trois questions, dont une est: *Si les poids des corps sont proportionnels a la quantité de matière.* La seconde: *Trouver un tel telescope qui represente distinctement les objets situés dans un endroit obscur a la condition qu'il ne soient pas privé tout-à-fait de la lumière.* La troisième: *Si la quantité du mouvement est proportionnelle a la masse multiplié par la vitesse ou par le carré de la vitesse.* Les méthodes dont-on se sert pour démontrer et décider la première question me sont un peu connu. La seconde question est résolu par lui même, mais il veut inviter tout le monde a y travailler. J'ai eu l'honneur d'être admis a regarder plusieurs objets par son telescope, mais moyennant ce telescope je ne pus rien apercevoir quelque chose de différent de ce qu'on voit par les ordinaires, exceptés que tous les objets me sont apparu fort colorés, et que les couleurs d'Iris se represente au plus haut degré de perfection, de la je conclus que résoudre cette questions se-

lon Monsieur Lomonosoff n'est autre chose que placer les verres d'un telescope en sorte que les couleurs d'Iris soient representé le plus distinctement qu'il est possible. Quant à la troisieme question je n'en sai rien, car pendant tout ce temp, que je fus a Berlin, je n'ai pas eu le bonheur d'entendre votre sentiment sur cette question, ni quelque chose sur les manieres dont on se sert pour demontrer l'un ou l'autre sentiment. Je vous prie donc tres humblement Monsieur de sacrifier quelques moments de votre temp pretieux en ma faveur pour m'eclaircir sur cette question. Ou si le temp ne vous permet pas, de me faire savoir dans quels auteurs je puis m'instruire sur cette matiere. Monsieur Lomonosoff va donner une piece par la quelle il veut renverser tout ce qu'on a pu decouvrir jusques ici, car il y veut prouver que les poids des corps ne sont pas proportionels a la quantité de matiere, et que la quantité du mouvement n'est pas proportionelle a la masse multiplié par le quarré de la vitesse.

Si cette piece vient a paroître au publique les auteurs des journaux auront bien de l'affaire, et vous, qui a fait des plus grands decouverts fondés sur ces principes, avec la plus forte raison a craindre cette piece, je vous prie de faire mon tres humble compliment a Madame Votre epouse et a toute Votre famille, et d'etre assuré que je suis avec le plus profond respect, tant que je vivrai

Monsieur

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

Decembre 7

Stephan Rumovsky.

1756.

Monsieur

La reponse favorable, que j'ai reçue de Votre part est plus que suffisante pous m'enhardir de Vous ecrire encore sur la meme matiere. Je ne saurai Vous exprimer la satisfaction que j'ai eu apres l'avoir lu plusieurs fois et que je lisai mille fois avec le plus grand plaisir du monde; ni tronver des mots propres a Vous convaincre de ma reconnaissance pour les bontés dont Vous continués a me combler. Pour cela soyés assurés que tout mon

zele ne tend qu'a Vous faire paroître que Vous n'avez pas obligés un homme ingrat quand Vous m'avez obligés.

Monsieur le conseiller Lomonosoff n'a rien decouvert pour renverser la théorie de gravité ni pour la Votre de l'électricité. Il travaille detruire la premiere par des purs raisonnemens que j'ose soumettre a Votre jugement. Premièrement il trouve une faute qu'on apelle Circulus de les rassonnemens de Monsieur Newton et presque des tous les autres physiciens, quand ils veulent prouver que les poids des corps sont proportionels a la quantité de matiere, et de la vient, dit-il que quand on demande un physicien pourquoi l'or est quatorze fois plus pesant que l'eau? il repond la dessus par ce que dans une certaine masse d'or, il y a quatorze fois plus de matiere, que dans la meme d'eau. Et si on pousse la demande plus loin, dit-il, pourquoi une certaine masse d'or contient quatorze fois plus de matiere, que la meme d'eau? On repond ordinairement, dit-il, par ce que l'or est quatorze fois plus pesant que l'eau. Je ne sai quel physicien lui auroit repondu de cette façon. En second Monsieur Lomonosoff raisonne ainsi. Puisque ni l'or, ni l'eau n'est pas susceptible de compression, il s'en suit que la quantité de matiere dans un pied cubique d'or est la meme que dans un pied cubique d'eau. Peut-on conclure de manque de nos forces a l'impossibilité de quelque chose? Outre cela il me semble que non obstant qu'on soit d'accord sur l'incompressibilité d'un ou d'autre corp, on en peut tirer l'explication de Vorte theorie, que Vous donnés sur la nature des molecules dans une piece inserée dans Vos opuscules sans renverser la theorie de Gravité.

Selon Votre sentiment les molecules sont incompressible, ou parfaitement dure. Or pour expliquer l'incompressibilité des corps, et en meme tems leur gravité specifique, on n'a qu'a donner aux molecules des figures spherique et supposer que les molecules dont l'eau est composé, sont plus grossieres ou grandes que celle d'or. De la il me paroît suivre, que dans un pied cubique d'or il y aura plus de matiere, que dans un pied cubique d'eau sur la quelle l'ether puisse agir, et par consequent un pied cubique d'or sera plus pesant qu'un pied cubique d'eau, et en meme tems tous les deux incompressible.

Quant a la troisieme question, Votre explication est si claire qu'il me paroît a present, que je la comprend au fond, et j'espere qu'apres avoir lu la piece indiqué, je serai en etat de prouver la fausseté du sentiment de Monsieur Lomonosoff. Il se fonde a l'égard de cette question sur une experience faite avec une petite rouë placé dans un canal par le quel couloit l'eau. Cette experience ne merite pas d'etre toute rapporté. Car moi-meme je suis en etat d'en voir l'imperfection, et les fausses conclusions qu'il en veut deduire.

Dans le tome I^r de la Science navale au 523 Vous donnez Monsieur la solution du Temme *Invenire Curvam etc.*, et y ajoutés cette condition que toutes les formules integrales doivent etre reduites aux ordonnés orthogonales, en sorte qu'il n'y ait que des quantité x et y . Mais dans Votre methode sur la meme matiere que Vous avez expliqué sur notre depart il n'en a aucune mention. Je vous prie donc tres humblement Monsieur de prendre la peine de m'indiquer si cette condition est absolument necessaire ou non? Il me semble qu'elle n'est pas essentielle, mais Votre autorité me reduit a cette demande.

Je vous prie tres humblement Monsieur de presenter mes respects a Madame Votre epouse et d'etre persuadé que je me souviendrai sans cesse de Vos bontés et tacherai de faire voir ma reconnaissance comme un homme qui Vous est redevable de son bonheur. Au reste j'ai l'honneur

d'etre avec le plus profond respect

Monsieur

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

Rumovsky

ce 21 fevrier

1757.

20.

Письмо Миллера къ президенту Академіи о Ломоносовѣ.

1757 годъ.

Въ мартѣ 1757 г. воздвигнуто было отъ академической канцеляріи гоненіе на Миллера и на издаваемыя имъ «Ежемесяч-

ныя сочиненія», по поводу помѣщенія тамъ статьи Григорія Полетики объ училищахъ въ Россіи ¹⁾. Миллеръ обратился съ жалобою къ президенту Академіи. Въ письмѣ 13 марта 1757 года, описывая несправедливое вмѣшательство канцеляріи въ изданіе «Ежемесячныхъ сочиненій», Миллеръ прибавлялъ:

«Злой рокъ хочетъ, чтобы г. Ломоносовъ, будучи помѣщенъ въ канцеляріи ²⁾, какъ будто сотворенъ для причиненія огорченій многимъ изъ насъ и въ особенности мнѣ, хотя я не подаю ему ни малѣйшаго повода. Сначала онъ присвоилъ себѣ рѣшительный судъ надъ тѣмъ, что печатается въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ»... Должно ли все приписывать одному г. Ломоносову, этого я не хочу рѣшать, по крайней мѣрѣ сличительность другихъ господъ несовсѣмъ безъупречна. Тѣ, которые бывають въ канцеляріи, говорятъ мнѣ, что г. Шумахеръ не произноситъ ни одного слова, а г. Таубертъ высказывается несмѣющимъ противорѣчить тому, что предлагаетъ г. Ломоносовъ. Писцы въ полномъ распоряженіи послѣдняго. Чтобы ни случилось отъ того, я увѣряю ваше сіятельство, что всегда буду неуклонно слѣдовать правиламъ моей обязанности, поддерживая власть вашего сіятельства и ваши приказанія. Моя привязанность къ «Ежемесячнымъ сочиненіямъ» и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова. Но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе мнѣ будетъ невозможно продолжать мой трудъ...» ³⁾.

Что Шумахеръ не противился въ канцеляріи распоряженіямъ Ломоносова, то этому можно повѣрить. И въ предписаніи президента о назначеніи Ломоносова въ совѣтники уже было упомянуто о «дряхлости и старости статскаго совѣтника Шумахера», а въ слѣдующемъ 1758 году, мая

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Виларскимъ, стр. 324 и слѣд.

²⁾ Назначеніе Ломоносова въ совѣтники академической канцеляріи состоялось 13 февраля и объявлено тамъ 1 марта 1757 года.

³⁾ Арх. акад. конф. III портфель Миллера «Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ съ 1751 по 1764 годъ».

30, Миллеръ писалъ къ Кратценштейну: «г. Таубертъ сдѣланъ совѣтникомъ канцеляріи. Статскій совѣтникъ Шумахеръ такъ старъ и слабъ, что вовсе не ходитъ въ Академію...»¹⁾ 3 іюля 1761 года тотъ же къ Гебенштрейту: «самое новое то, что г. статскій совѣтникъ Шумахеръ умеръ послѣ того, какъ онъ долгое время велъ только *vitam vegetativam*»²⁾.

21.

О гравюрѣ къ Россійской исторіи Ломоносова.

1758 годъ.

Въ «Исходящихъ письмахъ 1754 — 1766 годовъ» (архивъ акад. конф.) на отдѣльномъ листкѣ слѣдующія замѣтки на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

«Angabe u. eigener Aufsatz des H. R. Lomonosoff.

«Передней гридированный листъ.

Изобразить между славными мирными и военными дѣлами ея имп. вел. въ видѣ Минервы со на щитѣ (sic), на тѣмъ гербъ Россійскій. Передъ нею Исторія и Правда, положивъ книги, указуютъ на великолѣпный храмъ, украшенный медальонами, бюстами стоячими и каменными статуями прежнихъ государей Россійскихъ.

Der Hr. Rath Lomonosoff verlangt zum Frontispice seiner Russ. Historie folgende von ihm selbst inventirte Vorstellung d. 2 Octobr. 1758:

Ihro Maj^t. in Gestalt der Minerva zwischen Kriegs und Friedens Geschäften stehend mit dem Wappen Schild des Russisch. Reichs. Derselben legt die Historie und die Wahrheit ein Buch (die Russische Historie) zu Fussen und weisen auf den Tempel der Ewigkeit worinn und worann die Brust Bilder Medallions und Statuen der vormahligen Russ. Beherscher.

¹⁾ Арх. акад. конф., I портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ, 1754—1755 годовъ.

²⁾ Ibid., портфель IV, 1761—1762 годовъ.

22.

Отзывъ Ломоносова о рѣчи Брауна.

1759 годъ.

Въ торжественномъ собраніи Академіи, предназначавшемся въ 1759 году въ воспоминаніе коронаціи императрицы Елизаветы, академикъ Браунъ долженъ былъ читать рѣчь свою «De atmosphaerae mutationibus praecipuis earumque praesagiis». Когда Ломоносовъ получилъ первый отпечатанный листъ рѣчи, то на первой страницѣ написалъ: «Рассужденія о Правленіяхъ весьма къ сему случаю неприличны. И начто такое постороннее дѣло мешать. Говори' бы онъ о своей матеріи, а что до витійства надлежитъ, того ему Богъ недалъ. По моему мнѣнію должно его все о'менить и каки^н вибудь образо^н яное начать».

Таубертъ послалъ отзывъ этотъ въ подлинникѣ Миллеру, такъ какъ рѣчь Брауна была одобрена конференціею, которой тогда Миллеръ былъ секретаремъ. Въ свою очередь, послѣдній, 19 апрѣля 1759 года, переведа чрезвычайно точно на нѣмецкій языкъ отзывъ Ломоносова, препроводилъ его къ Брауну. Этотъ отвѣчалъ:

«Г. совѣтнику Ломоносову, который меня извѣщалъ, что вступленіе должно быть передѣлано потому именно, что оно тяжело и недовольно законченно, я уже писалъ, что, по непреложнымъ началамъ разума, не нахожу никакихъ поводовъ къ переѣнамъ... Впрочемъ, что касается витійства, то думаю, что Богъ надѣлилъ меня имъ, какъ и всякаго другаго». На листкѣ, на которомъ Миллеромъ былъ сдѣланъ переводъ отзыва, Таубертъ писалъ: «почему г. Ломоносовъ ничего не говорилъ тогда, когда Браунъ читалъ свою рѣчь въ конференціи? Онъ, какъ слышно, долженъ былъ тамъ присутствовать. Г. президентъ навѣрное будетъ недоволенъ, когда узнаетъ объ этомъ происшествіи...»

19 и 20 апрѣля въ конференціи были разсужденія по пово-

ду замѣчанія на рѣчь Брауна¹⁾. 20 же апрѣля Таубертъ писалъ къ Миллеру, что объ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ доложить президенту и что потому начало рѣчи переведено Козицкимъ на русскій языкъ²⁾.

Рѣчь Брауна была произнесена въ торжественномъ собраніи Академіи 8 мая 1759 г. и напечатана тогда же подъ заглавіемъ: «Oratio academica de atmosphaerae mutationibus praecipuis earumque praesagiis ad diem festum anniversarium coronationis Elisabethae omnis Russiae imperatricis augustissimae celebrandum in solempni conventu Academiae scientiarum dicta a Josepho Ad. Braun philosophiae theoreticae et practicae professore p. o. Petropoli. MDCCLIX (въ 4^о, 68 страницъ).

При сличеніи этой рѣчи съ прежде отпечатаннымъ листомъ, нынѣ хранящемся въ портфель Миллера, можно видѣть, что вступленіе ея Браунъ принужденъ былъ измѣнить согласно замѣчанію Ломоносова. Чтобы дать понятіе о томъ, что находилъ тамъ послѣдній неприличнымъ, привожу здѣсь первоначальный текстъ его и измѣненія, съ какими онъ явился въ печатной рѣчи.

Корректурный листъ рѣчи Брауна изъ бумагъ Миллера.

Laetissima gratulatione hodie illum diem celebramus, Auditores, quo Elisabethae Augustissimae, omnis Russiae Imperatrici Optimae, Maximae, coronae imperatoriae impositione, Maiestatis imperialis adeptionem declarare ratione sollempniore, atque ritus inaugurationis more maiorum colere placuit. Est hic mos coronationis et inaugurationum inter

Oratio academica de atmosphaerae mutationibus etc. Petropoli MDCCLIX.

Laetissima gratulatione hodie illum diem celebramus, Auditores, quo Elisabethae Augustissimae, Imperatrici nostrae Clementissimae coronae imperatoriae impositione iurium Ma-

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Биларскимъ, стр. 383—385.

²⁾ Какъ отзывъ Ломоносова на первой страницѣ рѣчи Брауна, такъ и письма по этому случаю хранятся во II портфель Писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ, въ архивѣ акад. конференціи.

summos Imperantes gentium cultiorum ab antiquis inde temporibus iam receptus, cuius origo igitur non ex lege, sed e fonte decori est repetenda, si principia iuris publici universalis spectentur. Nam non ex natura summi imperii eiusmodi coronationes et inaugurationes, tanquam necessariae fluunt, adeoque summae potestati, summo imperio Maiestatique nihil addere queunt, hinc quoque summi Imperantes per eas nouum ius adipisci non possunt. Gaudent igitur summi Imperantes summa potestate, summo imperio, iuribus Maiestatis omnibus eorumque exercitio ante coronationes, quin si hae plane non fiant; uti solent in rebus publicis Aristocraticis et Democraticis perpetuo cessare, tamen summo imperio civili nihil detrahitur. Quamuis autem Maiestati, quae nihil aliud est, nisi Imperium summum ciuile, nihil addant, neque, si omittantur, quidquam detrahant eiusmodi sollemnitates coronationum, etiam in Imperiis Monarchicis: tamen rationibus iustis destitui non sunt censendae, quum sint declarationes, publicationes summi imperii civilis acquisiti, et iurium Maiestaticorum adeptionis, quam solemnissime factae. Moueri enim homines admodum solent externa pompa et caeremoniis. Caeremoniae sunt signa, sunt res, quarum adspectus et cogitatio aliarum rerum cogitationes excitare solent et debent, quae scopo cuidam conveniunt. Scopus in coronationibus et inaugurationibus quum eo tendat, ut summa dignitas et eminentia augustissima Monarchae Maiestatem

iestatis adeptionem declarare ratione solemniplacuit. Merito hi coronationum dies singulis annis denuo celebrantur, et fiunt festi anniversarii, ut memoria earum renouetur, et populus venerationis Maiestati debitae, sanctitatisque de novo admoneatur, et ad gratulationes, laetitiam et vota pro salute summorum Imperantium nuncupanda moveatur, excitetur. Eo laetius autem eiusmodi dies recurrentes, eo maiore gratulatione celebrantur, et eo ardentiora pro salute imperantium vota concipiuntur merito, quo aptius et adcommodatius ad finem imperii, salutem scilicet populi, et felicitatem publicam iura Maiestatis administrantur et exercentur. Quae est igitur Gens toto terrarum orbe, quae maiore laetitia eiusmodi dies celebrandi maiore gratulatione prosequendi iustior

adepti declaretur: caeremoniae quoque hae cogitationes summae venerationis summo Imperanti et Maiestati debitae excitare debent, et hinc quam fieri potest, splendidissime, et summa pompa merito eiusmodi Coronationes peraguntur, ut eo fortius Maiestati subiecti ad summam venerationem, et cultum moueantur, excitentur. Merito igitur dies hi coronationum singulis annis denuo celebrantur, et fiunt festi anniversarii, ut memoria eorum renovetur, et summo imperio subiecti summae Imperantium dignitatis, Maiestatique debitae venerationis de novo admoneantur, et ad gratulationes, laetitiam, et vota pro salute summorum Imperantium nuncupanda moveantur. Eo laetius autem eiusmodi dies recurrentes, celebrantur, eo maiore gratulatione coluntur, eo ardentiora pro salute Imperantium vota concipiuntur merito, quo aptius adcomadatusque ad finem imperii, salutem populi, felicitatemque publicam iura Maiestatis administrantur, et exercentur. Quae est igitur gens toto terrarum orbe, quae maiore laetitia hunc diem celebrandi, maiore gratulatione prosequendi iustiore habeat caussam, quam nos, quibus tam felicibus esse contigit, venerari Elisabetam Imperatricem, qua nihil clementius, nihil melius ne cogitatione quidem fingi potest. Exercet Monarcha nostra iura Maiestatis tam immanentia, quam transeuntia quidem pro arbitrio, uti in monarchiis absolutis fieri solet et debet, sed quod regnum, quod imperium reperiri potest in orbe terrarum, ubi Ma-

habeat caussam, quam nos, quibus tam felicibus esse contigit Elisabetam venerari Imperatricem nostram, qua nihil melius, nihil clementius ne cogitatione quidem fingi potest, quum iura Maiestatis ad Imperii finem, felicitatem publicam melius, quam ab ipsa administrari nequeant. Mirandum ne hoc est, quum magnum exemplum Magni Patris Petri primi, tanquam perfectissimum exemplar semper in Regimine sequitur? Nonne igitur, ut Magnus Pater nomen Patris Patriae iure meritis est; sic Magna Filia Matris Patriae, et deliciarum populi sui, quin generis humani iure suo meretur?

Habent mutationes suas respublicae, regna, imperia Auditores, ut nonnunquam bene constitutae respublicae et imperia civilia vitium contrahant, contra autem

iestatis iura magis ad imperii finem, ad salutem populi, ad felicitatem publicam, ad beandum statum publicum perficiendumque, quam in imperio nostro ab Elisabetha, Principe Optima administrantur? Omnes vult felicissimos, neminem, nisi sua ipsius culpa infelicem, quin ipsis sua culpa infelicibus suam gratiam non denegat, tantumque boni tribuit, quantum per bonum publicum fieri potest. Magnum exemplum Magni Patris Petri Primi semper prae oculis habet, in provehenda perfectione, salute et felicitate imperii, idque merito tanquam perfectissimum exemplar sequitur. Quantas hic Monarcha curas, quantos labores, quanta incommoda, quantas molestias, quin quanta non pericula suscepit unice eo fine, ut imperium ad eum perfectionis gradum provehere vellet cuius esset capax? Eadem mens quum sit Filiae Magnae, eundem scopum in administrando imperio dum sibi habet praefixum, eadem consilia dum agitat Filia perficiendi, quae Magnus Pater destinaverat, sed morte praematura impeditus exequi non potuit: iure meritoque, ut ille Patris, sic haec Matris patriae et deliciarum populi sui meretur. Annon his solis exemplis Magnis error eorum Pseudopoliticorum quam solidissime refutari potest, qui Monarchas absolutos cum despotis et tyrannis confundunt, saltim sibi falso persvadent, ab imperio monarchico absoluto, despotismum, quin tyrannidem separari non posse. Sed sunt hi, qui nesciunt imperium despoticum et

non optime vel constitutae, vel administratae mutantur in melius. Utriusque mutationis exempla etc.

tyrannicum non esse peculiare rerum publicarum formas, ut est Monarchia absoluta, sed vitia, quae in qualibet regiminis forma, locum habere possunt, non minus in Aristocratiis et Democratiis, quam in Monarchiis limitatis et absolutis. Et si sint regna despotica, in quibus inter imperantem et imperio subiectos talis relatio, et talis nexus reperitur, qualis inter dominum et servum; illa non rebus publicis, in quibus est Maiestas, et imperium summum civile, sed rebus privatis adnumerari merentur, quoniam peculiarem reipublicae formam non constituunt, qualis est monarchia absoluta, sed rem privatam, propria commoda propriam utilitatem, non felicitatem communem publicam, et salutem populi respicientem.

Mutationibus reipublicae, regna, imperia dum obnoxia reperiuntur, fieri potest, ut nonnunquam bene constitutae reipublicae et imperia civilia vitium contrahant, contra autem non optime vel constitutae, vel administratae mutantur in melius. Utriusque mutationis exempla etc.

23.

Письмо Миллера объ увольнении Ломоносова въ отставку.

1763 годъ.

Причины, побудившія Екатерину II подписать въ 1763 году указъ объ увольнении Ломоносова изъ Академіи, пока остаются еще неразъясненными. Неизвѣстно также, какимъ образомъ сдѣлалось, что вскорѣ потомъ Ломоносовъ является по преж-

нему совѣтникомъ академической канцеляріи. Ясно только, что помянутый указъ былъ въ непродолжительномъ времени отмѣненъ; посему о немъ осталось мало слѣдовъ въ дѣлахъ академической канцеляріи. Въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» г. Билярскаго (стр. 603, 604) объ этомъ событіи помѣщены: а) отказъ Ломоносова 15 мая 1763 года, отъ подписанія бумагъ по академическимъ дѣламъ, по случаю полученія имъ указа объ отставкѣ; б) запросъ Тауберта инспектору гимназіи Котельникову 9 іюня 1763 года, кому онъ будетъ доносить, за отказомъ Ломоносова, о состояніи университета и гимназіи, и с) отвѣтъ Котельникова, того же 9 іюня, что ему было неизвѣстно о помянутомъ отказѣ Ломоносова, что послѣдній другую недѣлю какъ уѣхалъ въ свое помѣстье, и что, наконецъ, онъ, Котельниковъ, будетъ доносить о гимназіи и университетѣ тому, кого укажетъ канцелярія.

Въ Академіи указъ объ отставкѣ Ломоносова не могъ не произвести въ свое время впечатлѣнія. Миллеръ въ письмѣ, 16 мая 1763 года, къ Гебенштрейту, сообщалъ объ этомъ событіи такъ ¹⁾: «Академія освобождена отъ г. Ломоносова. Собственноручный указъ императрицы отъ 2 мая заключаетъ въ себѣ, что онъ увольняется до своей кончины отъ всѣхъ должностей (von aller Dienste bis an sein Ende erlaszen ist) и впредь будетъ пользоваться половиннымъ жалованьемъ. Однако въ то же самое время онъ произведенъ въ статскіе совѣтники, чего такъ давно добивался. Въ тотъ же день г. Штелинь сдѣланъ статскимъ совѣтникомъ, но съ опредѣленіемъ, вѣроятно для него очень неприятнымъ, чтобы онъ на будущее время не принималъ никакого участія въ дѣлахъ канцеляріи, но исполнялъ бы только обязанность профессора. Прежній императоръ (Петръ III) уже произвелъ его въ статскіе совѣтники, но такъ какъ повелѣнія о томъ во время переворота не было еще обнаружено, то дѣло оставалось подъ сомнѣніемъ. Увѣдомьте объ этомъ скорѣе г. Кѣльрейтера, навѣрное это ускоритъ его

¹⁾ Письмо Миллера начиналось «Наконецъ Академія освобождена отъ г. Ломоносова...» но потомъ многозначительное *наконецъ* въ черновомъ письмѣ было вычеркнуто осторожнымъ исторіографомъ, см. V портфель писемъ его къ разнымъ особамъ, 1763—1764 годовъ, въ архивѣ акад. ковѣ.

рѣшимость возвратиться опять сюда¹⁾. Но о томъ еще ничего не сдѣлано извѣстнымъ въ Вѣдомостяхъ». Замѣчательно, что Рычковъ въ томъ же 1763 году, 31 августа, писалъ къ Миллеру: «Ежели нетрудно и непротивно покорно прошу васъ довести должнѣйшее почтеніе его высокородію Ив. Ив. Тауберту и увѣдомить меня: Михайла Васильевичъ Ломоносовъ гдѣ и какъ нынѣ находится?... Къ сожалѣнію отвѣтъ Миллера неизвѣстенъ.

24.

Извѣстія Бюшинга и Тауберта о смерти Ломоносова.

1765 годъ.

7 апрѣля 1765 г., Бюшингъ писалъ къ Миллеру, находившемуся тогда уже на службѣ въ Москвѣ: «Въ понедѣльникъ вечеромъ, только что послалъ я къ вамъ мое письмо, какъ узналъ, чрезъ четверть часа, что въ полдень того же дня умеръ совѣтникъ Ломоносовъ. Можетъ быть эта смерть подастъ поводъ къ измѣненію системы въ Академіи, если она года въ два не разрушится (ausstirbt)» . . .²⁾

8 апрѣля 1765 года, Таубертъ къ Миллеру:

«Г. статскій совѣтникъ Ломоносовъ перемѣнилъ здѣшнюю временную жизнь на вѣчную въ прошедшій понедѣльникъ, около 5 часовъ по полудни, послѣ новаго припадка своей прежней болѣзни, который у него сдѣлался отъ простуды. За два дня до своей кончины, онъ причащался и испустилъ духъ во время совершенія надъ нимъ обряда соборованія, послѣ прощанія, въ полномъ разумѣ, какъ съ своею женою и дочерью, такъ и съ прочими присутствующими. Сегодня рано онъ былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, при огромномъ стеченіи народа. На другой день послѣ его смерти, графъ Орловъ велѣлъ приложить

¹⁾ Кельрейтеръ былъ прежде адъюнктомъ въ Академіи, потомъ уѣхалъ за границу, и въ описываемое время снова былъ приглашаемъ въ Петербургъ для занятія вакантной кафедры ботаники.

²⁾ III портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ особъ.

печати къ его кабинету. Безъ сомнѣнія въ немъ должны находиться бумаги, которыя не желаютъ выпустить въ чужія руки»¹⁾).

25.

О сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова, хранящемся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Г. академикъ Куникъ указалъ мнѣ любопытный сборникъ in f^o, въ которомъ переплетены разныя черновыя бумаги, писанныя рукою Ломоносова и относящіяся преимущественно къ его работѣ по составленію русской грамматики. Будущій издатель сочиненій Ломоносова найдетъ здѣсь не мало матеріаловъ для исторіи этого, безъ сомнѣнія, замѣчательнѣйшаго труда знаменитаго писателя. Кромѣ того, здѣсь же есть нѣсколько статей и отрывковъ, съ которыми считаю не лишнимъ познакомить читателя настоящей статьи.

Между грамматическими замѣтками, на л. 47—48, помѣщенъ «Судь російски^х писменъ предъ Разумомъ и обычаемъ, отъ Грамматики представленны^х». Въ первый разъ эта статья напечатана въ еженедѣльномъ изданіи Фед. Туманскаго «Лекарство отъ скуки и заботъ» № 46, стр. 153—158, а отсюда перепечатана г. Тихонравовымъ въ Москвитинѣ 1852 г. № 10. Въ рукописи статья прерывается на монологъ буквы азъ, а въ печати помѣщены также разговоры и другихъ буквъ.

На лист. 112—113: «Преложеніе псалма 103. — Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой возвеличился еси зѣло etc.» Въ письмѣ Ломоносова къ Татищеву, сообщенномъ выше, на стр. 34, объяснена причина, почему переложеніе этого псалма осталось неоконченнымъ. Въ первый разъ оно напечатано въ «Полномъ собраніи сочиненій» Ломоносова. Спб. 1803 г., Ч. I, стр. 43—46, но тамъ не помѣщено выписаннаго сейчасъ эпиграфа и притомъ слѣдующія отмѣны:

¹⁾ XXIII портфель писемъ къ Миллеру отъ разныхъ особъ, въ арх. акад. конференціи.

Въ печатномъ: Крилами *внтровъ* шумъ наводишь.
 Въ рукописи Лом: Крилами *внтровъ* шумъ наводишь.
 Въ печати: Всесильнымъ маніемъ послушны.
 Въ рукоп. Лом: Всесильнымъ маніемъ послушны.
 Въ печати: *Онаири ждуть*, какъ въ жаждѣ тають.
 Въ рук. Лом: *И ждуть ослы*, какъ въ жаждѣ тають.
 Въ печати: И *всѣхъ живущихъ* насыщаемъ.
 Въ рук. Лом: И *всѣ народы* насыщаемъ.

Въ рукописи на последнемъ листѣ съ боку приписка:

Огонь, дымъ, звукъ; взревѣлъ,
 И брегъ трахнулъ хребтомъ.

На листѣ 117:

О небо не лишай меня очей и слуха,
 Отдай мнѣ ихъ: я въ путь сиѣшу стремленье^м духа.
 Блаженъ кто зреть чудась монарши дива въ васъ
 Блаженъ кто слышитъ вашъ, Екатерина, гласъ
 Приятной) бытъ, владѣть судьба васъ одарила,
 Любимой)
 Но перваго во мнѣ чувствительнѣе сила
 Въ восторгъ вашъ бодрой духъ премудраго ведетъ;
 Онъ бытъ бы тѣмъ престаъ пр^а вашъ поставленъ свѣтъ.

На лист. 118—119 записано нѣсколько наблюдений надъ электричествомъ, произведенныхъ въ іюнѣ 1753 года.

На лист. 147—148: «Примѣчанія на предложеніе о множественно^м оконченіи прилагательныхъ именъ», о чемъ будетъ говорено ниже.

На лис. 150: (сначала зачеркнуты два заглавія: «О чистотѣ російскаго штиля». «О новыхъ сочиненіяхъ російскихъ».) отрывокъ: «О нынѣшн^е состояніи Словесны^х наукъ въ Россіи (Предпринимая описаніе нынѣшняго состоянія словесны^х наукъ въ Россіи)¹). Коль полезно человѣческому обществу Словесныхъ наукъ упражненіе, о то^м свидѣлствуютъ (просвѣщенные Европейскіе) древніе и нынѣшніе просвѣщенные народы. Умолчавъ о толь мног^ихъ извѣстны^х примѣрахъ представимъ одну Францію, о которой по справедливости сомнѣваться можно (должно) могущество^м ли больше привлекла къ своему почитанію другія государства, или наука^м особливо Словесными, очи-

¹) Предложенія и слова, здѣсь поставленныя въ скобкахъ, въ подлинной рукописи зачеркнуты Ломоносовымъ. Всѣ выписки изъ рукописи сдѣланы здѣсь съ соблюденіемъ его правописанія.

стивъ и украсивъ свой языкъ трудолюбіемъ искусны^х писателей. Военную силу ея чувствуютъ больше сосѣдніе народы, употребленіе языка не токмо по всей Европѣ простирается и господствуетъ, но и въ отдаленны^х частя^х свѣта разны^х Европейски^х народамъ какъ единоплемя... для сообщенія ихъ по большей части служить. Посему легко рассудить можно, коль тѣ похвальны, которы^х раченіе въ словесныхъ наука^х служить къ украшенію слова и къ чистотѣ языка особливо своего природнаго; противны^х образомъ коль вредны тѣ, которые нескладны^х плетень^х хотятъ прослыть (знающими) искусными и оуждая самыя лутчія сочиненія, хотятъ себя возвысить; (съ боку: «NB возбужденіе стыда и раскаяніе на концѣ) сверхъ того подавъ худыя примѣры своихъ незрѣлыхъ сочиненій (сводятъ съ истиннаго) приводятъ на неправый путь юношество приступающее къ наукамъ, въ нѣжныхъ умахъ вкореняютъ ложныя понятія, которыя послѣ истребить трудно, или и вовсе невозможно. Примѣровъ далече искать нѣтъ на^х нужды, имѣя... въ своемъ отечествѣ. Красота великолѣпіе, сила и богатство Россійскаго языка явствуетъ довольно и^х книгъ въ прошлыя вѣки писанны^х, когда еще не токмо никакихъ правилъ для сочиненій наши предки не знали, но и о то^х едва ли думали, что оныя есть или быть могутъ (быть на свѣтѣ).....

На листѣ 151 отрывокъ: «Таковому излишеству... подобное на много вреднѣе и приращенію наукъ помѣшательнѣе нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, особливо* новыя откровенія и изысканія, разглашая будто бы онѣ были (вредны) противны вѣрѣ (чемъ они). Коемъ мнимы^х защищеніемъ дѣйствительно ее поносятъ, (называя) представляя непріятельницею (натуральной правдѣ) натурѣ, не мевше отъ Бога произшедшей, какъ Вѣра. Называя все то соблазномъ, чего не повидаютъ. Но всякъ и^х.....

На л. 152:

Я въ Греціи родился

Въ веселой Фравціи
Я былъ деда Фонтено^м
Въ Греціи Федромъ.

Мышь нѣкогда любя святиню
Оставила прелестный миръ,
Ушла въ глубокую пустыню
Засѣвшись вся въ Голанской сырѣ.

Въ «Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ» Ломоносова (Спб. въ тип. Шнора, 1803 г., въ 8^о) въ жизнеописаніи его, на стр. XII—XVIII, помѣщены отрывки изъ писемъ къ нему разныхъ ученыхъ, при чемъ упомянуто, что эти отрывки «выбраны» самимъ Ломоносовымъ.

Дѣйствительно въ разбираемомъ сборникѣ, на лист. 153—158, написаны рукою Ломоносова какъ русскій переводъ отрывковъ, такъ и подлинники ихъ на иностранныхъ языкахъ. Въ помянутомъ печатномъ изданіи есть нѣкоторыя отмѣны противъ ломоносовской рукописи. Въ послѣдней помѣщенъ и извѣстный похвальный отзывъ Ейлера о статьяхъ Ломоносова (*Нач.*: Toutes ces piéces sont non seulement etc.). Въ печатномъ есть уже въ концѣ его отмѣтка: «Ейлеръ въ письмѣ между прочимъ къ графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому». Тоже самое указаніе находимъ и въ ломоносовской рукописи и притомъ оно приписано въ началѣ письма рукою (какъ полагаетъ А. А. Куникъ и я) Тауберта: «Господинъ Ейлеръ между прочимъ въ отвѣтѣ къ президенту Академіи Графу Кир. Григ. Разум. отзывается о сочиненіяхъ г. Ломоносова такимъ образомъ». А въ концѣ рукою Ломоносова: «Ейлеръ въ отвѣтѣ къ Его Сіятельству господину президенту»... и притомъ зачеркнуть годъ, но такъ, что легко прочесть «174... года». Въ письмѣ Ломоносова къ Теплову въ 1761 году ¹⁾ упоминается, что отзывъ Ейлера былъ сообщенъ Ломоносову Тепловымъ. Наконецъ въ «Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» ²⁾ Ломоносовъ писалъ, что Шумахеръ уговорилъ ассессора Теплова послать диссертациі Ломоносова на разсмотрѣніе Ейлера. Всѣ эти указанія, если при томъ не забывать, что гр. Разумовскій назначенъ президентомъ 21 мая 1746 года, а Тепловъ ассессоромъ того же года 1 іюля, удостовѣряютъ достаточно, что диссертациі Ло-

¹⁾ Очерки Россіи. кн. 2, стр. 34—39.

²⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. г. Биларскимъ, стр. 065.

Ломоносова не могли быть, какъ полагали нѣкоторые, отосланы къ Эйлеру въ 1745 году и отвѣтъ послѣдняго не былъ полученъ въ началѣ 1746 года, но что все это имѣло мѣсто позднѣе¹⁾. Замѣтить также слѣдуетъ, что французскій текстъ письма Ейлера въ «Очеркахъ Россіи» Пассека (М. 1840 г., стр. 6, 7) имѣетъ нѣкоторыя отмѣны противъ того, который написанъ въ сборникѣ на л. 153; тамъ же на листѣ 157 есть еще списокъ того же письма, и здѣсь Ломоносовъ написалъ сначала *jusque ici*, потомъ зачеркнулъ *ici* и поставилъ вмѣсто того *à present*. Потомъ вм. зачеркнутаго *tant de justesse* вписалъ послѣ *tant de solidité*. Наконецъ въ послѣднемъ зачеркнуто: «A cette occasion je felicite Mr. Lomonosow de posseder tant» а на листѣ 153 «A cette occasion je felicite Mons. Lomonosow de posseder le plus heureux genie» etc. Эти отмѣны и поправки Ломоносова свидѣтельствуютъ, что французскій извѣстный теперь текстъ отзыва Ейлера не есть подлинный, но переводъ съ латинскаго или съ нѣмецкаго.

Здѣсь помѣщаются вполне всѣ отрывки, такъ какъ они написаны самимъ Ломоносовымъ въ сборникѣ.

1.

Vir juvenis praestantis ingenii Michael Lomonosow ex quo studiorum gratia Marburgum accessit, frequenter lectionibus meis mathematicis et philosophicis, physicis praesertim interfuit, ac solidiari doctrina mirifice delectatus. Quod si igitur eadem industria pergat, nullus dubito fore, ut aliquando in patriam redux utilem reipublicae operam praestet; id quod maxime in votis habeo. Dabam Marburgi Cattorum d. 20 julii 1739.

(L. S.)

Christianus Wolfius
Acad. Marb. p. t. Pro-Rect. ²⁾.

Молодой человекъ преимущественнаго остроумія Михайло Ломоносовъ съ того времени какъ для ученія въ Марбургъ

¹⁾ Ср. «Отзывъ Ейлера о Ломоносовѣ», г. Билярскаго въ Запискахъ Академіи наукъ, V, кн. I, стр. 104 — 110, также у него въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» стр. 030, 031, 065, 68—69, 77.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, академика Куника часть I, стр. 153.

приехалъ; часто мои математическія и философскія а особливо физическія лекціи слуша^а, и безмѣрно любилъ основательное ученіе. Ежели впредь съ така^а же раченіемъ простираться будетъ; то не сомнѣваюсь, чтобъ возвратясь въ отечество, не принесъ пользы чего отъ сердца желаю. данъ въ Марбурхѣ 1739, іюля 20.

Христіанъ Волфъ нынѣшн... проректоръ.

2.

Ich habe mit vielem Vergnügen ersehen, dasz Ew. Hochedl. sich der gelehrten Welt der Academie der Wissenschaften zeigen, wodurch Sie ihrer Nat... viel Ehre machen. Es wäre wünschen das viele ihrem Exempel folgten.

Съ велики^а удовольствіемъ я увидѣлъ, что вы въ академически^а Комментаріяхъ себя ученому свѣту показали, чѣмъ вы великую честь припесли вашему народу. Я желаю чтобъ вашему примѣру многіе послѣдовали. Волфъ въ писмѣ и^а Галы отъ 6 августа 1753.

3.

Toutes ces pieces sont non seulement bonnes mais aussi tout a fait excellentes. Car il traite des matières de la physique et de la Chymie, qui etoient jusqu'a present inexplicables aux plus grands génies, avec tant de solidité, que je suis tout a fait persuadez, de la justesse de ses explications. A cette occasion je felicite Mons. Lomonosow de posséder le plus heureux genie pour expliquer les phaenomenes dans la physique et dans la chymie. Il seroit a souhaiter, que les autres academies fussent en etat de produire semblables découvertes que Mr Lomonosow vient de faire.

Сочиненія Гѣа Ломоносова

(рукою Тауберта: «Господинъ Эйлеръ между прочимъ въ отвѣтѣ къ президенту Академіи графу Кир. Гр. Разум. отзывается о сочиненіяхъ Г. Ломоносова такимъ образомъ:)

Всѣ сіи диссертациі не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо онъ пише^т о матеріяхъ физически^а и химическихъ, весьма ну^аны^а, которыя по нынѣ не знали и истолковать не могли

самые остроумные люди. Что онъ учивилъ съ таки^{мъ} успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При се^{мъ} случаѣ Гдѣу Ломоносову долженъ отдать справедливость что имѣеть превосходное дарованіе для изъясненія физическихъ и химически^{хъ} явленій. Желать должно, чтобъ и другія Академія въ состояніи были произвести такія откровенія, какія показа^{лъ} Гдѣ Ломоносовъ. Ейлеръ въ отвѣтѣ къ Его Сіятельству Гдѣу Президенту (174. года).

4.

Quo magis sagacitatem ac profunditatem ingenii tui in evolvendis difficillimis Chymiae quaestionibus sum admiratus, eo gratiores mihi fuerunt litterae tuae.... Ex tuis autem scriptis summa cum voluptate cognovi, te in explicandis Chymicis operationibus longe a recepto apud Chymicos more recedere atque cum amplissima experientia summam Physicae solidioris scientiam perpetuo conjungere. ex quo non dubito quin vaga et incerta hujus disciplinae principia tandem ad plenam certitudinem ita sis perducturus, ut ei posthac locus in Physica jure tribui possit.

Сколь много проникательству и глубинѣ Вашего остроумія въ изъясненіи претрудныхъ химически^{хъ} вопросовъ я удивлялся такъ равномѣрно Ваше ко мнѣ письмо было пріятно.... Изъ Ваши^{хъ} сочиненій съ превеликимъ удовольствіемъ я усмотрѣлъ, что вы въ Истолкованіи Химическихъ дѣйствій далече отъ принятого у Химиковъ обыкновенія отступили и съ препространны^{мъ} искусствомъ (знаніемъ) въ Практикѣ высочайшее основательной Физики знаніе вездѣ совокупяете. Почему не сомнѣваюсь что нетвердыя и сомнительныя основанія сея науки приведете къ полной достовѣрности; такъ что ей послѣ мѣсто въ Физикѣ по справедливости дано быть можетъ. Ейлеръ въ письмѣ о^{мъ} 23 марта 1748.

5.

Uti profundissimae sunt Meditationes Tuae, quarum communicatione tam insigne specimen amoris Tui ac benevolentiae erga me edere voluisti, retardationem responsionis meae non aegre ferens eum tam abstrusae Cogitationes, rerumque maxime abditarum et tempus et otium requirant...

Какъ преглубоки ваши рассу^денія, которы^х сообщеніе^м дали вы мнѣ чувствительный знакъ своей любви и благосклонности... О умедленіи моего отвѣта прошу непогибваться: затѣмъ что о толь далеки^х (*трудныхъ* поправка другою рукою) и сокровенныхъ вещахъ мысли времени требуетъ. Ейлеръ въ писмѣ о^т 24 августа 1748 года,

5 (sic).

Cum semper maxime fuerim admiratus felicissimum ingenium tuum, qua in tam diversis scientiarum generibus excellis, ac phaenomena naturae singulari cum successu per theoriam illustras, tum summo gaudio intellexi... Omnino te digna sunt, quae de omnis generis Coloribus vitra inducendi es perscrutatus. Nostri chymici hoc inventum maximi faciunt.

Какъ я всегда удивлялся счастливо^м твоему остроумію, которымъ въ толь ра^нныхъ наука^х превосходишь и натуральныя явленія съ особлив^ымъ успѣхомъ изъясняешь такъ пріятно было мнѣ извѣстіе... Достойное васъ дѣло есть, что вы стеклу всѣ возможные цвѣты дать можете. Здѣшніе химики сіе изобрѣтеніе за превеликое дѣло почитаютъ. Ейлеръ въ писмѣ н^р Берлина о^т 30 марта 1754.

6.

Dahero die Bemühungen derjenigen, welche darüber arbeiten jeder Zeit groszes Lob verdienen. Um so viel mehr musz man also Ew. Wohl. verbunden seyn, dasz dieselben diese grosze Frage aus der Dunkelheit entriszen und einen glücklichen Anfang zu Erörterung derselben gemacht haben.

Того ради стараніе тѣхъ, которые въ семъ дѣлѣ трудятся, всегда великую похвалу заслуживаютъ. Тѣмъ больше должно вамъ имѣть обязательства, что вы сей великой вопросъ изъ тьмы исторгнули и положили счастливое начало къ его изъясненію. Ейлеръ въ писмѣ н^р Берлина о^т 11 февраля 1755.

7.

Il y a dans le même volume un extra (sic) du XIV des memoires de l'Academie Imp. de Russie, où j'ai parlé fort au long et avec beaucoup de plaisir de Votre beau mémoire sur la teinture des metaux.

Въ томъ же томѣ содержится экстрактъ 14-го тома академически^х Комментаріевъ, гдѣ я пространно и съ радостію описалъ Вашу хорошую диссертацию о свѣтлости мета⁴ловъ. Формей въ писмѣ и² Берлина о² 27 октября, 1753.

8.

Comme je suis parfaitement disposé de vous obliger entout ce qui peut dependre de moi, je me suis aquitté de cette tache et je vous envoie ci joint les feuilles de mon journal, ou cette piece est imprimée... il etoit naturel de defendre une aussi bonne cause que la votre contre des accusateurs si injustes.

Какъ я желаю ва² здѣлать обязательство во все² что о² меня зависитъ, я то исполнилъ и посылаю вамъ присемъ листки и² моего журнала гдѣ она диссертациа напечатана. [За тѣмъ въ сборникѣ писано не рукою Ломоносова съ его приписками, кои обозначены вносными знаками « »] Сіе было должность, чтобы защитить толь праведное ваше дѣло отъ такихъ несправедливыхъ поносителей. Формей въ писмѣ и² Берлина отъ 27 Майя 1755.

9.

Debitos tibi persolvo grates ob actum academicum et programma, dignam fama tua opus, quae omnia mecum communicare dignatus es.

Должное вамъ воздаю благодареніе за актъ академической и за программу, достойное вашей славы сочиненіе, котораго сообщеніемъ вы меня удостоили. «Кондаминъ въ писмѣ и² Пломбери въ Лотарингіи 5 августа 1754.»

10.

Quae sagacissimus Lomonosow circa fluxum huius materiae subtilis in nubibus est meditatus maximam subsidiam iis, qui vires suas in hac quaestione enucleanda exercere volent, afferre debent. Eximiae quoque sunt eius cogitationes de descensu aëris superioris indique tam subito orto summo gelu¹).

Что проницательной Ломоносовъ о теченіи сей тонкой

¹) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собран. г. Биллярскимъ, стр. 252—253.

матеріи въ облакахъ рассужда⁴ великую помощь подати тѣмъ, которые въ семь вопросѣ хотять свои силы исслѣдовать. «Такъ же» презрядны его размышленія о снисхожденіи верхняго воздуха и о внезапныхъ морозахъ. «Ейлеръ въ писмѣ н⁴ Берлина въ Академію 1754 года.»

«NB. Письмо Порошина Генерала

— Татищева».

[За тѣмъ на оборотѣ листа рукою Ломоносова отмѣтка вѣроятно на память: «Гейнсіево. Ейлерово первое»... и потомъ письмо Ейлера (Toutes ces piéces...) съ тѣми отмѣнами, о которыхъ было говорено выше.]

На л. 158 рукою Ломоносова:

(Авторы свидѣтельствъ) титуль кор^еспондентовъ.

Христіанъ Волфъ, фрейгеръ, тайной совѣтникъ, Галлскаго университета канцлеръ и первенствующій профессоръ юриспруденціи, Академіи Наукъ Санктпетербургской, Парижской и Лондонскаго ученаго собранія членъ.

Леонардъ Ейлеръ, королевской математикъ въ Берлинской Академіи и оныя директоръ, Академіи Наукъ Санктпетербургской, Парижской и Лондонскаго ученаго собранія членъ.

Карлъ Марія де ла Кондаминъ Парижской академикъ, королевской химикъ, Берлинской Академіи и Лондонскаго собранія членъ, кавалеръ ордена святаго Лазаря.

Формей, Берлинской Академіи секретарь, Санктпетербургской Академіи и Лондонскаго собранія членъ.

26.

Мнѣнія Тредьяковскаго и Ломоносова о правописаніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ.

Въ 1745 году для учениковъ академической гимназіи понадобилось новое изданіе нѣмецко-французско-русскихъ разговоровъ, и на Тредьяковскаго было возложено исправленіе русскаго текста перваго изданія ихъ, навечатаннаго въ 1738 году. Въ февралѣ 1746 года онъ представилъ конференціи сдѣланныя имъ поправки, вмѣстѣ съ разсужденіемъ: «De plurali po-

minimum adiectivorum integrorum, Russica lingua scribendorum terminatione». Здѣсь Тредьяковскій возсталъ противъ принятаго, по его свидѣтельству съ 1733 года, въ печатаемыхъ въ академической типографіи книгахъ правила объ окончаніяхъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа мужскаго рода на е, а женскаго и средняго на я. По мнѣнію Тредьяковскаго первыя должны кончатся на и, вторыя на е, а третьи на я. При чтеніи этого разсужденія въ конференціи, 7 марта 1746 года, у Тредьяковскаго возникли споры съ Ломоносовымъ, при чемъ прочіе академики, не признавая себя сильными въ рѣшеніи подобныхъ разногласій, полагали передать дѣло на обсужденіе и заключеніе природныхъ русскихъ. 10 марта 1746 года, Шумахеръ заявлялъ въ конференціи, что предлагаемая Тредьяковскимъ нововведенія въ правописаніи не всѣмъ нравятся, а потому лучше удержать прежнее правописаніе, пока о новомъ не будетъ постановлено чего нибудь положительнаго. Однако 14 марта Тредьяковскій представилъ свое разсужденіе въ русскомъ переводѣ и просилъ, чтобы Ломоносовъ сомнѣнія свои объ этомъ изложилъ также письменно. Послѣдній взялъ было съ собою рукопись Тредьяковскаго, но 18 апрѣля просилъ занести въ протоколъ: «возвращая академическому собранію разсужденіе о множественномъ числѣ прилагательныхъ, въ тоже время прошу, чтобы мнѣ дозволено было не писать отвѣта на него, потому что я узналъ отъ г. Тредьяковскаго, что онъ остается при мнѣніи, высказанномъ въ помянутомъ разсужденіи, и намѣренъ предложить собранію другія разсужденія въ томъ же родѣ. Во все это я не желалъ бы вмѣшиваться, такъ какъ имѣю занятія по дѣламъ, прямо относящимся къ моимъ обязанностямъ». Тредьяковскій (28 апрѣля) просилъ академиковъ убѣдить Ломоносова, чтобы онъ не перемѣнялъ гласно заявленнаго обѣщанія своего въ отношеніи спора съ нимъ, Тредьяковскимъ; а Ломоносовъ обѣщалъ на будущее время поступать согласно желанію Тредьяковскаго, и дѣло о прилагательныхъ повидимому на этомъ и кончилось¹⁾. Латинское разсужденіе послѣд-

¹⁾ Протоколы академической конференціи за 1746 годъ; также «Матеріалы для біографіи Ломоносова», собран. г. Билярскимъ, стр. 83, 85.

него хранится донинѣ въ архивѣ академической конференціи (связка № 76, Е), а отвѣтъ Ломоносова, который онъ было хотѣлъ представить противъ Тредьяковскаго, находится въ вышеописанномъ сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова. Сверхъ того въ томъ же архивѣ (связка № 76, F) есть собственноручная статья Тредьяковскаго, въ которую вошли все его разсужденія объ окончаніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ, съ прибавленіемъ доказательствъ, почему онъ писалъ *i*, а не *и* въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, и защиты придуманнаго имъ способа обозначать на письмѣ повышение голоса въ предложеніяхъ. Въ началѣ статьи упоминается о «ежемѣсячныхъ книжкахъ», т. е. о Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, періодическомъ изданіи, которое стало выходить при Академіи подъ редакцію Миллера съ 1755 года. Причины, побудившія Тредьяковскаго вспомнить о своей статьѣ 1746 года и прибавить къ ней оправданія другихъ особенностей своего правописанія, видны изъ нѣкоторыхъ упоминаній въ русской статьѣ его. При изданіи Ежемѣсячныхъ сочиненій, Тредьяковскому предлагали вопросы о правописаніи, котораго онъ держался. Сверхъ того, онъ говоритъ далѣе «объ играющихъ эпиграмками», которые красоту русскаго языка называли «небесною» и т. д. Эти намеки прямо указываютъ на слѣдующую сатиру, приписываемую Сумарокову¹⁾:

Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тчатся,
 Дабы на букву *a* всехъ долѣ оставаться,
 На *e*, на *o* притомъ умѣренность имѣть
 Черезъ *y* и черезъ *и* способностью летѣть (?),
 Чтобъ оними была пріятность нѣжду слуху,
 А синими (сими?) не принесть несносной скуки уху.
 Преславная Москва въ языкѣ толь нѣжна,
 Что *a* произносить за *o* велить она.
 Въ музыкѣ что распѣвъ, то надъ словами сила;
 Природа насъ блюсти законъ сей научила.
 Безъ силы береги, но съ силой берега,
 И съ сѣнн съ оною мы говоримъ сѣнга
 Довольно кажутъ намъ толь ясны доводы,
 Что нашъ языкъ отъ *и* всегда ищетъ свободы;
 Или ужъ стало *иль*, коли ужъ стало *коль*,

¹⁾ Библиографическія записки 1859 г. № 17, стр. 518, 519.

Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ изволю,
 За спиши — спиши и спать мы говоримъ за спати
 На что же, Трессотиня, намъ тянеть и некстати?
 Напрасно злобный сей ты предпріялъ совѣтъ,
 Чтобъ льстя тебя, когда россійской принялъ свѣтъ.

Россійска языка небесна красота
 Не будетъ никогда поправа отъ скота
 И бредь твой выплюнуть, повѣрь — тебя заставитъ:
 Скончатъ твой скверный визгъ; стонаніе совы
 Негодни въ русской слогъ и пронасть намъ увы.

На эту сатиру сохранился и отвѣтъ Тредьяковскаго ¹⁾. Здѣсь между разными личными выходками, высказаны въ защиту окончанія прилагательныхъ мужескаго рода въ именительномъ множественнаго на и доводы, встрѣчаемые въ прозаическомъ разсужденіи профессора:

Славенскій нашъ языкъ есть правило не ложно,
 Какъ книги чище намъ писать, коли возможно.
 Въ гражданскомъ и до днесъ, однакъ не въ площадномъ,
 Съ славенскимъ по всему составу въ насъ одномъ,
 Кто ближе подойдетъ къ сему въ словахъ избранныхъ,
 Тотъ и любѣ всѣмъ писецъ есть, и не въ странныхъ.
 У пѣмцевъ го не такъ, ни у французовъ тожъ
 Имъ враветь тотъ языкъ, кой съ общимъ самымъ схожъ...

и т. д.

Вообще статья Тредьяковскаго и отвѣтъ Ломоносова любопытны для исторіи нашей орфографіи, которая можетъ быть полезна нынѣ при обсужденіи спорныхъ вопросовъ по этой части русской грамматики. Помѣщая здѣсь оба разсужденія, я счелъ нужнымъ возстановить въ статьѣ Тредьяковскаго то, что было зачеркнуто имъ съ намѣреніемъ смягчить нѣкоторыя личныя выходки. Всѣ зачеркнутыя мѣста обозначены здѣсь скобками [], а написанное послѣ того набрано курсивомъ.

¹⁾ Ibid., стр. 519—520.

Объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ, мужескаго рода, множественнаго числа, и о двухъ нѣкоторыхъ разностяхъ, до правописанія принадлежащихъ.

В. Т.

[Нѣкто изъ обыкновенныхъ нашихъ членовъ, долженствующихъ наполнять Сочиненіями сіи ежемѣсячныя книжки, по принесеніи въ Собраніе своего, и по прочтеніи онаго въ немъ безъ прекословія отъ товарищей содержанія, когда былъ отъ одного изъ насъ вопрошенъ, чегобъ ради употребилъ онъ въ томъ Сочиненіи способъ правописанія новый, а не слѣдовалъ старому, какъ въ Академической типографіи давно, такъ и въ сихъ Книжкахъ нынѣ употребляемому; то на сей вопросъ онъ отвѣтствовалъ, что напротивъ, Академическія типографіи, и сихъ книжекъ правописаніе есть новое, а что его совершенно старое и твердыя основанія имѣющее; и что онъ всегда сіе употребляетъ въ Сочиненіяхъ и въ Переводахъ своихъ при Академіи печатаемыхъ. Въ подтвержденіе сего сказаннаго, обѣщался онъ принести Собранію доказательства на письмѣ. По рассмотрѣніи доказательствъ его, принесенныхъ ужѣ имъ, Собраніе увидѣло, что подлинно они не безъ довольно сильнаго основанія: чего ради и намѣрилось сносить употребленіе Правописанія его въ Сочиненіяхъ, полагаемыхъ отъ него въ сіи книжки, толь напаче, что въ нихъ, по установленію, долженствуетъ быть терпимо различіе и матерій и слога, а не токмо что различный способъ Правописанія. И какъ доказательства его могутъ послужить къ приведенію въ совершенство не послѣднія сея части въ Грамматикѣ, толь нужной многимъ изъ Россійскаго народа; то мы оныя Читателямъ нашимъ здѣсь сообщаемъ точными Сочинителевыми словами, и Правописаніемъ].

Извѣстно, [говорить онъ] что - въ - Россійскомъ языкѣ суть два вида прилагательныхъ именъ. Первый есть цѣлыхъ, для того что сіи имена изъ всѣхъ своихъ складовъ состоятъ вполне, какъ-то, великій, великая, великое: но вторый усѣченыхъ, потому что отъ нихъ отъемлется цѣлый складъ съ конца,

какъ-то великъ, велика, велико. Не о сихъ послѣднихъ здѣсь дѣло идетъ, но объ оныхъ первыхъ, да и то-еще о множественномъ ихъ числѣ; и токмо мужескаго рода [по моему обѣщанію].

Сихъ именъ окончанія множественныя [въ академической типографіи начали, съ 1733 года] начали представлять *отъ нѣкоторыхъ* *отъ нынѣшня* наши времена печатію слѣдующимъ образомъ. Въ знакъ мужескаго рода употреблена *отъ нихъ* літера (е) чистая, изглашающаяся какъ (ѣ); а въ знакъ женскаго и средняго (я) чистая же, напрімѣръ: добрые, добрыя, добрыя.

Утверждаю, что -изъ-сихъ-окончаній-второе, тоестъ женское, есть правое по давнимъ нашимъ правиламъ, но не весьма общее по нынѣшнему всѣхъ употребленію. А третіе окончаніе, или средняго рода, какъ-есть-правое по древнимъ правиламъ, такъ и нынѣшнимъ всеобщимъ употребленіемъ подтвержденное. Что жъ до перваго мужескаго окончанія, то оно конечно есть неправое, или, буде сказать мягче, надлежало ему быть наипаче женскаго рода, а не мужескаго. Посему, вся неправость, въ рассужденія сихъ окончаній, находится токмо въ мужескомъ. Сіе слѣдующимъ образомъ я доказываю.

Неправое есть и новое окончаніе на (е), въ прилагательныхъ именахъ мужескаго рода, множественнаго числа, 1) по сходству съ Славенскимъ, или церковнымъ у насъ языкомъ, который - нашему - Славенороссійскому, или Гражданскому, и источникъ, и отецъ, и точное подобіе, и отъ коего-ни-на-перстъ, чтобъ такъ сказать, нашъ не отстуетъ. Предложеніе сіе не требуетъ подтвержденія: всякому оно, вникнувшему въ нашъ и славенскій, языкъ не можетъ не быть достовѣрное. Но въ Славенскомъ у насъ языкѣ, сіе окончаніе есть на (и), а не на (е). Примѣръ: святія, а не святіе. 2) По сходству малороссійскаго діалекта, который-точно есть нашъ славенороссійскій, выключая ударенія нѣкоторыя на склады, и разное наклоненіе произношенія. Но въ малороссійскомъ діалектѣ окончаніе сіе всегда есть, и было всегда на (и), а не на (е). Примѣръ: святыя, а не святые. 3) По сходству всѣхъ-на-все діалектовъ отъ Славенскаго происшедшихъ, а особливо Сербскаго, [Болгарскаго, Польскаго и Ческаго] *и другихъ ілірическихъ*. Но въ сихъ [четырёхъ] *и отъ прочихъ* діалектахъ окончанія спорныя или на

(и) наше, какъ-въ-Сѣрбскомъ, свѣтѣи или на (i) и (y) Латинскія какъ въ иллиріческихъ словенскихъ, *Латинскими літерами изображаемыя*. 4) И по самой невозможности, кончить намъ премногое множество сихъ именъ инако, какъ-только на (и); а сихъ именъ нельзя отнюдь положить въ чинъ нѣкотораго изъятія отъ общаго правила, для того что ихъ премного, и потому они сами суть тѣмъ общимъ правиломъ. Изъ премногаго ихъ числа въ примѣръ привожу нѣсколько токмо: божіи, соболя, рыбы, птичьи, охотничьи, черничьи, рысьи, слоновьи.

Новое, и неправое есть окончаніе мужское множественное на (е), по окончанію мужескому жъ, по единственнаго числа, сихъ самыхъ именъ прилагательныхъ цѣлыхъ. Всѣ наши сии прилагательныя имена, въ единственномъ числѣ, въ мужескомъ родѣ, именительный падежъ имѣютъ на (й), которое называется краткимъ, а предъ симъ (й) краткимъ всегда бываетъ или (i) или (ы), инакожъ отнюдь никогда въ чистомъ языкѣ. Примѣръ: божій, святой. Чтожъ нѣкоторыя не токмо говоря просто, но и на письмѣ употребляютъ предъ тѣмъ (й) краткимъ літеру (о), вмѣсто или (i), или (ы), какъ-то великой, вмѣсто великій; святой вмѣсто святой: то сѣ, неправымъ такимъ употребленіемъ писаннымъ, сливаются странно именительный единственный мужескій, съ дательнымъ единственнымъ женскимъ: ибо равно есть у нихъ, что - великой человекъ, и, великой женѣ. Но сихъ оставляю, а возвращаюсь къ первому. Не должно, говорю, быть въ чистомъ языкѣ предъ (й) краткимъ, какъ токмо или (i), или (ы). На что жъ сѣ (й) краткое въ семъ окончаніи? На то, чтобъ произношенію быть единственному вполнину противъ множественнаго, дабы единственный падежъ не смѣшался съ множественнымъ, который-по-природѣ своей есть на (и) не краткое: то есть, чтобъ святой не смѣшался съ святыи. Ежелибъ сѣ было не-для-себѣ; то бъ напрасно намъ писать (й) краткое въ единственныхъ окончаніяхъ; да и моглибъ сѣ быть и безъ (й) краткаго правильно на (и) полное, и на (ы), какъ-то божи, святы. Однако, необходимо должно быть (й) краткому въ сихъ у насъ окончаніяхъ, божій, святой. Слѣдовательно, есть оно тутъ для показаннаго мною причины, о которой-смѣло

утверждаю, что-не-можно привести ни праведнѣйшія, ни твердѣйшія, ни, по крайней мѣрѣ, вѣроятнѣйшія.

По самымъ окончаніямъ множественнымъ прилагательныхъ именъ усѣченныхъ (хотя они будутъ имѣнные, хотя причасныя) новое и неправое есть окончаніе множественныхъ именъ цѣлыхъ на (е) мужское. Всѣ-на-все прилагательныя наши усѣченныя имена, имѣютъ всегда и непременно предъ послѣднимъ слогомъ, окончавающимъ чисто цѣлыя наши имена во множественномъ числѣ, или літеру (і) или (ы). И такъ, кому не явно, что, по отсѣченіи въ цѣлыхъ именахъ окончательнаго чистаго слога, остается всегда въ усѣченныхъ или (і), премѣняемое тогда на (и), или (ы): По любящія, любящи; По святыя, свѣты? и сіе впрочемъ во всѣхъ трехъ родахъ всеконечно. Чтожъ сіе значить? То, что-окончаніе множественное прилагательныхъ на (и), есть у насъ обществѣннѣйшее всѣхъ прочихъ, и сродственнѣйшее нашему язѣку, равно-какъ и всей Славенсчизнѣ. Сіе, съ другія стороны, толь далеко распространяется, что-всѣ существительныя имена правільныя всѣхъ склоненій, множественныя окончанія, мужскаго и женскаго рода, имѣютъ токмо или на (и), или на (ы), тоестъ на густое (и). Съ сими, а особливѣйше съ мужскими, во всей Славенсчизнѣ соглашаются окончанія множественныя прилагательныхъ именъ. Какъ же, и для чегожъ бы имъ у насъ разглашаться, и не сочетаваться? и толь наипаче, что-нашъ-язѣкъ сходственнѣйшій всѣхъ прочихъ съ Славенскимъ, и какъ-первородный его сынъ и наслѣдникъ? Сверхъ сего, дѣлье-еще нынѣ всеобщественность окончаній на (и) въ именахъ нашихъ расширяется, нежели по самой природѣ должно. Многіи окончавають, ужé и-на писмѣ, на (и) и на (ы) самыя средняго рода существительныя множественныя, котрымъ-природное наше свойство дало оканчиваться токмо или на (а), какъ-дѣла, или на (я), какъ-примѣчанія. Подлинно погрѣшаютъ весьма всѣ сіи, кои-пишуть сочиненія вмѣсто сочиненія, приказанія, вмѣсто приказанія, и прочія подобныя: однако, сею самую чувствительною ихъ погрѣшностію доказывается непреодолѣемо, что-окончанія въ именахъ нашихъ на (и), суть всѣхъ прочихъ обществѣннѣйшія. Да [видятъ теперь Эпиграмками играющіи...] видится теперь коль праведно и основательно [они

оглашаютъ небесную по ихъ же красоту нашего языка] оглашается *названная* небесною красота нашего языка, что-бутьто-онъ-ищетъ для нея всегда себѣ увольненія отъ (и) и [приводятъ] приводятся въ примѣръ (крайнимъ образомъ несправно говоря объ удареніяхъ) только нѣкоторые народные и стихотворческіе вольности, каковы суть сіи: иль, вмѣсто или; спать, вмѣсто спати. [Да знаютъ] Да познается, наконецъ, что-знакъ сей (ь), есть не-что иное, какъ-то жъ самое (и), но токмо ослабленное звономъ.

Напослѣдокъ, всѣ наши, такъ называемыя, притяжательныя мѣстоименія, и едва токмо не всѣ указательныя, доказываютъ, что-окончаніе въ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ на (е) есть новое и неправое. Вѣрно, что-сѣи-мѣстоименія все-конечно сродны прилагательнымъ, движимыя также-какъ-и-сѣи, чрезъ три рода. Изъ указательныхъ сей, онъ, самъ, именительный множественный мужескій оканчиваются такъ: сѣи, они, сами: но что-и-отъ-я, и отъ ты, мы, вы во множественномъ у насъ, то не меньше жъ доказываетъ, что (и) природное есть окончаніе именъ нашихъ мужескихъ множественныхъ: ибо літера (ы) есть тожъ (и), но, какъ-я-сказалъ-выше, густое. Притяжательныяжъ мой, твой, свой, вашъ, всѣ имѣютъ именительный множественный, кончащійся на (и), мой, твой, свой, наши, ваши.

Сверхъ того, возносительное и вопросительное мѣстоименіе кой всегда кончится во множественномъ именительномъ кои. Ктому жъ, всѣ сѣи мѣстоименія, равно-какъ изъ указательныхъ сей и самъ, когда-показываютъ-лице какое, ни въ женскомъ, ни въ среднемъ родѣ не различаются окончаніями, но всегда имѣютъ літеру (и), по общему и постоянному, и тому-еще старинному и нынѣшнему употребленію въ Славенороссійскомъ нашемъ языкѣ, хотя въ Славенскомъ средній родъ и имѣетъ различіе, какъ-то мой дѣла, а не мои дѣла.

Слѣдовательно, весьма основательно, какъ-мнитъ, заключить можно, по премногимъ сходствамъ, по свойству всея Славенсязыны, по неразличаемому окончанію многихъ прилагательныхъ множественныхъ именъ, по дѣлымъ и усѣченнымъ прилагательнымъ именамъ, по именамъ мужескимъ существительнымъ, и, наконецъ, по мѣстоименіямъ, что-именá прилагатель-

ныя цѣлыя, мужескаго рода, множественнаго числа, праведно оканчивать, въ красномъ письмѣ всегда надлежитъ на (и), а не на (е), которое-окончаніе-есть-новое [введенное въ академическую типографію съ 1733 года] и потому намъ непригодное.

Втуне здѣсь представится мнѣ употребленіе. Знаю 1), что употребленіе, есть праведный судія языку, верховный властелинъ надъ онымъ, и ему законодавецъ. Но 2) знаю и то, что прямое употребленіе есть всеобщее и постоянное: ибо, когда оно-не-такое, то ужé есть не употребленіе, но нѣкоторая несобразимая разность въ языкѣ, и его поврежденіе. 3) Ежели употребленіе въ чемъ ни будь различно, то прямое употребленіе есть оное, которое съ-твёрдымъ разумомъ соглашается, и отъ него одобрено быть можетъ: ибо нѣтъ другаго праведнѣйшаго Судіи на изысканіе истинны, кромѣ разума, когда-употребленіе-несходство и пестроту какую имѣеть. 4) Буде же изъ двухъ, или многихъ разностей, нѣкоторая отъ твердаго разума подтвердиться не можетъ, то, въ такомъ случаѣ, должно слѣдовать тому, что-или-большая, или просвѣщеннѣйшая часть людей употребляетъ. Чрезъ большую часть не разумѣются поселяне, но учтивыи граждане, а чрезъ просвѣщеннѣйшую не простаки, но ученые люди, чрезъ обѣ жъ сіи части не разные двѣ, но одна и та жъ по важности удостовѣренія: ибо надежнѣе вѣрять въ чистотѣ языка чеснымъ и просвѣщеннымъ мужамъ, нежели безрассудной чѣрни. Изъ сего слѣдуетъ, что сугубое есть по природѣ употребленіе: одно чистое и учтивое, другое неправое и подлое, которое-больше-есть-не-употребленіе, но заблужденіе, коему-роднѣйшій отецъ, есть незнаніе. 5) наконецъ. Нѣтъ всеобщаго употребленія, какъ-бы-оно-по-различію-временъ-ни-различалось, которое-всекопѣчнѣе-противно было всеобщему свойству того языка, въ коемъ-оно Употребленіемъ: ибо, въ противномъ случаѣ, нѣбылобъ ужé оно употребленіемъ живущаго языка, но всесовершеннымъ его истребленіемъ.

Да приложатсяжъ сіи правила къ окончанію нашему множественному, мужескаго рода, прилагательныхъ именъ, коему-у-насъ-свойственно быть на (и), а не на (е).

Много такихъ, кои-говоря-оканчиваютъ прилагательныя

цѣлыя, множественныя, мужескія на (е): но много и такихъ, которыи-тотъ-же падежъ, тогожъ рода и числа кончатъ въ разговорахъ и на-писмѣ то на (я), то на (е). Сіе происходитъ отъ того, что-літеры (е) (я) нѣкоторое глухоѣ имѣють сходство на концѣ словъ чисто положенныя; чего рѣди, окончаніе сіе безразборное одно и тожъ слышится, а погрѣшность или все-конечно инымъ нечувствительна бываетъ, или нѣсколько токмо чувствительна нѣкоторымъ. Словомъ, окончанія сіи по сѣмой большой части въ народѣ суть безразборныя. Доказываютъ сіе достовѣрно всѣ гражданскіе книги, прежде 1733 года напечатанныя; доказываютъ проповѣди и всѣ-на-все приказныхъ дѣлъ писма. Слѣдовательно (по 2 правилу), сіе употребленіе ни всеобщее есть, ни вездѣ постоянное.

Но, (по 3 правилу) въ различающемся употребленіи къ твердому разуму прибѣгать надлежитъ: а твердый разумъ сказываетъ, утвердившись на многихъ свойствахъ и сходствахъ, что-окончаніе на (и) есть всѣхъ прочихъ у насъ общественнѣйшее, и что-въ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ, оно есть и точно природное, какъ-чистое Славенское. Слѣдовательно, сіе окончаніе въ чистомъ языкѣ предпочитать надлежитъ, и толь наипаче, что-оно-отъ-большія и просвѣщеннѣйшія части, именнѣжъ во всѣхъ церковныхъ книгахъ, неизмѣняющихся никогда и тѣмъ классическихъ, употребляется (по 3 и 4 правилу).

Не могу догадаться, чего бѣ ради у насъ скоряе неисправность языка вводилась, и была предпочитаема чистотѣ, какъ-скоро она отъ кого-одного или выговорится, или напишется? Не отъ тоголи, что-сѣмая большія часть у насъ грамматическихъ правилъ¹⁾ не знаетъ, и потому, сѣмаяжъ большія часть клонится отъ незнанія къ неправому употребленію; а множествомъ своимъ привлекаетъ къ себѣ иногда и знающихъ, для того что хотя-какое-есть-ложное употребленіе, но отъ множества употребляющихъ, показывается мнимо быть правымъ? Нѣтъ-ли-еще тутъ и оказательства какѣва нарочнаго, отмѣною себя отъ пишущихъ по грамматической исправности? Вѣдаю я

¹⁾ Противъ этого мѣста выноски и стоитъ буква Л, что нельзя иначе объяснить, какъ указаніемъ на Ломоносова.

въ насъ ложное мнѣніе о простотѣ, то есть, стараніе говорить и писать несходственно съ чистотою языка, будтобъ благородная и достохвальная оная простота (состоящая токмо въ природныхъ, а не въ витіеватыхъ и вырманныхъ изображеніяхъ) состояла въ явномъ поврежденіи языка: можно писать просто и некудряво, однако по грамматической исправности и чистотѣ рѣчей. Нѣтъ-ли-еще также и подражанія въ семъ чужестраннымъ нѣкоторымъ языкамъ? И буде есть, то оно совсѣмъ неосновательное. Вѣдомо, что во-Французскомъ языкѣ, дружескій разговоръ есть правиломъ краснымъ сочиненіямъ (*de la conversation a la tribune*), для того что у нихъ нѣтъ другаго. Но у насъ дружескій разговоръ есть употребленіе простонародное; а красивѣйшее сочиненіе есть иное изряднѣйшее употребленіе, отмѣнное отъ простаго разговора, и подобное больше книжному Славенскому, о которомъ-можно-праведно сказать, что-оно-есть-важное, пріятное, дѣльное, сильное, философическое, приличествующее больше высокимъ наукамъ, нежели нѣжнымъ, для того что Славенскій языкъ есть мужественный. Никто не пишетъ ни письма о домашнемъ дѣлѣ, чтобъ онъ не тцался его написать отмѣннѣе отъ простаго разговора: такъ что сіе всеобщимъ у насъ правиломъ названо быть можетъ, что «кто-ближе подходитъ писаніемъ гражданскимъ къ Славенскому языку; или, кто-болше славенскихъ обыкновенныхъ и веѣхъ вѣдомыхъ словъ употребляетъ, тотъ у насъ и не подло пишетъ, и есть лучшій писецъ». Не дружескій разговоръ (*la conversation*) у насъ правиломъ писанія; но книжный церковный языкъ (*la tribune*), который-равно въ духовномъ обществѣ есть живущимъ, какъ-и-бесѣдный въ гражданствѣ. Великое наше счастье въ семъ, предъ многими Европейскими народами!

Какъ-то-ни-есть; только мнѣ сіе дивно, чего ужъ ради, [первый заведшій въ Академической типографіи простонародное окончаніе] *при самомъ заведеніи* простонароднаго окончанія множественнаго въ прилагательныхъ именахъ мужескихъ на (е), вмѣсто на (и), [не ввелъ тогда жъ] *не подтверждены* и сѣи, именнѣ, примѣчаніи, вмѣсто примѣчаній; еѣ вмѣсто ея; коль отъ подлаго коли, вмѣсто презряднаго когда и прочаго? Ибо все сіи окончанія и употребленія хотя вождельяною, но лож-

ноюжъ тѣмъ что [грубою] неблагородною простотою хвастаются и величаются.

Кажется, что-твердо мною доказано природное наше окончаніе множественное, мужскаго рода, въ прилагательныхъ дѣльныхъ именахъ на (и), а не на (е). Посмотримъ теперь, въ какомъ родѣ правильнѣе употреблять можно окончаніе на (е), пожеже оно стало непротивно, отъ простаго учащенія, великороссійскому слуху. Я и теперь-ещѣ подтверждаю, что-неправо оно подставлено за окончаніе на (и) въ мужескомъ родѣ. Но буде тѣжъ самыя имена, тогожъ числа, но женскаго рода, оканчивать на (е); то сіе не токмо обыкновенію нашему не бессладосно будетъ, но и здравому разуму удовольствіе здѣлаеть.

Выше предложено, что-женскія такія окончанія дѣлаются у насъ на (и) чистое по преднаписанію Грамматистовъ. Но употребленіе словесное и письменное, кромѣ церковныхъ книгъ, и понимѣ весьма непостоянно есть въ гражданствѣ: ибо сіи употребляютъ лігеру (я), а тѣ (е) лігеру; еще-онѣжъ сами иногда безразборно пишутъ, а сіе ужѣ страннѣе, непосредственно иногда ставятъ то (е), то (я), но никто нигдѣ и никогда въ женскомъ родѣ не пишетъ окончанія сего на (и). Слѣдовательно, употребленіе сіе есть ни всеобщее, ниже постоянное (противъ 2 правила). Но гдѣ-употребленіе-разнствуетъ; то въ такомъ случаѣ должно просить совѣта у твердаго разума, которой-разности-лучше слѣдовать онъ повелитъ, (по 3 пункту).

Да на чтожъ впрочемъ многое плодить? Ибо, ежели различіе есть полезно, еще-и-весьма-потрѣбно между окончаніемъ средняго рода (для того что оно равнымъ же образомъ на (и) и окончаніемъ женскимъ; ежели лучше быть различію, нежели не быть между именительнымъ множественнымъ и родительнымъ единственнымъ женскаго рода; и ежели по свойству Славенороссійскаго языка, літера (я) часто перемѣняется въ (е): то твердый разумъ совѣтуетъ быть окончанію множественному женскому на (е), вмѣсто на (и). Но всѣ исчисленные члены такъ себя имѣють, какъ-предполагаются.

Ибо 1) у которыхъ именъ родъ есть различенъ; у тѣхъ необходимо и окончаніе долженствуетъ быть различно: всѣхъ нашихъ именъ роды, по самой большой части чрезъ окончанія

познаваются. Но женскій родъ съ среднимъ есть различенъ, а окончанія ихъ сходны на (я), какъ-то свѣтыя жены, и свѣтыя дѣла, которыя изрядно могутъ различиться такъ, когда-женское окончаніе будетъ на (е), какъ-то свѣтыя жены, а среднее по обыкновенію на (я), свѣтыя дѣла. 2) Сему самому различію лучше быть, нежели не быть между именительнымъ множественнымъ женскимъ, и родительнымъ женскимъ же единственнымъ: ибо всегда и вездѣ предпочитается различіе смятности. И такъ ежели именительный множественный женскій оканчивать на (е), вмѣсто на (я); то такое различіе и здѣлается, краснымъ-еще образомъ, да и будетъ, вмѣсто великія именительнаго множественнаго, сходнаго съ родительнымъ единственнымъ женскимъ же, именительный множественный женскій, великіе, а родительный единственный останется, великія. 3) По свойству нашего Славенороссійскаго выговора, часто въ разговорахъ премѣняется літера (я) на (е), которая во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ есть не (э) звономъ, но (ѣ). Такъ вмѣсто Якімъ говоритъ Ъкімъ; вмѣсто священникъ, свѣщенникъ; вмѣсто княгиня, кнѣгиня; вмѣсто ряба, рѣба; вмѣсто ясть, ѣсть; вмѣсто ея, еѣ, и преможество другихъ словъ.

Но чегожь бы ради наипаче, быть перемѣнѣ сей въ окончаніи женскомъ множественномъ, а не въ среднемъ? Отвѣтствую, что, сверхъ различія, могущаго такимъ образомъ здѣлаться между именительнымъ множественнымъ женскимъ, родительнымъ единственнымъ, и множественнымъ же именительнымъ среднимъ, когда-женскій будетъ на (е), а средній на (я), самое сходство окончанія, въ существительныхъ множественныхъ средняго рода, кончающихся или на (а) или на (я), не позволяеть отнюдь быть, въ прилагательныхъ множественныхъ среднихъ, другому окончанію, кромѣ токмо что на (я) обыкновенное.

По доказаніи, природнаго нашего окончанія множественнаго въ мужескихъ прилагательныхъ цѣлыхъ именахъ на (и), а въ женскихъ такихъ же на (е), предвоспріятомъ не въ указѣ, и не въ сопротивленіе инако о семъ мнящимъ и употребляющимъ, ниже и въ опроверженіе ихъ мнѣнія, но токмо въ изъясненіе и въ оправданіе моего употребленія въ письмѣ, осталось теперь

предложить токмо примѣры способу моего писанія какъ-бы-въ-имѣнныхъ, и причасныхъ прилагательныхъ, такъ и въ мѣстоимѣнныхъ.

Примѣръ имѣнныхъ.

муж. род.	жен. род.	сред. род.
святѣи.	святѣе.	святѣи.
истинни.	истинные.	истинныи.

Мѣстоимѣнныхъ.

они.	оные.	онѣи.
которы.	которые.	которыи.

Причасныхъ.

любящѣи.	любящѣе.	любящѣи.
любивши.	любившии.	любившии.

Есть и ещё у меня разность въ писаніи съ правописаніемъ, [въ академической типографіи, съ 1738 только года] употребляемымъ *отъ некоторыхъ не весьма давно*. Разность сія не касается уже до окончаній, но до положенія літеръ (и) (і), какъ-въ-природныхъ нашихъ словахъ, такъ и въ чужихъ, употребляемыхъ нашимъ языкомъ.

Имѣемъ мы Грамматическое правило, и древнее самое употребленіе въ книгахъ печатныхъ, чтобъ въ нашихъ природныхъ словахъ літеру (и) ставить предъ согласными, а (і) предъ гласными. Сему правилу какъ [академическая типографія] употребляющіи сіе правописаніе, такъ и я въ моихъ писъмахъ, слѣдуемъ согласно. Однако разнуюсь симъ, что [академическая типографія] *употребляющіи по сему* поступаютъ безъ изъятія [по сему одному правилу] и въ чужестранныхъ словахъ, несмотря на другое о семъ Грамматическое правило, давнишнимъ же употребленіемъ утвержденное; а что-я, слѣдуя сему другому правилу, и древнему употребленію, въ рассужденіи чужихъ словъ, ставлю и предъ согласными въ такихъ рѣчахъ літеру (і), а не (и). Итакъ, по моему правописанію сіе Греческое слово *Исторія*, всегда пишется чрезъ (і), а по [академической типографіи] *тыхъ* оно чрезъ (и), *Исторія*: такъ и во всѣхъ прочихъ чужихъ словахъ, у насъ употребляемыхъ.

Говорятъ защищающіи сіе [академіческія типографіи] нововводное употребленіе, что-простѣе и способнѣе есть такъ писать: ибо не всѣ пишущіи знаютъ правописаніе чужестраннаго какова слова, чтобъ имъ ставить въ его словахъ літеру (і).

Изрядно: похвальна есть сія толь способная простота въ рассужденіи літеръ (и) и (і). Но чегожь ради, сія самая предивная способность не наблюдается [въ академіческой типографіи] въ рассужденіи (ф) и (ѳ) въ чужестранныхъ словахъ? Также премного есть незнающихъ, гдѣ-имъ-писатъ (ф), или (ѳ), по второму тому Грамматическому правилу. И понеже Θεодотъ, [въ академіческой типографіи] изображается *у нихъ* чрезъ (ѳ) по второму реченному правилу, (которое-велитъ-прилѣжно наблюдать въ чужестранныхъ словахъ ихъ самое правописаніе), а не чрезъ (ф), чрезъ который-бы-простѣе было писать незнающимъ греческаго правописанія: то для чегожь бы мнѣ несправедливо было писать Ісідора чрезъ (і) предъ согласными, какъ-то Греческая ортографія требуетъ, вмѣсто Ісидора [по академіческой типографіи] *по способу пишущихъ* чрезъ (и)? И толь напаче, что-и-я въ изображеніи Ісидора слѣдую томужь Грамматическому правилу, которому-и-[академіческая типографія] *пишущи* въ представленіи Θεодота чрезъ (ѳ), а не чрезъ (ф)? Клепуюсь, не вижу, чѣмъ пошлымъ сіе мое возраженіе, на толь одобряемую способность что до (и) и до (і), обессилено и опровержено быть можетъ.

Къ стати изъяснить ещѣ-другую, но послѣднюю ужѣ мою разность, или лучше особливость въ способѣ правописанія [снося сіе съ правописаніемъ академіческія типографіи]. О ней я былъ также спрошенъ въ Собраніи отъ нѣкотораго изъ засѣдающихъ: но я ему тогда отвѣтствовалъ токмо знакомъ нѣкимъ, объявляя, что-въ-ней-то у меня состоитъ Гордіевъ узолъ, котораго-на-развязаніе обнажаю теперъ Александровъ мечъ.

Подлинно, сія особливость есть новая самая у насъ, но толь нужная и необходимая, что-безъ-ней-весьма трудно, и почитай невозможно познавать, какой есть точный разумъ въ нѣкоторомъ предложеніи, которое-разумѣется-иногда-на-двое, на-трое, на-четверо, и болѣе. Особливость сія новая состоитъ въ Гіфенахъ, или въ единитныхъ палочкахъ, проводимыхъ поперегъ

между двумя, тремя, и мнѣжайшими словами, да сверхъу въ одномъ удареніи силою перваго, или средняго, или послѣдняго слова, на тотъ слогъ точно, который-природно у насъ ударенъ быть долженствуетъ.

На показаніе, что предложеніе какое можетъ двояко, трояко и больше толковаться літерально, такъ что-невѣдомо, какой-ему разумъ присвоить должно, полагаю я въ примѣръ слѣдующее предложеніе: Богъ есть превѣчный. Сіе предложеніе когда-съ-равнымъ возвышеніемъ голоса, или, что-тожь, съ равнымъ удареніемъ каждаго въ немъ слова выговорится (ибо не можно выговорить ни одного слова, не ударивъ его гдѣ нибудь силою однажды): то значить будетъ только логическое предложеніе, состоящее изъ такъ называемыхъ подвергаемаго, сопрягающаго, и присвояемаго. Но ежели въ немъ первое слово громче ударится силою, а прочія два ниже равнымъ удареніемъ произнесутся; то предложеніе сіе будетъ значить, что-единъ токмо есть Богъ, который-превѣченъ. Еслижь выговорится силою выше второе въ немъ слово; то оножь предложеніе изобразить, что-Богъ-превѣчный-есть-дѣйствительно. А буде послѣднее въ немъ слово громче двухъ первыхъ удареніемъ произнесется; то сіежь самое предложеніе означить, что-Богъ, который-дѣйствительно пребываетъ, есть-притомъ-и-превѣченъ.

И такъ, для означенія, которое-слово-должно-громче выговорить, изъ двухъ, или и нѣсколькихъ словъ, ударяю я его силою, а прочія, кои-съ-нимъ-надобно-ниже равнымъ удареніемъ произнести, связываю всѣ между собою, и съ ударяемымъ выше, единитными. Напримѣръ, когда-я-изображаю моимъ предложеніемъ токмо логическое нѣчто; то всѣ въ немъ слова у меня безъ ударенія, выключая двузnamenательныя рѣчи; и тогда жь они безъ единитныхъ. Но буде хочу изобразить въ показанномъ въ примѣръ предложеніи первый разумъ; то пишу такъ: Богъ-есть-превѣчный. Второй такъ: Богъ-есть-превѣчный; а третій такъ: Богъ есть превѣчный. Въ печати, гдѣ-надъ-каждою рѣчію есть знакъ ударенія, возвышаемый громче слогъ въ реченіи можетъ двойною оксією быть означаемъ.

Не знаю, какъ-сей-мой-вымысль-другимъ показаться можетъ; но я въ сей способъ, не ставя ему цѣны, такъ влюбленъ,

что-не-только-за-объявляющій, и поставляющій на мѣрѣ точно и достовѣрно, разумъ въ предложеніи какомъ, и потому антидотъ и бичъ на равногласія или на обоюдныя знаменованія предаю смѣло; но и всего нашего провозглашенія (декламаци) живію и душою, безо лжи и заблужденія, называю.

Вѣдомо изъ Исторій, что-древніи Греки и Римляне, разными наклоненія голоса въ провозглашеніяхъ театральныхъ и канцельныхъ, изображали нѣкоторымъ родомъ Нотъ, такъ какъ -Музыканты свой распѣвы, или шаги свой танцмейстеры. Безмѣрно жаль, что-онѣ-ихъ-ноты провозглашенія не дошли до насъ въ оставшемся какомъ обрасчикѣ, и пропали навѣки безвозвратно! Однако, я мню съ великою вѣроятностію, что-тѣ-ихъ-ноты были точно мои единитные палочки между словами, свѣрху словъ тройственные ихъ просодіи, а подъ словами обыкновенныи пѣтамаъ знаки долготы и краткости слоговъ; или уже были онѣ подобны нѣкакъ сему моему способу.

Я такое имѣю мнѣніе толь вѣроятнѣе, что-нѣкто-Бріенній, по свидѣтельству Ролленеву въ первомъ надесять томѣ древній Исторіи, утверждаетъ, что-декламация древнихъ, то есть возвышеніе и пониженіе голоса, изображаема была просодіями, кои полагаются-надъ-словами. Слѣдовательно, для означенія долгихъ своихъ слоговъ и краткихъ (ибо количество у нихъ мѣрялось протяженіемъ-еще, и сокращеніемъ, при возвышеніи и пониженіи складовъ, означаемыхъ просодіями) употребляли онѣ тѣ звуки, коими и нынѣ стихотворныя мѣры стопы означаются, ставя ихъ подъ словами, или какъ-иначе; а на изъясненіе равныхъ удареній въ предложеніи цѣломъ, можетъ быть, ставили онѣ единитные (для того что другому быть нечему) также между словами, какъ-и-я: ибо намъ только надобно возвышеніе громчайшее голоса въ одномъ словѣ, и равное удареніе въ имѣющихъ связаніе съ возвышаемымъ громче, а въ протяженіи звона не имѣемъ мы нужды.

Подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ мое мнѣніе и Латинскій Лексіконъ Василья-Фабра подъ словомъ Гіфенъ, приводя въ примѣръ слѣдующіе латинскіе несложные рѣчи, но связанные единитными такъ: *semper-lactitia, ante-malorum*. Такъ что, когда-первое слово надлежало возвысить предъ другимъ, то

первое всеконечно ударяемо было громче предъ вторымъ; а буде второе, то и второе ударяемо было всеконечно жъ выше предъ первымъ, какъ-то-приведенный-Бріеній утверждаетъ, что Декламация древнихъ изображаема была просодіями.

Да порочить же отсель кому-угодно, способъ моего правописанія, по числу [въ Академической типографіи] *въ нынѣшней гражданской типографіи* алфавита, а съ нею впрочемъ разнящійся нѣсколько мало. Да гласить и-ещѣ нестройнѣ безымянная Пѣса¹⁾, начинающаяся искусными пѣвцами, объ окончаніяхъ множественныхъ мужескихъ, въ цѣлыхъ прилагательныхъ именахъ на (и); [Я, незаслужившій язвительныхъ и пакосныхъ именъ, дивлюсь токмо страсти. Наконецъ, радуюсь, что-обѣщаніе доказать мой способъ правописанія, исполнилъ Господамъ Товарищамъ самымъ дѣломъ] и притомъ хотя и всякая другая подобныхъ Отрепій. Но я мню, что-доказалъ, и довольно оправдиль способъ достовѣрнаго правописанія, кой-природенъ-есть-и-оставленному нынѣ числу літеръ въ гражданской печати.

Ломоносова, примѣчанія на предложеніе о множественномъ окончаніи прилагательныхъ именъ.

На § 4.

Хотя въ Славенскомъ языкѣ мужескія прилагательныя имена множественнаго числа въ именительномъ падежѣ кончатся на и, однакожъ изъ того не слѣдуетъ, чтобъ въ великороссійскомъ языкѣ имѣли они такое же окончаніе: ибо Славенской языкъ отъ Великороссійскаго ничемъ столько не разнится, какъ окончаніями реченій. Напримѣръ, по Славенски единственные прилагательныя мужескія именительныя падежи кончатся на ѡи и ѡй, богатый, старшій, синій; а по Великороссійски кончатся на ой и ей, богатой, старшей, синей. По-Славенски сыновомъ, дѣломъ, рудъ, мене, пихомъ, кланяхуся; по великороссійски, сыновьямъ, дѣламъ, руки, меня, (мы) пили, (они) кланялись. Та-

¹⁾ т. е. пѣса.

кимъ же образомъ и множественныя прилагательныя мужескія въ именительномъ падежѣ Славенскія разны отъ Великороссійскихъ.

Отъ малороссійскаго діалекта для установленія Великороссійскихъ окончаній ничегожъ не слѣдуетъ, ибо хотя сей діалектъ съ нашимъ очень сходенъ, однако его удареніе, произношеніе и окончанія реченій отъ сосѣдства съ Поляками и отъ долговременной бытности подъ ихъ властію много отмѣнились или прямо сказать попортились. Итакъ ежели намъ въ семъ случаѣ малороссіянамъ послѣдовать, не взирая на общее употребленіе, то Великороссійскій языкъ тѣмъ больше испортится, нежели исправится. Тоже надлежитъ разумѣть и о другихъ Великороссійскому сродныхъ языкахъ.

На § 5 и 6.

По мѣстоимнеямъ, именамъ существительнымъ и усѣченнымъ прилагательнымъ во множественномъ числѣ именительномъ падежѣ кончащихся на *ы* и *и* прилагательныхъ мужескихъ множественныхъ въ именительномъ падежѣ кончится на *и* принудить нельзя; ибо всякое надлежитъ къ своему собственному склоненію, въ которомъ каждое отъ употребленія положено. (Затѣмъ слѣдуютъ 19 строкъ, тщательно потомъ зачеркнутыхъ).

Изъ сего всего явствуетъ, что къ постановленію окончаній прилагательныхъ множественныхъ именъ никакіе теоретическіе доводы недовольны; но какъ во всей Грамматикѣ, такъ и въ семъ случаѣ одному употребленію повиноваться должно.

На 8 и 9.

Подлинно что употребленіе множественнаго окончанія Великороссійскихъ прилагательныхъ именъ въ именительномъ падежѣ непостоянно; однако не такъ, какъ въ сихъ параграфахъ предложено. Ибо на *е* множественное окончаніе во всѣхъ родахъ употребительнѣе нежели на *я*. Что явствуетъ во всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ отъ Великороссіянъ сочиненныхъ, каковы суть, уложеніе, указныя книги и другія печатныя и писменныя права и указы. А на *и* окончанія

множественнаго прилагательныхъ въ книгахъ отъ Великоросіянъ сочиненныхъ и переведенныхъ нигдѣ видать мнѣ не случилось. Чтожъ надлежитъ до неясственнаго произношенія послѣдняго племени въ тихихъ разговорахъ, то хотя слухомъ и трудно распознать, однако сіе бываетъ явно въ двухъ случаяхъ: 1) когда одинъ другому изъ дали кричить, 2) въ писмахъ. На примѣръ хотя въ обыкновенныхъ тихихъ разговорахъ реченія, человѣкъ, сударь произносятся глухо и почти, члѣкъ, сдарь; однако въ громкихъ разговорахъ произносятся равно какъ и пишутъ, человѣкъ, сударь. Подобнымъ образомъ и въ произношеніи прилагательныхъ множественнаго числа въ именительномъ падежѣ всякъ услышитъ у всѣхъ Великоросіянъ когда они громко говорятъ, и у всѣхъ увидитъ, которые недумая о правилахъ пишутъ, что оныя кончатся на е или на я во всѣхъ родахъ безъ разбору, но больше на е нежели на я, а на и никогда.

И такъ выведенное слѣдствіе въ концѣ § 9 есть неправильно: ибо 1) изъ Славенскихъ, малоросійскихъ и другихъ діалектовъ оконченіе множественныхъ прилагательныхъ не слѣдуетъ, а потому и с' разумомъ несогласіе и отъ него не защищается. 2) Въ Великоросійскомъ языкѣ какъ на писмѣ такъ и въ громкихъ разговорахъ неупотребительно а слѣдовательно и на употребленіе основанія не имѣетъ. Сверхъ того помянутое оконченіе на я не мало воснящаетъ употреблять Какофонія, то есть звонъ слуху противной, отъ стеченія гласныхъ подобное произношеніе имѣющихъ; ибо легче выговорить и пріятнѣе слышать: истинные свидѣтели, нежели истинныи свидѣтели.

На § 10 и 11.

Оконченіе множественныхъ прилагательныхъ женскихъ въ именительномъ на е утверждается особливо на требуемомъ различіи родовъ, котораго въ Россійскомъ языкѣ нѣтъ, въ новъ замышлять не надлежитъ.

Наконецъ мое мнѣніе въ томъ состоитъ, что введенное за 10 и больше лѣтъ въ Академической типографіи употребленіе множественныхъ прилагательныхъ оконченій мужескаго на е и женскаго и средняго на я хотя довольнаго основанія неимѣетъ,

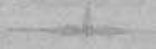
однако свойству нынѣшняго не противно. А предложенное въ сихъ пунктахъ мужское прилагательныхъ множественныхъ на и употребленію Великороссійскаго языка противно, и такъ лутче будетъ и въ прозѣ употреблять оное какъ уже нѣскольکو старое нежели сіе новое и незрѣлое, а въ стихахъ е и я во всѣхъ родахъ класть безъ разбора, смотря какъ потребууетъ оныхъ сложеніе; ибо сіе свойству Великороссійскаго языка не-противно.

однако, чтобы убедиться, что не произошло ли перемещения
на этих пунктах, необходимо произвести измерения в
на соответствующих пунктах, причем в том
случае, когда эти пункты не имеют точных
координат, необходимо измерить их координаты
относительно какой-либо известной точки.

ЗАДАЧА

Дана точка A и точка B. Найти расстояние между ними.
Решение. Проведем отрезок AB. Измерим его длину.
Получим расстояние между точками A и B.

Вспомогательные построения: проведем отрезок AB.
Измерим его длину. Получим расстояние между точками A и B.
Этот метод применим к любым двум точкам в пространстве.
Для измерения расстояния между точками A и B
нужно измерить длину отрезка AB. Это можно сделать
с помощью линейки или измерительной ленты.
Полученное значение будет расстоянием между точками A и B.

ЗАДАЧА

Дана точка A и точка B. Найти расстояние между ними.
Решение. Проведем отрезок AB. Измерим его длину.
Получим расстояние между точками A и B.
Этот метод применим к любым двум точкам в пространстве.
Для измерения расстояния между точками A и B
нужно измерить длину отрезка AB. Это можно сделать
с помощью линейки или измерительной ленты.
Полученное значение будет расстоянием между точками A и B.

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

- Аа, Пётръ фавъ деръ-. Мнѣніе его объ основаніи Академіи наукъ въ Петербургѣ, 7.
Альгаротти, 48.
Арскинъ, Робертъ, его отношенія къ Шумахеру и кончина, 3, 4.

Б.

- Байеръ, Теофіль Зигфридъ, академикъ, 9.
Барсовъ, Алексѣй, академическій корректоръ. Отправленіе въ Москву съ частію академической типографіи, 19.
Бекенштейнъ, Іоаннъ Симонъ, академикъ. Назначеніе участвовать въ дѣлахъ Академіи вмѣстѣ съ Шумахеромъ и жалобы на него послѣдняго, 9, 10.
Бернулли, Даниилъ. Распря его съ Бильфингеромъ, 12. Навѣты на него Шумахера, 14. Отъѣздъ изъ Россіи, 15.
Бильфингеръ, Георгъ Бернгардъ, академикъ. Назначеніе участвовать въ дѣлахъ Академіи вмѣстѣ съ Шумахеромъ; жалобы на него послѣдняго, 9, 10. Просьба объ увеличеніи жалованья, 11. Отъѣздъ изъ Россіи, 13, 14.
Биньонъ, Іоаннъ Павель, аббатъ, 4.
Блюментростъ Лаврентій. Учрежденіе Академіи наукъ по его плану, 5, 6. Поступки его противъ академиковъ по наущенію Шумахера, 12, 14.

- Браунъ, Іосифъ Адамъ, академикъ. Назначеніе его въ историческое собраніе при Академіи, 26. Возраженіе Ломоносова противъ его рѣчи въ цензурномъ отношеніи, 81—86.
- Бреввертъ, Карлъ, президентъ Академіи, 16.
- Бриенній, 115, 116.
- Брюль, графъ, 75.
- Буге (Bouguer) Петръ, 40.
- Бургаве, Германъ, 21.
- Бюшингъ, Антонъ Фридрихъ. Его извѣстіе о смерти Ломоносова, 88.

В.

- Вейдлеръ, 75.
- Вейтерехтъ, Іосій, академическій студентъ, впоследствии академикъ, 9.
- Виноградовъ, студентъ, 18.
- Винцгеймъ, Христіанъ Николай, академикъ, 20, 33, 44.
- Вольфъ, Христіанъ. Отзывъ его объ учрежденіи Академіи, 6; оказываетъ при томъ свое содѣйствіе, 8. Свидѣтельства объ успѣхахъ Ломоносова, 93, 94, 98.

Г.

- Гебенштрейтъ, Іоганнъ Христіанъ, академикъ, 80, 87.
- Гейнзій, Готфридъ, академикъ, а потомъ профессоръ въ Лейпцигѣ, 59, 60, 75, 98.
- Германъ, Яковъ, академикъ. Назначеніе участвовать въ дѣлахъ Академіи вмѣстѣ съ Шумахеромъ, 9. Недовольство Шумахера, 13. Отъѣздъ изъ Россіи, 14.
- Гмелинъ, Іоганнъ Георгъ, академикъ. Отъѣздъ изъ Россіи и отказъ вернуться туда, 29, 30. Отзывъ его о Ломоносовѣ, 31, 32. Отношенія къ Миллеру, 49.
- Гмелинъ, Филиппъ, письмоводитель при Бюментростѣ, 10.
- Голицынъ, князь, адмиралъ, 55.
- Головинъ, графъ Александръ, посланникъ въ Берлинъ, 9.
- Гольдбахъ, Христіанъ. Предположеніе его писать исторію Академіи наукъ, 5. Увольненіе изъ Академіи, 16, 17.
- Гришовъ, Августинъ Патангелъ, академикъ, 58, 61, 64.

Д.

- Дарже, Етѣннъ, секретарь и чтець Фридриха II, 53.
- Дахрицъ, Карлъ, медикъ, 62, 65.

- Делиль, Николай Иосифъ, академикъ. Его рѣчь противъ самовластиа академической канцеляріи, 16. Письмо его къ Миллеру съ угрозами на Академію, 32, 33.
- Длугошъ, Іоаннъ, польскій историкъ, 23.
- Дювернуа, Іоаннъ Георгъ, академикъ, 9. Жалоба на Шумахера, 13.

Е.

- Ейлеръ, Леонардъ, академикъ. Дружба его съ Дан. Бернулли, 14. Отъѣздъ изъ Россіи, 15. Предложеніе Ломоносову писать на премію, 28, 29. Переписка о возвращеніи въ Россію Гмелина-старшаго, 30. Подробности о печатаніи его *Scientia navalis*, 38—41. Выходка Шумахера противъ пристрастія Ейлера къ деньгамъ, 45. Сочиненіе задачъ на первый конкурсъ отъ петербургской Академіи, 47, 48. Отзывъ о рѣчи Ломоносова объ электричествѣ, 59. Письмо къ нему Румовскаго объ открытіяхъ Ломоносова, 74—78. Похвальные отзывы его о Ломоносовѣ, 92, 95, 98.
- Екатерина I, императрица. Внимательность ея къ академикамъ, 9.
- Екатерина II, императрица. Стихотвореніе къ ней Ломоносова, 80.
- Елизавета, императрица. Коронаваніе ея, 18, 19. Похвальное слово ей Ломоносова и намеки тамъ противъ прусаковъ и шведовъ, 53. Рѣчь Брауна въ день коронаванія, 82.

К.

- Клау Бургаве, Авраамъ, академикъ. Предположеніе Шумахера, что бы онъ наставлялъ Ломоносова въ химіи, 20, 21. Любовный процессъ, 44.
- Кейзерлингъ, Германъ Карлъ, баронъ, впоследствии графъ, президентъ академіи, 16.
- Кельрейтеръ, Іосифъ Феофилъ, адъюнктъ Академіи, а потомъ проживавшій въ Карлсруе, 87.
- Кириловъ, Иванъ Кириловичъ, 35.
- Клейнфельдъ, Готфридъ, адъюнктъ Академіи, 64.
- Корфъ, Іоаннъ Альбрехтъ, баронъ, президентъ Академіи. Его дѣйствія въ пользу Шумахера противъ академиковъ, 16.
- Котельниковъ, Симонъ, академикъ, 74, 87.
- Кратценштейнъ, Христіанъ Готливъ, академикъ, а потомъ профессоръ въ Копенгагенѣ, 44, 73, 80.
- Крафтъ, Георгъ Вольфгангъ, академикъ, а потомъ профессоръ въ Тюбингенѣ, 30, 50, 60.

- Крaшенинниковъ, Степанъ, адъюнктъ Академіи. Участіе въ комиссіи по поводу рѣчи Миллера, 50.
- Крекшинъ, Петръ. Доносъ его на Миллера въ государственномъ преступленіи, 23 — 24. Слухи о немъ, что представлялъ противъ рѣчи Миллера, 50.
- Круза, де-ла, авторъ сочиненія о механическомъ движеніи тѣлъ въ водѣ, 40.
- Крузусъ, Христіанъ, адъюнктъ Академіи, 26, 43, 45.
- Куникъ, Аристъ Аристовичъ, академикъ. Его «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ», 17, 18. Указаніе неизвѣстныхъ рукописей Ломоносова, 89, 92.
- Курakinъ, князь, посоль въ Парижѣ, 4.

Л.

- Ла-Кондаминъ, Карлъ Марія, 61, 62, 97, 98.
- Ла-Фонтенъ, 91.
- Лейбницъ, степень его участія въ учрежденіи Академіи наукъ, 4, 5.
- Лейнингенъ-Гартенбургъ, графъ. Дѣти его учатся у Шумахера, 3.
- Лемонъ, Петръ, 62.
- Ле-Руа, Петръ Людовикъ, академикъ, 26.
- Лефортъ, Іоганнъ, приглашаетъ Шумахера въ Россію, 3.
- Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, академикъ. Благоволеніе къ нему Шумахера въ первое время послѣ возвращенія изъ-за границы, 17. Его описаніе минералогическаго кабинета и переводъ театральнoй пьесы, 18—19. Причины вражды съ Миллеромъ, 20. Предположеніе чтобы Авр. Бургаве обучалъ его химіи, 20, 21. Переводъ въ сенатѣ исторической выписки Миллера, 23. Сочиненіе его на премію берлинской академіи наукъ, 28, 29. Отзывъ о немъ Гмелина-старшаго, 31, 32. Участіе въ слѣдствіи надъ Миллеромъ за письмо Делиза, 33. Письмо къ Татищеву и сочиненіе посвященія къ его исторіи, 35—38. О причинѣ оставленія перевода псалма СП, 36. Переводъ латинскаго посвященія Ейлера, 41. О характерѣ его, 44, 45, 48. Знаніе латинскаго языка, 49. Успѣхи при дворѣ похвальнаго слова Елизаветѣ, 53. Поѣздка въ Москву, 55. Успѣхи его тамъ и ссора съ Шумахеромъ, 56, 57. Столкновеніе съ Шумахеромъ по поводу рѣчи объ электричествѣ, 58. Доставленіе русской азбуки Ла-Кондамину, 61—62. Представленіе о визовѣ Дахрица и отказъ отъ каюедры химіи, 62, 64, 65. Несогласія съ Тепловымъ, 67. Недовольство противъ П. И. Рычкова, 70, 71. Отзывъ о его теоріи о свѣтѣ и цвѣтахъ, 73, 72. Невыгодныя

мнѣнія о его открытіяхъ Румовскаго, 76—78. Преобладаніе въ академической канцеляріи, 79. Гравюра къ русской исторіи его сочиненія, 80. Цензурныя замѣтки о рѣчи Брауна, 81. Временная отставка Ломоносова, 87, 88. Современныя извѣстія о его кончинѣ, 88. Судъ россійскихъ письменъ, преложеніе псалма Спш, мелкіе стихотворные и прозаическіе отрывки, 89—92. Похвальныя отзывы разныхъ ученыхъ о Ломоносовѣ, переписанные имъ самимъ 92—98. Возраженія, противъ правописанія Тредьяковскаго, 99—100. Намекъ Тредьяковскаго о незнаніи Ломоносовымъ грамматики, 108. Мнѣніе Ломоносова объ окончаніи прилагательныхъ множеств. числа, 116—119.

М.

Менке, Іоганнъ Буркгардъ, оказываетъ содѣйствіе въ учрежденіи Академіи наукъ, 8.

Меншиковъ, князь Александръ. Внимательность его къ академикамъ, 9.

Меркурьевъ, Иванъ, переводчикъ оперы Титова милосердіе, 19.

Миллеръ, Герардъ Фридрихъ. Составленная имъ біографія Шумахера, 2, 6. Мысль его о степени участія Лейбница въ учрежденіи Академіи наукъ, 5. Причины вражды его съ Шумахеромъ, 15. Причина вражды съ Ломоносовымъ, 20. Доносъ Крекшина на рукописныя выписки Миллера, 22—24. Учрежденіе имъ историческаго департамента, несогласія тамъ съ академикомъ Фишеромъ и основаніе историческаго собранія, 25, 26. Наказаніе за поручительство за Гмелина-старшаго, 30. Гоненія на него за письмо Делила, 32—34. Рѣчь его о происхожденіи русскаго народа и гоненіе по поводу ея, 46—53. Участіе въ дѣлѣ вызова въ Академію Сальхова, 62, 64, 65, 66. Донесеніе на Ломоносова, 67. Дружественныя сношенія съ Рычковымъ, 60. Письма къ иностраннымъ ученымъ о Ломоносовѣ, 73, 74. Строгости противъ него отъ Ломоносова, 78. Мысли Миллера объ увольненіи Ломоносова, 87.

Минихъ, Буркгардъ Христофоръ, обѣдъ у него для академиковъ, 9.

Н.

Ньютонъ, Исаакъ. Насмѣшливое названіе Ломоносову, 32. Опроверженіе его Ломоносовымъ, 77.

О.

Орловъ, графъ Григорій. Распоряженіе его объ печатаніи бумагъ Ломоносова, 88, 89.

II.

- Петръ Великій. Повелѣнія объ основаніи Академіи наукъ, 4—7. Похвалы ему Ломоносова, 38.
- Петръ II, императоръ. Переимѣна при немъ къ худшему положенію Академіи. 9.
- Петръ Ѳедоровичъ, великій князь, наслѣдникъ престола, впоследствии императоръ, 37, 38, 87.
- Полевика Григорій, 79.
- Поповъ, Никита, адъюнктъ Академіи, участіе его въ комиссіи по поводу рѣчи Миллера, 50, 52, 54. Наблюдене его въ парижской академіи наукъ, 62. Участіе въ дѣлѣ вызова въ Академію химика, 64.
- Порошинъ, генералъ, 98.

P.

- Разумовскій, Кириллъ Григорьевичъ, графъ, президентъ Академіи, 29, 30, 39, 41, 43, 45, 46, 54, 55, 58, 60, 64, 67, 92, 94.
- Рейзеръ, студентъ, 18.
- Рихманъ, Георгъ Вильгельмъ, академикъ, 44, 51, 53, 57, 58.
- Ролленъ, 115.
- Румовскій, Степанъ, академикъ. Вражда съ Ломоносовымъ и неблагопріятные отзывы о его открытіяхъ, 74—78.
- Рычковъ, Петръ Ивановичъ, членъ-корреспондентъ Академіи. Представитель русскихъ образованныхъ людей XVIII в., 35. Письмо къ Ломоносову, 68, 69. Объясненіе причины недовольства противъ него Ломоносова, 70, 71. Сообщеніе Ломоносову извѣстія о рудахъ, 72, 73. Вопросъ по случаю увольненія Ломоносова, 58.

C.

- Сакрамоса, кавалеръ, 47.
- Сальховъ, Ульрихъ Христофоръ, академикъ, 63, 65, 66.
- Стафенгагенъ, академическій архивариусъ, 64.
- Сумароковъ, Александръ Петровичъ. Ненадки его на Тредиаковскаго и возраженія послѣдняго, 100, 101, 105, 106, 116.

T.

- Татищевъ, Василій Никитичъ. Перениска его съ Шумахеромъ, 35. Просьба къ Ломоносову написать посвященіе къ исторіи и награжде-

ніе за то, 35, 38. О псалмѣ СШ, 34, 89. Упомянуваніе о немъ Ломоносова, 98.

Таубертъ, Иванъ Ивановичъ. Назначеніе его въ историческое собраніе при Академіи, 26. Пребываніе за границею, 30. Поѣздка въ Москву для полученія аренды, 54 — 55. Наружная покорность Ломоносову, 79. Запросъ его Котельникову по поводу увольненія Ломоносова, 87. Извѣстіе его о смерти Ломоносова, 88, 89. Отжѣтка его на письмѣ Ейлера, 92, 94.

Тепловъ Григорій. Его студенческая диссертация, 18. Участіе его въ дѣлѣ о попуженіи Гмелина-старшаго возвратиться въ Россію, 30. Гоненія его на Миллера, 32, 33. Вліяніе на академическія дѣла, 41, 42. Несогласія съ Ломоносовымъ, 66, 67. Посылка къ Эйлеру диссертаций Ломоносова, 92.

Тихонравовъ, Николай Савичъ, 89.

Тредиаковскій, Василій Кириловичъ, академикъ. Участіе его въ комиссіи по доносу Крекшина на Миллера, 24. Назначеніе секретаремъ въ историческомъ собраніи, 26. Протестъ его противъ взысканій за непосѣщеніе засѣданій, 27, 28. Участіе въ комиссіи о письмѣ Делиля къ Миллеру, 33. Его переводъ университетскаго устава, 43. Участіе въ комиссіи по поводу рѣчи Миллера, 50. Мнѣніе о правописаніи прилагательныхъ, 98 — 116. Возраженіе противъ него, 100, 101, 105, 106, 116.

Ф.

Фабръ, Василій, 115.

Федръ, 91.

Фелькнеръ, письмоводитель при графѣ Разумовскомъ, 60.

Фельтгенъ, вдова, теща Шумахера, 54.

Фишеръ, Іоаннъ Эвергардъ, академикъ. Несогласія его съ Миллеромъ, 25, 26. Отзыви его о Ломоносовѣ и Миллерѣ, 49. Участіе въ комиссіи по поводу рѣчи Миллера.

Формей, Іоаннъ Генрихъ, издатель Bibliothèque germanique, 97, 98.

Франклинъ, 60.

Фридрихъ II. король прусскій, 53.

Ч.

Чернышевъ, тайный совѣтникъ, 60.

III.

- Шлаттеръ, совѣтникъ монетной канцеларіи. Отзывъ его о Дахрицѣ противъ Ломоносова, 64, 65.
- Шоберъ, Готлибъ, докторъ, путешествовавшій по Россіи, 4.
- Штегелинъ, Иванъ, 54.
- Штелинъ, Яковъ, академикъ. Поѣздка въ Москву для постановки на сцену новой оперы, 18, 19. Назначеніе въ историческое собраніе при Академіи, 26. Участіе въ слѣдствіи надъ Миллеромъ за письмо Дедіа, 33. Выходка противъ него Шумахера, 45. Производство въ статскіе совѣтники, 87.
- Штруве-де-Пирмонъ, Фридрихъ Генрихъ, академикъ, 24, 26, 33, 50.
- Шумахеръ, Иоганнъ Даниль. Его воспитаніе, 3. Служба при Арсеннѣ, 5. Свидѣтельство его о причывахъ къ учрежденію Академіи наукъ, 5, 6. Путешествіе за границу, 7.хлопоты его при основаніи Академіи и вступленіе въ управленіе дѣлами ея, 8, 9. Ссоры съ академиками, навѣты на нихъ президенту, 10—16. Намѣреніе поручить Авр. Бургаве преподавать химію Ломоносову, 20—22. Мнѣнія Шумахера о Ломоносовѣ въ 1748 году, 28, 29. Переписка его съ русскими образованными людьми, 34, 35. Выходки противъ академикомъ во времена Разумовскаго, 43—45. Навѣты на Миллера по поводу его рѣчи, 46—49. Мнѣніе Шумахера, какъ бы слѣдовало писать ея, 51, 52. Ходатайство объ арендѣ и представленіе плана Петербурга, 54—56. Столкновеніи съ Ломоносовымъ, 55—57. Отзывы о тшеславн и высокоуміи Ломоносова, 59, 60. Выходка противъ Ломоносова, 67. Отзывъ Румовскаго о характерѣ Шумахера, 75. Безсиліе его противъ Ломоносова и смерти, 78—80. Мнѣніе его о правописаніи Тредіаковскаго, 99.

27695

